

 XX ВЕК: ДВА
ЛИКА
ПЛАНЕТЫ

*Французские
писатели*

*о
Стране
Советов*

*Французские
писатели*

*О
Стране
Советов*

Составитель, автор послесловия и примечаний
В. С. Соколов

Французские писатели о Стране Советов /Со-
Ф84 ставитель, автор послесловия и примечаний
В. С. Соколов. — Л.: Лениздат, 1985.—303 с., ил.
(XX век: два лика планеты).

В сборник вошли произведения писателей Франции (А. Барбюса, Л. Арагона, Ж. Садуля, Ж.-Р. Блока, П. Вайяна-Кутюрье, П. Гамарра и др.), посвященные Советскому Союзу. Сборник завершается послесловием доктора филологических наук В. Соколова «Живая явь великих традиций».

Ф $\frac{470300000-077}{M171(03)-85}$ 242—85

84.34Фр

© Состав, послесловие, примечания
и оформление, Лениздат, 1985

Жан Ришар БЛОК

Блок, Жан Ришар (1884—1947) — французский писатель и публицист, активный сотрудник и один из руководителей французской прогрессивной печати 1920—1940 годов. Член Французской коммунистической партии (ФКП). В годы второй мировой войны находился в эмиграции в СССР. В 1941—1944 годах регулярно выступал в передачах Московского радио на Францию. Собранные воедино, его радиокomentarии были изданы в 1949 году в Париже в виде отдельной книги под названием «От Франции преданной к Франции сражающейся».

Статья «Мысли француза о Ленине» была написана Жаном Ришаром Блоком в феврале 1943 года. Впервые на французском языке опубликована в парижском журнале «Эроп» в сентябрьско-октябрьском номере 1967 года. Печатается по тексту: Иностранная литература, 1970, № 4.

[Радиокomentarии военных лет] в переводе В. С. Соколова публикуются во втором разделе настоящего сборника.

Очерк «Москва — Париж», также помещенный во втором разделе, печатается по тексту сборника «С Францией в сердце». М.: Прогресс, 1973.

МЫСЛИ ФРАНЦУЗА О ЛЕНИНЕ

Декабрь 1908 года; в Париж прибывает русский политэмигрант. Зовут его Владимир Ильич Ульянов, ему 38 лет...

1908 год; Жорес¹, Бриан², Мильеран³, Клемансо⁴, Пуанкаре⁵ — признанные звезды на политическом небосводе. «Сердечное согласие»⁶ и франко-русский альянс составляют основы внешней политики Франции и ее без-

Произведения публикуются с небольшими сокращениями.

¹ Жорес, Жан (1859—1914) — видный деятель французского и международного социалистического движения, борец против милитаризма и войны; историк, публицист, оратор; основатель и руководитель (1904—1914) центрального органа Объединенной французской социалистической партии газеты «Юманите», ставшей впоследствии центральным органом Французской коммунистической партии. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания составителя.)

² Бриан, Аристид (1862—1932) — французский государственный деятель, дипломат, многократно занимал пост премьер-министра в 1909—1931 годах. В своей политической деятельности активно выступал против Страны Советов.

³ Мильеран, Александр (1859—1943) — французский государственный и политический деятель, видный представитель оппортунистического течения в социалистическом движении; председатель совета министров Франции (1920), президент Франции (1920—1924).

опасности. Франция богата и трудолюбива; Европу несет волна бурного индустриального роста. Но куда несет? Лишь немногие способны различить в недрах этих мирных дней грядущую войну, увидеть в сердцевине сочного плода благоденствия червоточину бедствий.

Прибывший в Париж принадлежит к этим немногим. Но кто об этом знает? И кто знает его? В руководящих кругах французских социалистов он известен под псевдонимом *Ленин*, которым подписывает свои сочинения с 1901 года. Знают, конечно, об его спорах с прежним штабом русской политической эмиграции. Но споры эти ведутся на языке, доступном не каждому. И эти разногласия кажутся чересчур сложными берлинским или парижским социологам. К тому же Россия — незнакомка. Она явно отстает от уровня современной цивилизации. Жизнь там дорогая, доступ туда всячески затруднен, климат суровый, язык почти не поддается усвоению — одним словом, там редко встретишь туриста-эстета, искателя еще неизведанных и приятных впечатлений. А туристу-социологу там вроде бы делать нечего. Там ведь народ отсталый!..

И уж, конечно, многомудрые пророки не решатся утверждать, что эта бесформенная масса найдет в самой себе факторы решительного возрождения, невиданные и плодотворные принципы организации, импульс достаточно могучий, дабы, встряхнувшись, гигантскими шагами двинуться вперед и потрясти весь мир гулом своих шагов.

Но есть человек, который размышляет над этим. Человек, который это предвидит. Человек, который в этом убежден. Этот человек — русский, прибывший в Париж в один из декабрьских дней 1908 года⁷.

⁴ Клемансо, Жорж (1841—1929) — французский государственный и политический деятель; председатель совета министров Франции в 1906—1909 годах и в 1917—1919 годах, активный организатор интервенции против молодого Советского государства и подавления Венгерской советской республики в 1919 году.

⁵ Пуанкаре, Раймон (1860—1934) — французский политический деятель. Один из организаторов первой мировой войны. В 1912—1913 годах был премьер-министром и министром иностранных дел, а с 1913 по 1920 год — президентом Франции. Один из злейших врагов Страны Советов.

⁶ «Сердечное согласие» — соглашение 1904 года между Англией и Францией о разделе сфер влияния в Северной Африке.

⁷ В. И. Ленин прибыл в Париж между 29 ноября и 1 декабря 1908 года. Считая с отъездами в разные европейские города по партийным делам, он прожил в Париже до июня (ранее 13 июня) 1912 года.

Конечно, мыслящий европеец отлично понимает, что проблему России нельзя охватить, пользуясь лишь упрощенными представлениями. Русская литература, русская музыка привлекают внимание всего мира. Гоголь, Пушкин, Тургенев, Достоевский, Толстой, Мусоргский, Чайковский, Римский-Корсаков вызывают всеобщее восхищение. Передовые люди искусства открывают для себя Чехова. Но, странное дело! Как раз сами русские писатели вроде бы стремятся показать, что Россия с головой ушла в разрешение диковинных проблем — трагедий совести, трагедий, ничем не похожих на те, что волнуют реалистических и романтических художников Запада! Разве Тургенев в «Вешних водах» не показывает в смехотворном виде своего героя? Читая «Преступление и наказание», «Воскресение», «Чайку», ленивые европейские умы полагают, что от русского вопроса можно легко отмахнуться, прибегнув к несложной хитрости. Создается некий ходячий миф. В этот-то миф и стараются втиснуть Россию и русских, и тогда призывают на помощь пресловутую «славянскую душу» и пресловутое «Nitchevo»!

События 1905 года как будто подтвердили это немудреное умозаключение. Героизм и нерадивость, доблесть и легкомыслие, выдержка и равнодушие, величественное и ничтожное — вот какой выделась из европейского далека война в Маньчжурии, великолепная и бессмысленная кампания вице-адмирала Рожественского¹, закончившаяся в пучинах Цусимы. «Славянская душа! Nitchevo!» А в Санкт-Петербурге пролетариат великого города идет к императорскому дворцу вслед за иконами, вслед за длиннородым попом, и все кончается, как в Цусиме, — кровью и грязью. «Славянская душа! Nitchevo!»

Но есть в Европе человек, который отказывается удовлетвориться подобными нелепыми объяснениями и слишком легким решением проблем. Это иностранец, живущий в Париже с 1908 по 1912 год, простой в обращении, деятельный и трудолюбивый. Это Ленин. Он снимает маленькую квартиру в квартале Монсури...

¹ Кампания вице-адмирала Рожественского — предпринятая во время русско-японской войны 1904—1905 годов под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского экспедиция 2-й русской Тихоокеанской эскадры из Балтики во Владивосток, закончившаяся сражением в Корейском проливе у острова Цусима (Цусимское сражение) 27—28 мая 1905 года.

Днем его можно увидеть в Национальной библиотеке. Он один из самых усердных посетителей читального зала. Иногда вечерами он выходит из дома со своей спутницей; он любит заглянуть в зрительные залы рабочих кварталов, в эти скромные театрики и кабаре парижских окраин. Интересно и поучительно наблюдать живое, непосредственное восприятие искусства простыми людьми Парижа. В это время на юге Франции происходили волнения. Посланный на усмирение полк отказался выступать против мятежных виноградарей. Монтегюс создает свою «Славу 17-му!» и множество других популярных песенок, которыми восхищался Ленин. В воскресенье, в хорошую погоду, он гуляет по окрестностям Парижа, бродит по чудесным лесным тропинкам. А в 1909 году выпускает свой «Материализм и эмпириокритицизм» — труд, который еще не скоро дойдет до западной публики, даже до профессиональных ученых и философов. Однако тот, кто хочет понять «тайну» возрождения русского народа под руководством Ленина, должен снова и снова возвращаться к этому фундаментальному исследованию. Этой книгой Ленин как бы вручил золотой ключ всем, кто стремился открыть врата будущего; но на Западе, за исключением нескольких сот русских социалистов, ничья рука не протянулась принять этот дар. Его не знали или не постарались понять вплоть до того дня 1917 года, когда этот золотой ключ взял в свои руки русский народ и тяжелые бронзовые врата, за которыми открывалась дорога в будущее, скрежеща, повернулись на своих петлях.

Свободомыслящий француз, который успел еще до катастрофы мая — июня 1940 года совершить паломничество по ленинским местам во Франции, не раз задумывался над тем, как странно подчас складывается судьба человеческого общества. В течение четырех лет самый светлый ум Европы находился у нас, во Франции. Но никто из видных политиков, блиставших на тогдашнем горизонте, не подозревал, сколь проницательный взор был устремлен на них, внимательно следил за их деятельностью. Этот человек не таился. И он выковывал свое творение, выковывал Россию, выковывал целый мир. Понятно, такому человеку некогда было щеголять остроумием в парижских салонах.

Теперь весь мир корчится в невиданном кризисе и находится на самом краю бездны ужаса и варварства. Шеломленные народы стали свидетелями того, как в

несколько часов рухнуло под ударом гигантского робота¹ одряхлевшее здание французского общества, которое столь многие издавна привыкли считать своим укрытием, своей защитой. Мир в ужасе наблюдал, как шагает робот по необозримым пространствам от Нордкапа до Пиренеев, от собора Парижской богородицы до афинского Парфенона, как он за несколько месяцев растоптал своим сапогом целый материк, обратив Европу в пепел, покрыл ее виселицами, усеял ее землю тысячами тысяч братских могил, залил ее кровью и грязью, и было слышно в настороженной тишине лишь уханье его орудий и непристойное урчание его стального чрева.

И вот тогда-то поднялся один народ, который не только сказал мерзкому призраку «Не пройдешь!», но и совершил все, чтобы обезвредить чудовище. Какой народ? Да тот самый народ, который люди Запада еще тридцать лет назад представляли себе в грубо извращенном виде, с которым, по мнению «знатоков» и проницательных наблюдателей, нельзя было связывать своих надежд. Как? Тот самый народ? Что же произошло? Произошла та встреча, которая бывает лишь раз в тысячелетие: встреча величайшего ума и народа, чей дух воплощался в этом уме, равно как воплощались в нем народные чаяния, народная мощь и все возможности, заложенные в России, и в конце концов они стали едины. Это органическое слияние гения одного человека с гением народа предполагает наличие огромной любви, безграничной веры, беспредельного великодушия, сверхчеловеческой способности жертвовать собой, забывать себя. О какой любви идет речь? О любви к народу, его породившему. О какой вере? О вере в силы этого народа. Все это было в Ленине. Критический ум, алмаз чистый и острый, ограждал эти достоинства от упрощений любого вида. Неукротимая физическая и интеллектуальная энергия была подчинена у Ленина величайшей и разносторонней силе ума.

Моя задача не в том, чтобы набросать портрет Ленина: мне это не под силу. Моя задача лишь в том, чтобы осознать один из самых чудесных сдвигов в истории... Год 1917-й! Начинается колоссальный процесс зарождения новой России вопреки безумному миру, который пытается удушить и этого человека, и эту нацию, насылая тлетворные тучи. 1924 год: сраженный тяжелым

¹ Имеется в виду фашистская Германия.

недугом, этот человек умирает... 1941 год: величайшее испытание народов и государств — война обрушивается на молодой советский народ, находившийся еще в начале своего пути. И мир, обезумевший от ужаса, мир при последнем издыхании внезапно увидел, когда рассеялись тучи, которыми умышленно скрывали от него истину, увидел то, к чему многие из нас пытались привлечь его взор, и ныне мир, доведенный до отчаяния, увидел, как на его защиту поднимается возрожденный народ, народ, который сумел противопоставить немецкой «организованности» высшую организованность, немецкой технике — технику еще более совершенную, немецким машинам и заводам — лучшие заводы и машины, гитлеровской армии — армию более могучую, наконец, германскому роботу — бойца, который сидит в таком же окопе, но в груди которого бьется человеческое сердце, сердце свободного человека.

Таковы были результаты дела Ленина и тех, кто это дело продолжил.

О, если б я мог после войны еще раз присоединиться в горячем и душевном порыве к бесконечной череде советских мужчин и женщин, терпеливо ждущих на Красной площади счастливого мгновения, когда в глубине Мавзолея из темного мрамора они увидят ставшее нетленным лицо великого Ленина, его спокойный лоб, знакомое доброе выражение рта, его скромный пиджак и белоснежный воротничок.

1943

Анатоль ФРАНС

Анатоль Франс (*псевдоним*) — Тибо, Анатоль Франсуа (1844 — 1924) — выдающийся французский писатель, лауреат Нобелевской премии. Активно выступал в защиту русской революции начиная с 1905 года. Вступил в ФКП в 1922 году.

Статья «Пятая годовщина русской революции» была напечатана 8 ноября 1922 года в «Юманите», а 21 ноября того же года в газете «Известия». Печатается в переводе Н. М. Любимова по изданию: Франс А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 8. М.: ГИХЛ, 1960.

ПЯТАЯ ГОДОВЩИНА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пять лет тому назад Советская Республика родилась в нищете. Непобедимая, она явилась носительницей нового духа, грозящего гибелью правительствам несправедливости и угнетения, которые делят между собой Землю. Старый мир не ошибся в своих опасениях. Его вожаки сразу угадали в ней своего врага. Они двинули против Советской Республики клевету, богатство, силу. Они хотели ее задушить; они посылали против нее шайки разбойников. Советская Республика сомкнула ряды красных бойцов, и разбойники были разбиты. Если в Европе есть еще друзья справедливости, они должны почтительно склониться перед этой революцией, которая впервые в истории человечества попыталась учредить народную власть, действующую в интересах народа. Рожденная в лишениях, возросшая среди голода и войны, Советская власть еще не довершила своего громадного замысла, не построила еще царства справедливости. Но она, по крайней мере, заложила его основы.

Она посеяла семена, которые при благоприятном стечении обстоятельств обильно взойдут по всей России и, быть может, когда-нибудь оплодотворят Европу.

1922

Поль ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ

Вайян-Кутюрье, Поль (1892 — 1937) — французский писатель и публицист. Один из основателей ФКП, избирался членом ее ЦК и членом Политбюро ЦК ФКП. В период с 1926 по 1937 год являлся главным редактором газеты «Юманите». Неоднократно бывал в нашей стране. Автор следующих книг о Стране Советов: «Месяц в Красной Москве» (1925), «Поля хлебов и нефтяные поля» (1929) и «Строители новой жизни» (1932).

Очерк «Ленин», написанный Полем Вайяном-Кутюрье в 1925 году, печатается по тексту сборника «Друзья Октября и мира». 2-е изд. М.: Художественная литература, 1977.

Отрывки из книги «Поля хлебов и нефтяные поля» печатаются в этом же разделе настоящего сборника по тексту: Иностранная литература, 1972, № 8.

ЛЕНИН

Коротки неизгладимые минуты, проведенные мною с Лениным. С тех пор, как его нет с нами, я жадно роюсь в своей памяти, чтобы восстановить мельчайшие подробности этих драгоценных мгновений. И когда открываю его книги, погружаюсь в его учение, идеи, слова, я сразу вновь вижу живого Ильича, с его глазами, улыбкой, жестами...

Это было в 1921 году. Год после вступления Французской коммунистической партии в Коминтерн. Через развалины Европы мы пришли к созидающему пролетариату Советской страны.

Ямбург¹, Кронштадт, Петроград зияли еще тысячами открытых ран. Уже тогда мы были поражены до глубины души встречей с этими легионами людей, пионерами новой жизни, солдатами разрушения и возрождения, войны и строительства.

Поставили ногу на советскую землю и сразу почувствовали себя физически освобожденными от западноевропейского капитализма. Мы почувствовали себя перерожденными, но до крайности идеологически слабыми и беспомощными. Русская партия. Вот это партия! А мы, французы, мы все еще возимся с фроссарами². Под давлением этих мелких буржуа нашей партии до последнего времени некогда было заняться воспитанием

¹ Ямбург — ныне город Кингисепп.

² Фроссар, Оскар — ренегат Французской коммунистической партии.

масс, партия погрязла в мелкобуржуазной тине. Не скрываю, что некоторые из нас и я лично, увлекаемые нашей ненавистью к правым, делали и говорили глупости.

Помню, как во время заседания французской секции я подошел к Ленину.

— Вы левый? Ну-ну, не так страшно.

Он сразу же увидел меня насквозь и любящей рукой поставил на место. Никогда я не встречал такого человека. Мы с ним после этого говорили о многом при случайных встречах: о крестьянах, о французской революции, о Парижской коммуне.

Владимир Ильич был и оставался олицетворением непрерывного действия и в то же время марксистом с головы до ног. Соприкосновение с ним производило на сознание впечатление вихря, ворвавшегося в душную комнату; оно освежало загруженный предрассудками и формальными доктринами мозг.

Нарисовать Ленина до сего времени не удалось; черты его лица были до того насыщены внутренним содержанием его образа, что передать это карандашом почти невозможно. Широколицый, скуластый, с редкой бородкой, крупным носом, постоянной лукавой улыбкой на губах и в глазах, с руками в карманах. Несравненное добродушие, прямота, спокойствие, железная логика, культура и знания энциклопедиста.

У этого гиганта мысли и воли не могло быть места душевным драмам. Твердая уверенность в правоте своего дела, ни одного колебания, отклонения от раз намеченной цели.

Ленин-интеллигент умел мыслить, как рабочий. Ленин-оратор говорил без пустых фраз и трескотни. Человек, потрясший весь мир, в чьем сознании непрерывно переваривалось все, чем жил и дышал этот мир,— этот человек сохранил в себе до конца сознательной жизни удивительную способность чувствовать и мыслить, как китайский кули, как носильщик-негр. Угнетенный вьетнамец, индус были ему так же понятны, были такой же открытой книгой, как ленинградский металлист, как парижский текстильщик, как шахтер из Новой Виргинии. Ленин — это законченный тип нового человека; он является для нас прообразом человека будущего.

Таким предстал передо мной Владимир Ильич с первых дней моей встречи с ним,

Жорж КОНЬО

Коньо, Жорж (1901 — 1978) — французский писатель, философ-марксист и общественный деятель. Член ФКП, избирался членом ее ЦК. Участник движения Сопротивления. Был арестован фашистами и заключен в концлагерь. В 1942 году возглавил побег из лагеря большой группы патриотов. Жорж Коньо внес большой вклад в развитие коммунистической печати Франции: в период с 1937 по 1949 год был главным редактором «Юманите», являлся одним из основателей и руководителей марксистского теоретического журнала «Пансе» («Мысль»). Избирался в 1936—1940 годах депутатом палаты депутатов, депутатом Национального собрания (с 1946 по 1958 год), был сенатором Французской республики с 1959 года.

Является автором трудов по вопросам философии, религиоведения, а также теории и истории просвещения. Неоднократно бывал в нашей стране. Автор книги «Знакомство с Советским Союзом».

Очерк «Первая поездка в СССР» печатается по тексту: Коньо Жорж. Избранный путь. М.: Прогресс, 1980.

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В СССР

В том же 1928 году я впервые поехал в Москву, чтобы наладить рабочие контакты с профсоюзом советских работников просвещения.

Как и весь Советский Союз, Москва готовилась перейти от нэпа к социалистическому наступлению. В ту пору советская столица была, конечно, совсем не такой, как сегодня. Каждое утро с Неглинной улицы, где находилась моя гостиница, я пешком отправлялся на Солянку, 12, к Дому профсоюзов, или, как его тогда называли, Дворцу труда. По дороге я буквально пожирал глазами все, что видел на улице.

Еще процветала частная торговля. И доля капиталистических элементов в национальном доходе СССР превышала восемь процентов. В «забегаловках» было полно народу. В одной из них я обычно задерживался, чтобы съесть пирожное. Своим внешним видом, обшарпанным и в то же время живописным, она представляла собой типичный трактир, описанный в классической русской литературе.

Далеко не все были заняты работой. В квартале, который назывался Китай-городом, возле уже не существующей ныне стены группы молодых людей лениво лузгали семечки или смачно впивались в ломти арбузов, наблюдая, как другие, несмотря на запрет, резались в «очко».

Сорок пять лет назад я видел, как каменщики мостили улицу. Не так, как во Франции, согнувшись в три погибели, а сидя на земле и спокойно укладывая булыжники рядом с собой, с неторопливостью крестьян, знающих, что у них есть еще время в запасе.

Водопровод в гостинице был фиктивным. Вода подавалась из небольшого бака, который коридорный собственноручно наполнял каждый вечер. Москва была бедной, со старой техникой, повсюду были видны следы проклятого прошлого.

И вместе с тем, уверенная в будущем и преисполненная воли его добиться, Москва бурлила революционным энтузиазмом. Я убеждался в этом ежедневно, приходя в штаб-квартиру профсоюза работников просвещения. Здесь реально разрабатывались вопросы нового подхода к культуре, обеспечения равных возможностей для рабочих и крестьян получить доступ к самым современным знаниям. На еще плохо убранных московских улицах повсюду можно было видеть объявления о вечерних курсах для взрослых, о школах для трудящихся, о рабфаках.

Во всех школах, которые я посещал, царил действительная демократия. Впервые я увидел школу поистине трудовую, в полном смысле слов единую и светскую. У нас во Франции эти понятия были опознаны.

Расхлябанный поезд, за ночь протащившийся всего три сотни километров, привез меня в Иваново — город текстильщиков, центр активного рабочего движения, ставший в 1905 году родиной первого Совета. В Иваново проходило районное совещание учителей, которое я приветствовал от имени Интернационала работников просвещения (ИРП). По окончании состоялась большая демонстрация на улицах города. В колонне одетых в рабочие спецовки учителей я шел с немолодой уже француженкой, которая раньше работала воспитательницей в семье одного промышленника. Теперь она стала школьным инспектором. Как о самом обычном, она рассказывала мне, что по вечерам выходит на улицу с фонарем в руках, так как в их квартале еще нет освещения. Но она знала, что свет социализма озарит всю Россию, весь Советский Союз благодаря деятельности большевиков, возглавивших рабочий класс, всех трудящихся.

Побывал я и в Ленинграде, где меня пригласили в Дом ученых. Это было величественное здание по соседству с Зимним дворцом и с таким же величественным ви-

дом на Неву. Там было много ученых, сформировавшихся еще при дореволюционном режиме. Но все они были полны энтузиазма в свете перспектив, которые новый строй открывал им в области науки и техники. Я тогда и не предполагал, что всего через десять лет мне придется выступать перед трудящимися Москвы, приветствуя первый советский перелет через Северный полюс. И уж, конечно, не предполагал, что еще через какую-нибудь пару десятков лет после этого на небе взойдет новая, рукотворная звезда, прославляя достижения советской науки.

Первый пятилетний план

Вернувшись в Москву, я имел счастье быть принятым в Наркомпросе Российской Федерации Н. К. Крупской. Она была тогда членом коллегии Наркомпроса. Это была уже пожилая женщина, ее живые глаза светились добротой, а улыбка была такой же обаятельной, как на фотографиях ее молодости. Наша беседа продолжалась два часа. Крупская расспрашивала о моей работе. Ее особенно интересовала тяжкая судьба преподавателей-революционеров в Болгарии, Югославии и других Балканских странах, их полулегальные издания, которые доходили к нам в Париж. Она обратила мое внимание (и, как показало будущее, очень прозорливо) на перспективы широкого развития профсоюзного движения среди учителей Латинской Америки. С большим тактом ориентировала она меня в проблемах, связанных с моей работой. Советовала проявлять особую заботу о единстве в рядах международной организации работников просвещения, учитывая, что среди ее членов были и реформистские профсоюзы социалистического толка из Бельгии и Люксембурга.

Крупская настойчиво подчеркивала коренное различие между культурной революцией в пролетарском государстве с его новой системой организации обучения на основе объединения науки и труда и тем, что существовало в западноевропейских капиталистических странах, — «единой школой» во Франции, «школьной реформой» и «трудовой школой» в Веймарской Германской республике и т. п.

В СССР разрабатывавшийся пятилетний план предусматривал повышение культурного уровня широких масс и ускоренное формирование квалифицированных ра-

бочих кадров. В СССР в 1927—1928 годах только 54 процента жителей старше восьми лет умели читать и писать. В 1932—1933 годах эту цифру планировалось довести до 82 процентов. Моя собеседница напомнила мне, что до первой мировой войны грамотных в стране было лишь 23 процента, в 1920-м — уже 33 процента. Число учителей с 266 тысяч в 1927—1928 годах планировалось довести до 422 тысяч в 1932—1933 годах.

Библиотеки, клубы, тиражи газет и книг, радиоприемники, кинотеатры — все эти слагаемые культуры должны были расти ускоренными темпами. Эти цифры вселяли энтузиазм. И я искренне радовался, когда на своей августовской сессии 1929 года исполком ИРП принял решение о широкой пропаганде среди работников просвещения всего мира пятилетнего плана культурного развития в СССР.

После бесед в Москве я смог оценить всю важность принципа планирования социалистической экономики. В то время это была совершенно новая идея. Теперь уже государственно-монополистический капитализм учится у социализма, пытаясь приспособить к своим целям элементы планирования и научной организации экономики. Разве не показательно, что уже не социализм, а капитализм заимствует у социализма методы и формы экономической жизни. Но внутренняя логика капиталистической системы продолжает существовать со всеми ее пороками. Когда я пишу эти строки, буржуазное общество вновь переживает состояние глубокого кризиса.

Спустя несколько месяцев после возвращения в Париж заместитель директора Высшего педагогического института Селестэн Бугле пригласил меня прочесть в Центре социологических исследований института лекцию о советском пятилетнем плане.

Когда я закончил свое выступление, кто-то поднялся, чтобы «ответить» мне. По близорукости я не разглядел лица этого типа, сидевшего в зале рядом с Бугле. И тут я его узнал. Это был Борис Суварин, ренегат, с которым я когда-то встречался в партии. Не знаю уж, каким способом пролез он на это заседание в учреждение, к которому не имел никакого отношения.

Суть его возражений была весьма примитивна: Россия бедна, русские живут в нищете, безграмотный мужик никогда не сможет построить социализм. Злоба и ненависть, с которой все это он выкладывал, произвели отрицательное впечатление на молодежную аудиторию.

Его резкость вызвала неодобрительные реплики даже со стороны, казалось бы, самых нейтрально настроенных студентов. А Бугле, этот корифей французской социологии, был так смущен, что повторял лишь одну фразу: «Я в этом ничего, ничего не понимаю».

В 1928 году Советский Союз действительно испытывал многие лишения. И мне это было известно. Известно, что было еще много неграмотных. Но я знал и то, что в социалистической системе заключены силы, способные преодолеть все препятствия, доставшиеся в наследство от прошлого. Что она таит в себе еще не распознанные достоинства, ни с чем не сравнимую мощь сознательно сплотившихся масс, и сплотившихся именно потому, что эта система действует в их интересах. И, говоря все это почти пятьдесят лет назад студентам пединститута в ответ на выпады реакционеров, я сказал им правду.

...В августе 1929 года в Брюсселе состоялась сессия исполкома ИРП. Ей предшествовал выход из Интернационала нашей бельгийской секции — Объединения преподавателей-социалистов. Это решение самым циничным образом было навязано ему Международной амстердамской федерацией профсоюзов и Бельгийской рабочей партией. Исполком указал на вялость деятельности секретариата, занимавшего примиренческую позицию по отношению к раскольникам. Руководство правых социалистов, проводя раскольническую политику, подрывало единство также в Интернационале работников пищевой промышленности. Одновременно усиливалась кампания против Советского Союза, в частности против советской системы обучения.

В 1930 году, находясь в Москве по приглашению профсоюза работников просвещения, я оказался свидетелем движения за выполнение пятилетки в четыре года. Я воочию убедился также, какую огромную работу провели профсоюзы, то есть рабочий класс, в связи с коллективизацией в деревне. Именно профсоюзы подбирали людей, которым предстояло поехать в деревню. Я присутствовал, таким образом, при подборе тех, кого история назовет потом «двадцатипяти тысячами».

В наших, капиталистических странах многие историки до сих пор уверяют, будто эти двадцать пять тысяч человек были направлены в деревню, чтобы насильственным путем создать там коллективистскую экономику, что речь шла об административном давлении на крестьянст-

во. Цель здесь очевидна — опорочить идею союза рабочего класса и крестьянства. В действительности деятельность «двадцатипяти тысячников» — это пример сотрудничества рабочих и крестьян в борьбе за кооперирование сельского хозяйства, прямая помощь трудящихся города сельским середнякам и беднякам...

Зримые успехи социализма

В июле 1934 года я вновь побывал в Советском Союзе. Во время этой поездки я ознакомился с характером и результатами деятельности советского профсоюза работников просвещения. Мне очень помогло знание русского языка, которым я активно занялся после первой поездки. В 1934 году в профсоюзе состояло полтора миллиона человек, из которых 1150 тысяч были учителя школ первой и второй ступени или воспитатели подготовительных классов. Армия учителей общенародного образования непрерывно росла. В стране практически была ликвидирована неграмотность. Больше трети государственного бюджета выделялось на нужды народного образования и культуры. Рабочие и крестьяне получили реальный доступ к высшему образованию. Среди студентов рабочие и крестьяне соответственно составляли: 51,4 и 16,5 процента, в западных странах эти пропорции были на уровне 3 и 2 процентов.

В моем блокноте росло число красноречивых цифр: 840 исследовательских институтов вместо 400 в 1929 году; 54 тысячи клубов вместо 32 тысяч; 29 200 кинозалов вместо 9800; ежедневный тираж газет 36,5 миллиона экземпляров вместо 12,5 миллиона. Ошеломляющий прогресс за четыре года!

С особым вниманием ознакомился я в Москве с правами профсоюзов. Вопрос этот представлял большой интерес, поскольку французские троцкисты распространяли мнение, будто контрольные функции у советских профсоюзов ограничены. Я смог убедиться, что профсоюзы работников просвещения располагали на деле такой широтой полномочий, какую во Франции мы и представить себе не могли. Как все советские профсоюзные организации, они, например, были наделены правом контроля во всех учреждениях страны, следили по поручению государства за жилищным строительством, проверяли систему охраны труда и т. д.

В то время я много сделал для организации поездок делегаций преподавателей западных стран в Советский Союз, чтобы они могли на основе непосредственных впечатлений составить свои собственные суждения. Во время летних каникул 1934 года ознакомительную поездку в СССР совершила группа французских учителей и преподавателей, в которую входили представители самых разных убеждений и взглядов: коммунисты, социалисты, радикалы и беспартийные; члены унитарных, независимых и конфедеральных профсоюзов; атеисты, агностики и активно посещающие церковь католики. Перед отъездом из СССР подавляющее большинство участников поездки (40 из 42) приняло резолюцию, в которой была изложена развернутая позиция делегации в поддержку социалистических методов решения социальных проблем. Те двое, что воздержались, в конечном счете безоговорочно поддержали положения резолюции, в которых «на основе собранной информации» было выражено положительное отношение к Советскому Союзу и позитивно оценивались достигнутые им успехи. Это было настоящее «похвальное слово социалистическим свершениям».

На следующий год я принял активное участие в подготовке Дней дружбы с СССР (9—10 июня 1935 года). Они проводились по инициативе Национального комитета «Друзья Советского Союза» в большом парижском зале «Мютюалите». Среди 3336 делегатов 162 — работники просвещения. Там присутствовало девять сенаторов — социалистов и радикалов, более 120 депутатов от этих же партий, которые заняли места рядом с депутатами-коммунистами. Нет слов, чтобы описать энтузиазм присутствовавших. Среди выступавших были Фернан Гренье¹ и Габриель Пери², Поль Вайян-Кутюрье, Жан Ришар Блок, Жак Дюкло³, Пьер Кот⁴, Луи Арагон...

¹ Гренье, Фернан (р. в 1901 г.) — видный деятель ФКП, избирался членом ее ЦК и Политбюро.

² Пери, Габриель (1902—1941) — французский журналист и политический деятель, заведующий международным отделом «Юманите» и редактор ее подпольного издания в 1940—1941 годах. Расстрелян гитлеровскими оккупантами в мае 1941 года.

³ Дюкло, Жак (1896—1975) — выдающийся деятель французского и международного коммунистического движения. Член ФКП, избирался членом ее ЦК, членом Политбюро, секретарем. Избирался депутатом Национального собрания, сенатором. Автор трудов по рабочему движению.

⁴ Кот, Пьер (1895—1977) — французский политический деятель, министр французского правительства в 1933—1934 годах и

Крайнее раздражение реакционной прессы лишь подтвердило успех этой манифестации. Газета «Деба», например, метала громы и молнии по поводу «снобизма», «социальной безмозглости» и «безрассудного легкомыслия» видных представителей интеллигенции, которые приняли участие в Днях дружбы с Советским Союзом.

1935

в 1936—1939 годах, один из организаторов Движения сторонников мира, член Бюро Всемирного Совета Мира, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1953).

Леон МУССИНАК

Мусси́нак, Леон (1890 — 1964) — французский прозаик, публицист, кинокритик, поэт, историк киноискусства и кинопроизводства. Член ФКП. Активный участник движения Сопротивления. Один из активных пропагандистов достижений советского киноискусства во Франции. Неоднократно бывал в нашей стране. Начиная с 1926 года постоянно выступал в советской печати.

Заметки Л. Мусси́нака «Из записок о путешествии в СССР» впервые были опубликованы в журнале «Советский экран», 1928, № 8, 17, 22 и 24. Текст печатается по сборнику: Мусси́нак Леон. Избранное. М.: Искусство, 1981.

ИЗ ЗАПИСОК О ПУТЕШЕСТВИИ В СССР. (Заметки киноведа)

Встреча с Пудовкиным. «Межрабпом»

Я застал Пудовкина, автора «Матери», день и ночь работающим над окончанием монтажа «Конца Санкт-Петербурга», картины «Межрабпома», которую он должен закончить к празднованию десятилетия Октябрьской революции. Впервые фильм будет показан в назначенный день в московском Большом театре. Впервые кино получит почести, до сих пор исключительно принадлежавшие театральному искусству, — показательный символ действительности, а не коммерческий подход, как на премьерах некоторых фильмов в Париже. Новая картина Пудовкина развивается с редкой ширью, с ритмом почти музыкальным. Богатство чувств, которое нас тронуло в «Матери», повторяется в развитии действия и этой картины, непрерывно увеличивая силу впечатления. Фильм воспроизводит различные жизненные моменты, разрешенные которым дается режиссером в патетическом аккорде триумфальной революции.

Советская кинематография утверждает себя рядом художественных работ.

Я встретил в «Межрабпome» людей, как везде, приветливых, очень искренних. Если еще не всё на высоте, то все же ведется к тому, чтобы порядком, методичностью и желанием победить препятствия. Результаты уже велики.

«Межрабпом» — единственная киноорганизация, которая по характеру своего происхождения и особенностям своего существования не находится в зависимости от Совкино как по выбору сценариев, так и по эксплуатации фильмов и снабжению пленкой. «Межрабпом» вложил в этом году в свои постановки 1 500 000 рублей. Общество предполагает на будущий год сэкономить от 30—35% этой суммы, надеясь на рационализацию производства. Его мастерские, уничтоженные недавним пожаром, помещаются временно в бывшем загородном ресторане, весьма непригодном для кинофабрики. Но все же и в этих условиях работа достигает прекрасных результатов. «Межрабпом» также собирается строить фабрику по последнему слову техники, оборудованную новейшими приспособлениями. Она пока производит от 16—18 фильмов художественного или социального характера (метражом приблизительно от 1800 до 2000 метров), 5—6 деревенских картин такого же метража, 3—4 картины в 1600 метров, 6—8 фильмов от 300—700 метров, научных и хроникальных. В «Межрабпومه» 11 режиссеров, среди которых — Пудовкин, Протазанов, Желябужский, Эггерт.

Московское кино

Идет снег. По-моему, это и есть классическая физиономия Москвы. По Тверской мчатся звенящие автобусы, поющие на своих рельсах трамваи. Против конторы «Межрабпوما» виднеется театр Мейерхольда. Идет в удивительной постановке «Ревизор». Театр продолжает свою могущественную жизнь.

На углу сквера, где закутанные ребята катаются на коньках и лыжах, громкоговоритель собрал толпу. Три часа. До обеда я успею забежать в кино. Вхожу. Меня поражает устройство всего помещения. В СССР на все, что может развить стремление к общечеловечности, обращается особенное внимание. Таким образом, идея «клуба» царит всюду. Кино — это своего рода крупный клуб, где публика не только смотрит картину, — там есть буфет, зал для отдыха, очень комфортабельно обставленный зал для чтения, где находится множество книг, журналов и брошюр, залы, где можно играть в шахматы, и т. д. Помещения обширны. Залу для просмотра отведено, таким образом, меньшее количество

площади. Игра оркестра чередуется с роялем. На экране картина никогда не бывает длиннее 2000 метров.

Особенная атмосфера, вечное движение, но тихо. Фильм преподносят не так, как малоценную работу, а как искусство, на которое затрачено наибольшее внимание, как, например, поэзию, музыку. Это зрелище, которое должно произвести впечатление на человека, на всех людей вообще,

Работы Дзиги Вертова

Проекционный зал в Доме ученых.

В стране революции кино всюду находит свое место... Порядок исследования в этой области различен. Он меняется в связи с занятиями и запросами организаций.

Специальная секция Академии художественных наук изучает законы и правила выразительности и философии кино, открывает новые рациональные методы, чтобы укрепить дальнейшее развитие науки.

Однажды я поехал в далекий снежный район посмотреть несколько характерных «культурфильмов» Совкино. Этот отдел помещается (символ случайности) в одном из прежних увеселительных зданий. Я видел фильмы Дзиги Вертова — группы «Киноглаза», которую считают крайне левой. Это не относится к чистой кинематографии, кинематографии отвлеченной, абсолютной, но к кинематографии просто. «В сердце крестьянина Ленин жив» и «Шестая часть мира» — два фильма, исключительно построенные на фрагментах современности и хроники. Сделаны они Вертовым. Их целостность изумительна. Поражает еще «Киноправда» своим качеством и точностью монтажа. Метод такой быстрой смены впечатлений бесспорен.

Я утверждаю, что Вертов исполняет свою работу блестяще и очевидно влияет на художественную сущность большинства молодых русских киноработников.

Итак, в Москве все живет (кинематография — так же, как и все остальное) жизнью горячей, страстной, молодой и могущественно-творческой.

* * *

Первый вечер в Ленинграде мы посвятили кино... Я видел фильм, составленный исключительно из кусков

старой и современной хроники. Я говорю о картине «Великий путь». Работа состояла в том, чтобы с большим терпением подыскать кадры сцен, относящихся к революционной жизни, во время незабываемых октябрьских и ноябрьских дней 1917 года в Ленинграде.

В фильме мы видим самого живого Ленина в то время, когда патетика достигает кульминационного пункта, Ленина, говорящего с простотой гения: «Теперь мы перейдем к строительству социализма... Новая эра началась». Ничто не могло бы нас сильнее взволновать. Пластинка сохранила нам голос Ленина, пленка воспроизводит его реальный образ. Проникновенные минуты!

После — на экране проходят иностранные кадры. Резко: Нью-Йорк, Лондон, Париж, Берлин... Эти события свежи, им всего недели три. Странное беспокойство охватывает нас, какая-то острая тоска. Это чувство так сильно, так одновременно, что мы как-то сразу взглянули друг на друга: одинаковое ощущение. Проведя десять дней в новой России, глядя на эти кадры нашей современности, мы как бы снова переживаем впечатление, которое ощущали в кино урсулинок, когда Мирг и Талье¹ нам показывали «действительность» 1910 года. Беспокойство за то, что видят «наше» таким отсталым, страшная тоска возвращения в прошлое.

Пусть те, которые сомневаются, подумают над этим простым случаем.

Свобода критики

Мы осматривали служебные помещения и мастерские фабрики Совкино. Утром мне показывали в одной из ленинградских газет целую страницу, посвященную дискуссионной полемике между дирекцией фабрики и коммунистическими организациями. Из того, что мне перевели, я мог судить о резкости нападений. Эта кампания прессы продолжалась несколько дней, и это лишний раз доказывает, какой свободой критики пользуются в организациях и в прессе по отношению к советским учреждениям.

Во Франции такая публичная дискуссия была бы невозможна, трудно даже ее себе представить. В стране

¹ Мирг и Талье — директора кинотеатра «Стюдио дез урсулин».

диктатуры пролетариата в прессе можно бороться, в стране «свободы» пресса — раба. У нас за критику привлекают к судебной ответственности.

Ленинградская фабрика Совкино

Фабрика Совкино в Ленинграде. В ней работают 20 режиссеров. Она помещается в прежнем ресторане-мюзикхолле, по возможности приспособленном для съемок. Три ателье занимают площадь 1700 квадратных метров и располагают мощным освещением в 18 000 ампер.

Пока не поднимается вопрос о перемене этого временного помещения, так рационально устроенного и дающего возможность достигать интереснейших результатов.

Впрочем, увеличивают ателье пристройкой к ним прилегающей площадки, которая позволит снимать необходимую натуру. Воздвигают еще постройку, предназначенную для разных режиссерских групп, комфортабельно и технически оборудованное помещение, необходимое для работы. Хорошо снабженный склад костюмов и реквизита имеет своеобразный, живописный вид. В нем реквизит для фильмов исторических и революционных и необходимое оружие.

Мастерские столярные, декорационные и ремонтные дополняют общую картину фабрики.

Специальные секции посвящены работе над фильмами мультипликационными. Этот способ особенно применяется для научных картин. Одновременная съемка и картин и рисунков дает возможность слияния двух способов работы. Нам показывали фильм, где буквы русской азбуки жаловались наркому просвещения Луначарскому на то, что они иногда плохо употребляются теми, кто пишет или кто учится писать, и они страдают от такого пренебрежения¹.

Новая кинофабрика

Машина идет должным ходом. Эти виды берегов Невы под серым небом с нависшими, тяжелыми снеговыми тучами кажутся околоченными. Длинный ряд строгих дворцов. Далее Васильевский остров, на котором при-

¹ Л. Муссиак имеет в виду фильм «Обиженные буквы».

дворная аристократия и буржуазия старого режима комфортабельно жила в дворцах, окруженных роскошными садами, и где сейчас и навсегда ежегодно 40 000 ленинградских рабочих отдыхают от своих тяжелых работ, где все так прекрасно оборудовано для радостей и комфорта коллективной жизни.

Новая фабрика, построенная Совкино. Здесь лаборатория для проявления пленки, для экспериментов и изысканий, проб, сложная техника с усовершенствованными приспособлениями, которые позволяют полностью рационализировать работы...

* * *

Я воспользовался моим пребыванием в Совкино, чтобы познакомиться с его статистикой.

Красноречие цифр. Проекты Совкино

Многие упрекают Совкино в том, что уже два года прошло с тех пор, как оно вложило в свою организацию значительную сумму, которая до сих пор еще не дала прибыли, забывая, что надо было все оборудовать, создать материальную и техническую базу, прежде чем приступить к съемке, то есть раньше чем иметь возможность вернуть значительную часть вложенного капитала. Нападение несправедливо, оно не достигает своей цели.

Надо было оборудовать большинство экранов и снабдить их фильмами. Количество киноустановок, которых до революции было всего в России 1412, дошло до 5000 на территории РСФСР. Прибавив сумму киноустановок в союзных республиках, получим приблизительный итог в 8000 для всей страны.

К 1 апреля 1927 года в РСФСР было: 1491 коммерческий кинотеатр, 1780 в клубах, 232 деревенских основных, 1418 кинопередвижек, 142 кинопередвижки, специально оборудованные для Красной Армии, частникам принадлежало всего 5 кинотеатров, остальное все — либо Совкино, «Межрабпому», наконец, разным организациям советским, союзным, кооперативным и т. д. Эксплуатируется кино на процентах, от 25 до 35 по прокату,

с валового сбора кинотеатров (для клубов приблизительно 17%); исключением является прокат в Красной Армии и деревне, где он безвозмезден — оплачивается лишь пересылка, изнашиваемость картины. Надо иметь в виду, что большой фильм в РСФСР не только окупается, но и приносит доход. Это очень замечательно. Если пропорция эксплуатируемых зарубежных фильмов представлена сейчас в 60%, то в следующем году она сбавится до 40%.

Налоги на эксплуатацию кинотеатров, ранее доходившие до 35%, были уничтожены. Билеты облагаются всего двумя видами налогов: 10% — в пользу городского хозяйства и 5% — в пользу Красного Креста, кроме того, 1% авторских. Цены в будущем будут еще снижаться, исходя из того принципа, что кино гораздо меньше удовольствие, чем средство воспитания и образования. В нынешнем году производство Совкино выразилось в 40 художественных, 20 образовательных и воспитательных и 50 характерных фильмов, всего на 5 миллионов рублей. На фабриках Совкино заняты 45 режиссеров, главный из них — Эйзенштейн, во главе еще: Вертов, Роом, Тарич, Шуб, Кулешов, Козинцев, Трауберг, Эрмлер, Юткевич, Преображенская. Материальные и технические возможности, которыми в данный момент располагает Совкино, недостаточны, чтобы в ближайшем будущем позволить дать усиленное развитие промышленности.

Начата постройка новой фабрики в окрестностях Москвы; намечен следующий план постройки: студии будут занимать 4500 квадратных метров полезной площади, располагая 25 000 ампер постоянного тока, с привлекающими необходимыми помещениями для проб, помещениями для упражнений и изысканий, артистических уборных (на 340 человек), фойе с буфетом-столовой (могущей пропускать ежедневно 1000 человек), двумя библиотеками — одной центральной, другой для сотрудников, залом для физкультуры (на 100 человек), банями, гаражами, магазином, а также 50-ю помещениями для режиссерских групп (имеющих каждая: кабинет, монтажную, проекционную, лабораторию и зал для просмотров вместимостью 500 человек, могущий превращаться в театральный зал), наконец, амбулаторией, зубо-врачебным кабинетом, специальным помещением для съездов профсоюзов, коммунистической ячейки, комсомола и пионеров.

Я не буду распространяться о будущем величии этой постройки по проекту, принятому после конкурса между лучшими архитекторами Москвы. Постройку предложено закончить в три года.

Я хочу еще прибавить об условиях работы в советских кинофабриках: длительность ее определена в 6 часов. Артисты, режиссеры и технический персонал состоят членами РАБИСа¹. Члены партии работают в фабричной ячейке. Минимальный заработок — 4 рубля в день. Каждый сверхурочный час оплачивается вдвойне. Я заканчиваю изучение статистики и диаграмм. На сегодня достаточно.

Я снова на улицах Москвы. Взвод красноармейцев направляется к будущей смене. Они поют, улица им вторит. Революция всегда жива!

Кинематографические общества

Вечером меня пригласили сделать доклад в АРК (Ассоциация революционной кинематографии).

Здесь же и клуб Ассоциации друзей кинематографии.

Вешалка, где большое разнообразие одежды: пальто, кожаные куртки, козий тулуп (перезиток); фуражки всех фасонов, однако галоши одной марки. Зал, где пьют чай и беседуют, уже сер от дыма. Рядом маленький проекционный зал, куда втиснулись 300—400 человек, чтобы послушать о том, что я скажу о западном кино...

Меня приветствуют настоящим русским приветом. Как искренен этот привет! Пока я докладываю, один товарищ (какая преданность!) переводит с клочков бумаги, свернутых в четыре и в шесть раз, записочки, которые, пропутешествовав по всему залу, переходят от одного ряда к другому и, постепенно попадая в президиум, передаются мне. Так много вопросов, что не хватает часа для ответа на них.

Аплодисменты. Темнота; экран освещается, и из любезного внимания к нам показывают последний французский фильм, импортированный в РСФСР и еще неизвестный русской публике, — «Лики детей» Жака Фейдера. Много аплодируют.

¹ РАБИС — профсоюз работников искусства.

Просмотр в Большом театре в Киеве

После двадцати трех часов пути — Киев. Большой театр. Торжественное заседание краевых Советов, собравшихся для празднования десятилетнего юбилея Октября. По радио передают приветствия из Харькова. Заслушиваются отчеты о достигнутых результатах, намечают новые производственные программы. Слушаем пение хора, исполняющего старинные песни России. Наконец экран освещается и появляются новые кадры «Звенигоры», интересного фильма молодого режиссера Довженко. Он сопоставляет в нем старые традиции Украины с новыми, революционными. В этом фильме чувствуешь захватывающую композиционную работу, видны достижения, ранее обнаруженные в большинстве фильмов молодых киноработников.

ВУФКУ¹

Товарищеский прием. Я восхищаюсь результатами, достигнутыми в короткий срок. Опять красноречивые цифры, дальше увидим красноречие фильмов.

У ВУФКУ — монополия на кинематографическую продукцию и эксплуатацию картин по всей территории Украины. ВУФКУ существует на прибыль, получаемую от эксплуатации картин в кинотеатрах, ей принадлежащих, и на прибыль кинотеатров некоторых организаций.

Фабрика делает фильмы для рабочих и крестьянских клубов. Она имеет 110 кинотеатров на Украине. У нее особые условия с 200 кинотеатрами, принадлежащими разным организациям (советским, профсоюзным, кооперативным и т. д.). Считая 710 кино в рабочих клубах, 100 клубов в деревнях, всего на Украине сейчас 2000 кинотеатров. Возможно, что все эти кинотеатры будут в скором времени зависеть от ВУФКУ, чтобы эксплуатацию довести этим до максимума прибыли.

Самое большое внимание обращено на кино в деревне. Таким путем рассчитывают в 5 ближайших лет прибавить еще 10 000 новых кинотеатров на Украине...

Что касается всей подготовительной работы, то есть выбора сценария и выполнения его, организация широко

¹ В У Ф К У — Всеукраинское фотокиноуправление.

придерживается принципов Совкино. Разработка проектов постановки фильма дается специальному художественному совету, состоящему из режиссеров и писателей. Постановка разрабатывается до мельчайших подробностей, необходимых для ее практического выполнения. В 1928 году намерены заснять 34 больших художественных и социальных фильма среднего метража (от 1800 до 2000 метров), из которых 60 % будут засняты из украинской жизни, 6 научно-популярных по 1000 метров в каждом, 3 хроникальных (от 1800 до 2000 метров каждый) и 5 специально детских (по 600—700 метров).

Количество режиссерских групп, занятых в ВУФКУ, колеблется от 12 до 24. Среди них я назову Довженко, Чардынина, Тасина и Стабового. В настоящее время эксплуатация советских фильмов на Украине равняется 40% (из 200 фильмов 60 — производства ВУФКУ). Остается 60% на заграничную продукцию. В 1928 году надеются эту пропорцию увеличить в сторону советских фильмов. Не надо забывать, что еще в 1926 году последних было в эксплуатации всего 15%.

Ателье ВУФКУ по последнему слову техники

Киев праздничен. Коврами украшены фасады домов. Везде над дверями, на окнах, над магазинами — звезды, флаги, плакаты, портреты Ленина... Вдали Днепр, большая река с заново воздвигнутыми мостами. Дальше, за городом, видны поля, березовые и сосновые рощи, богатый, плодородный чернозем. Киев с его золотыми главами, Киев, в 1918—1920 годах подвергавшийся кровавым захватам до окончательного перехода к Советам.

Пригород. Место постройки новой фабрики ВУФКУ. Закладка первого камня была в мае прошлого года. Фабрика, мастерские, службы будут закончены и оборудованы к июлю нынешнего года. В одном из ателье уже идет съемка.

Вся фабрика занимает 40 гектаров. Из них 19 отведены под парк. Ателье площадью 63 700 квадратных метров. Освещение будет мощностью 13 000 ампер непрерывного тока и 6000 переменного. Будут иметь возможность работать одновременно 20 групп, вырабатывая от 80—90 фильмов в год. Службы, лаборатории для проб и изысканий, проекционные залы, реквизит, мастерские

всех родов, конторы. Большая, великолепно организованная машина.

Это объединение масс для празднования законченного творчества революции, чтоб закрепить ее за собой в будущем, чтоб бросить в лицо старому миру вызов о возрождении нового народа, о новой цивилизации.

* * *

На улицах и площадях заканчивают постройку триумфальных арок, разукрашенных зеленью. Всюду электричество дополняет праздник. Киев освещается как бы весь сразу. Завтра, 7 ноября, праздник десятилетия революции, завтра торжественным маршем пройдут красноармейцы, фабричные рабочие и служащие...

1928

Анри БАРБЮС

Барбюс, Анри (1873—1935) — выдающийся французский писатель и общественный деятель. Член ФКП. Один из основателей организованного антивоенного движения во Франции и создателей Общества друзей Советского Союза. Неоднократно был гостем нашей страны.

Статья «Прекрасный украинский фильм» впервые опубликована в еженедельнике «Монд» 16 февраля 1929 года. Печатается по тексту: «Арсенал». Книга-фильм. Серия «Шедевры мирового кино». М.: Искусство, 1977. Статья «Семнадцать шагов гиганта» печатается по тексту: Барбюс Анри. Избранные произведения. М.: ГИХЛ 1952.

ПРЕКРАСНЫЙ УКРАИНСКИЙ ФИЛЬМ

Орелович, директор одесской секции Укргоскино (ВУФКУ), показал мне в частном порядке новый фильм Александра Довженко «Арсенал», снятый частью в Киеве, частью в Одессе. По моему убеждению, «Арсенал» — фильм того же класса, что и кинопроизведения Эйзенштейна и Пудовкина, обошедшие, несмотря на цензурные препоны, весь мир. Это — выдающаяся картина.

На окраине Одессы, почти за городом, куда ведет один из широких, величественных и очень русских по виду проспектов, есть огороженная стеной территория. Это обширные кинематографические владения коллектива местных киноорганизаторов, художников и рабочих, посвятивших свои силы воссозданию действительности на экране. Территория эта по-своему единственная в мире. Там, за ее стеной, есть и равнина, и поле, и лесок, и улицы, и разнообразные трехмерные декорации; в более капитальных строениях размещены ателье, конторы и главный павильон для интерьерных съемок. Есть здесь и небольшой кинозал на сотню мест для рабочих просмотров.

И вот в этом зале, почти пустом — нас было четверо, — в один из дней моего пребывания в Одессе мне довелось быть взволнованным зрителем новой кинодрамы. Никто из присутствовавших в зале товарищей не знал французского настолько, чтобы переводить мне украинские титры по мере того, как они, перемежаясь с изображением, возникали на экране. Так что я смотрел как бы фильм без подписей.

Может быть, из-за этого обстоятельства эпизоды картины не всегда казались мне строго и непосредственно

связанными между собою. Как бы там ни было, это остается единственным упреком, какой можно сделать фильму, да и то лишь при поверхностном разборе. На деле даже тогда, когда, казалось бы, ускользает сюжетная нить, драматическое напряжение не снимается, а, напротив, непрестанно усиливается, нагнетается, сообщая необходимые единство и связность восприятию трагедии, будто освещенной вспышками молний. Конечный вывод: вещь в целом производит неотразимое и острейшее впечатление.

«Арсенал» — это история рабочего восстания на киевском заводе военного снаряжения¹. То был отзвук Октябрьской революции на Украине — спустя год после Октября. Восстание было жестоко подавлено солдатами и полицией белых², а его зачинщики казнены. В финале фильма — пролитая кровь восставших; завершается он криком боли, гнева и — проклятьем.

Сцены, последовательно уточняющие эту тему, отличаются захватывающей, порой даже гениальной яркостью, силой и размахом; они потрясают.

Технически лента замечательна. Необыкновенно насыщенная и многогранная, не сжатая и собранная, она поражает обилием блистательных деталей. Блеск и ясная жесткость фотографии, сдержанность актерской игры, движение, круговорот, зачаровывающее скольжение образов. В первой половине фильма есть кадры, где кажется, что летящий со все нарастающей скоростью переполненный солдатами поезд, который уже не может остановиться, бьет вас по глазам. Быстрая смена на экране прямоугольных очертаний его вагонов напоминает вертящееся колесо; вы то поглощены зрелищем, то вновь овладеваете собою.

Советские постановщики — признанные мастера по части соединения ошеломляющих кадров; я уже однажды испытал нечто подобное, когда за несколько месяцев до того Пудовкин показал мне в Москве, на «Межрабпоме», куски из фильма «Потомок»³ (который он

¹ Содержание фильма А. Довженко гораздо шире истории восстания рабочих киевского завода «Арсенал» — это история гражданской войны на Украине и одновременно художественно-философское обобщение борьбы за революционное, социалистическое переустройство мира. (Примеч. к произведениям А. Довженко редактора данного сборника.)

² В фильме это были гайдамаки-петлюровцы.

³ Имеется в виду фильм В. Пудовкина «Потомок Чингисхана».

тогда заканчивал), со стремительным и неповторимым калейдоскопом скачущих всадников. В «Арсенале» от напора кавалерийских атак у вас тоже начинает кружиться голова, и вы уже не уверены в том, что вас не подхватит этот головокружительный вихрь. То же самое с игрой заводских станков, чьи железные мускулы приведены монтажом в движение.

Довженко, прежде чем стать кинорежиссером, был карикатуристом¹. Это совершенно естественно. Этому мастеру свойственны чувство линии, точного жеста, выразительного ракурса, и он превосходно использует это в своем фильме, одновременно богатым и схематичным, в фильме, который, если можно так сказать, движется рывками и скачками. Большой частью сцены внезапно прерываются, чтобы вновь возобновиться спустя некоторое время. Они разбиваются на куски, дробятся. Эта усложняющаяся дробность управляет вниманием зрителя от начала до конца картины.

Постановщик «Арсенала», однако, и с помощью статистики достигает сильнейших эффектов. Отдельные кадры более или менее долгое время остаются на экране неподвижными, и это производит завораживающее впечатление.

В начале фильма несколькими зарисовками показаны нищета, голод, опустошение, пришедшие в деревню с войной. У двери хаты, с неподвижным, остановившимся взглядом, застыла женщина. Голова ее покрыта платком, спускающимся на плечи. Она вконец измождена, хотя, кажется, и молода. Появляется какой-то солдафон с шашкой, хлопающей по сапогам. Он идет по улице, останавливается перед женщиной, протягивает к ней руку. Трогает грудь. Она не двигается. Он идет дальше. Вот и все. Но в этой страшной сцене есть волнующее величие.

Еще одна драма, вызванная войной и слишком долгим отсутствием мужчин. В сумеречной комнате стоит женщина. Видны только бледные пятна окон и ее лицо. На руках она держит младенца. Появляется солдат — или призрак солдата, — проходит в окно или сквозь стену, спрашивает: «Кто?» В других, похожих домишках возникают другие матери, и к ним обращаются с вопро-

¹ А. Довженко был в начале своего творческого пути не только карикатуристом, но и графиком, живописцем, мастером киноплатката. К тому же периоду относится и его первая искусствоведческая статья «К проблеме изобразительного искусства».

сом другие вернувшиеся с фронта мужчины. И вслед за этой серией образов возникает надпись на украинском, немецком, французском языках: «Кто?», «Weg?», «Qui?»

Много раз уже говорилось о горестных судьбах солдат, кем-то замещенных в их семьях, о банальной и мучительной мешанине любви, смерти и инертной жизни, но Довженко окончательно объединил все это в поэму, исполненную света и тени.

Другое несчастье — озлобление. Мать, почти потерявшая рассудок от голода и холода, от страха за детей, окруживших ее. В углу избы — вернувшийся с войны отец, безногий калека, жалкая развалина. Она молчит. Дети, плача, теребят ее юбку. В поле — мужчина, однорукий бедняк, пошатываясь от слабости и голода, ведет за собой старую, тощую и костлявую лошаденку. Вспышка ярости, безумия, злобы. И мать начинает жестоко избивать детей, а мужчина — колотить старую клячу, да так неистово, что, обессилев, падает на землю подле несчастного животного, смиренно ожидающего, когда хозяин вновь поднимется.

Поезд с отказавшими тормозами. Солдаты прыгивают с вагонов неуправляемого состава. Еле видны их фигуры, скатывающиеся то с одной, то с другой стороны, — отброшенные от жизни к смерти. У одного из них была гармонь: музыка ободряла солдат. Безжизненное тело гармониста падает на насыпь. А гармонь, тоже оказавшись на земле, все еще растягивается; несколько секунд этот податливый, гофрированный инструмент кажется живым организмом из плоти и крови.

Иная декорация — городская площадь. Официальная церемония, ораторы, всякого рода благонамеренные соглашатели со всеми их воплями и обветшалой демагогией, чудовищные маски буржуев, прикрашенных образованностью. Тут же подлизывающиеся к ним попы с их декламацией и распеванием псалмов — напыщенные шарлатаны, хриstopродавцы, погрязшие в елейном ханжестве.

На поле боя в колючей проволоке застрял труп солдата с застывшей на губах белозубой улыбкой... Какой-то солдат останавливается на пригорке, откуда он следил за ходом боя, и взрывается бесшумным смехом. Вскоре он, как и предыдущий, станет чудовищно смеющимся трупом.

На вершине холма, задумавшись, остановился рослый солдат. Он кидает на землю винтовку и стоит не шеве-

лясь. Подходит офицер, кажется петлюровец¹ — огромный орущий рот, неистоводвигающаяся челюсть, рука, размахивающая пистолетом. Опустив руки, стоит перед ним неподвижно солдат. Офицер, изрыгая угрозы, напрасно носится вокруг него. Спокойная и мирная, несокрушимо твердая поза солдата полна высокой красоты изваяния. Но в следующем кадре это изваяние повержено к ногам карлика с револьвером. Видны только ноги и острое неиспользованного штыка.

Сестра милосердия под диктовку раненого солдата пишет письмо. Он кончает диктовать, умолкает. Она спрашивает: «Адрес какой?» Он не отвечает, не может ответить... голова его откидывается назад. Сестра склоняется над письмом без адреса...

Снова на экране появляется субъект с холеной бородкой и тщательно повязанным галстуком — болтливый и злобный буржуа, которого мы уже видели разглагольствующим на площади. Восстание подавлено. Господин, прицеливаясь в рабочего, кричит ему: «Иди к стенке!» Безоружный рабочий повинуется. «А сейчас повернись ко мне!»² Рабочий медленно приближается к направленному на него нагану. Он так спокоен, так невозмутим, что тот, кто целится, по мере приближения жертвы теряет голову, словно увидел что-то сверхъестественное. Он дрожит, трясется и никак не может выстрелить. Тогда рабочий протягивает руку, отбирает револьвер и стреляет в своего палача.

Трагична казнь восставших рабочих. Вся строгость, сгущенность драмы достигает совершенства в расположении фигур и в декорации, в волнующей простоте освещения. Казнь совершается в подвале. Унтер-офицер и полицейский в длинной шинели, в фуражке, надвинутой на глаза: видна только звериная челюсть, однако в изображении этого хищника нет никакого карикатурного преувеличения. Он вскидывает пистолет и, что-то цедя сквозь зубы, не спеша целится и стреляет — один, два, пять раз подряд. Он исчезает, мы видим тех, кто был перед ним: его жертвы стоят рядом — плечом к плечу — у стены, на которую падает резкий свет из какого-то подсобия окна.

¹ По фильму это немецкий офицер.

² Здесь автором статьи допущена неточность. В фильме и сценарии эта реплика звучит так: «Стань лицом к стенке, чтобы я мог убить тебя в спину». (*Примечание переводчика.*)

Мужественные и смелые рабочие: молодой парень с горящим взглядом, старик с добрыми глазами и многие другие типажи, каких можно встретить на любом заводе. Секунда улыбки и крика — и каждый из них уже одинок в своей смерти. Когда в зале зажигается свет, стирая с белого полотна экрана эти образы, кажется, что возвращаешься из пучины, где только что был свидетелем рождения великих и неотвратимых социальных перемен.

С таким впечатлением в конечном счете расстаешься с безудержным ходом этого сильного и страстного фильма. Свободными и великими художниками советского кино создано еще одно в высшей степени человеческое произведение, рядом с которым фильмы наших западных торгашей представляются совсем уж смехотворными. Давайте же радостно приветствовать имя нового прекрасного солдата пламенного искусства — Довженко.

1929

Поль ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ

ПОЛЯ ХЛЕБОВ И НЕФТЯНЫЕ ПОЛЯ

(Отрывки из книги)

Это мое четвертое путешествие в СССР.

Я приезжал в СССР, в страну революции, гражданской войны и голода, в начале 1921 года.

Я приезжал в СССР, страну нэпа и восстановления, в 1925 году.

Я приезжал в СССР, страну десятой годовщины Октябрьской революции, в 1927 году.

Сегодня я приехал в СССР, страну пятилетнего плана; идет третий год пятилетки — решающий год.

Сначала капиталистический мир считал эту страну несуществующей, потом стал на нее клеветать.

А потом вдруг вынужден был признать величественную реальность совершенного.

...Мы прибыли на Черные земли одновременно с весной.

Проснувшись в жарком братстве жесткого вагона, я обнаружил, что снег по обе стороны пути исчез. До горизонта тянулась черная равнина, испещренная зеленью полей.

С каждым новым шагом я убеждался в победе социализма над крестьянским стремлением к индивидуализму. И повсюду, в каждом доме, находил трофеи этой победы — хлеб, изобилующий теперь на Черных землях, где социализм изменил людей.

1929 год. Пустота. Степь.

Но пролетариат начертал в плане: *«Здесь будет одна из 175 фабрик зерна Зернотреста!»*

И вот за два года в часе езды от Ростова на базе совхоза вырос — Зерноград.

В пустыню пришли труженики. На глубине ста метров они нашли воду. Проложили дороги, построили кварталы современных домов, мастерские, гаражи, элеватор, столовые, театр, детский сад, школы, технологический институт, университетский городок, лаборатории, клуб, учреждения, водонапорную башню, теплоэлектростанцию, нефтехранилище, больницу, кооператив, почту — все, что требуется для города. Посадили деревья, разбили парки, скверы и фруктовые сады. Протянули электрические провода, оживляющие ночь тысячами огней, пускающие машины, заставляющие во всем мире говорить телеграф, телефон и радио.

Целое племя людей укладывало кирпичи, мешало бетон, заливало цемент, воздвигало строительные леса, прилаживало буры, клепало сталь, рубило лес, ковало железо и паяло свинец в ритме социалистического энтузиазма.

И вот, несмотря на все трудности, просчеты, неизбежные ошибки, непреодолимо поднялся новый город.

Не город — ядовитый гриб, не город, приносящий прибыль американским дядюшкам.

И даже не новый призрачный город, о каком мечтали ораторы в дни нашей молодости, проникнутой идеей Жореса. Нет, это настоящий город из металла и камня — творение рук пролетариата победившего социализма.

Рядом с Зерноградом, как и рядом с его соседом, совхозом «Гигант», большие американские фермы выглядят на карте крупных предприятий лишь как бедные родственники СССР.

Возвращаясь в Зерноград, о приближении к которому возвещает на горизонте не колокольня, а новые башни элеватора для зерна, я думаю о наших земледельцах, прикованных к своим «носовым платкам», вековых крепостных преступного капитализма, который держит их в тисках бесплодного индивидуализма, приводящего к разбазариванию земли и трате сил на разведение никому не нужных, но издавна возделываемых культур, в то время как здесь, на месте пустыни, в стране, которая была самой отсталой в Европе, непреодолимо развивается социалистическая цивилизация.

На Монмартре, в Лондоне, в Берлине и Нью-Йорке, не говоря уж о Балканах, часто можно встретить черкесов. Заткнув за пояс кинжал, с газырями на груди, они поют или танцуют в ночных кабаке, служат швейцарями в ресторанах, и все — князья, существующие на чаевые.

Это и настоящие и фальшивые черкесы, но все они — «белые», иными словами — мертвецы.

А я сейчас нахожусь у других, у живых черкесов, у красных, в Адыгейской автономной области, все три района которой цепочкой тянутся вдоль реки Кубани.

Всего пятнадцать лет назад здесь царили средневековые обычаи и порядки — такие же, что в Северной Африке, где хозяйничает французский империализм. Здесь тоже проводилась политика разделения рас, поддерживался феодальный строй, всемерно поощрялось мракобесие ислама, неграмотное население приумножало прибыли крупных землевладельцев.

...Адыгейцам, равно как и кабардинцам, и черкесам, оставалось лишь слагать в утешение меланхолические песни-жалобы, которые исполняют мужские хоры, сидя на земле.

Сегодня в наступление на неграмотность пошли две с половиной тысячи адыгейских культурмейцев (бойцы за культуру), и вот — неграмотность ликвидирована.

Одновременно с институтами и университетами заработали больницы и заводы. В автономной области родилась индустрия.

Целый народ, который русский империализм обрекал на невежество, опьянение религиозным дурманом, поднялся по призыву партии большевиков и гигантскими шагами двинулся вперед.

Никогда не забуду вечера, проведенного в Доме культуры, среди учеников черкесских школ.

Мы беседуем о том, какая атмосфера энтузиазма окружает нас. А ведь этот народ поднялся из такой бездны, что трудно поверить!

Когда я гляжу на эти внимательные лица, на эти блестящие умные глаза, на женщин, сидящих вместе с мужчинами, на девушек с голыми загорелыми плечами и ногами, в моей памяти всплывают образы несчастных детей и жуткая грязь на улицах городов Французской Африки, где целые племена обречены на голод цивилизацией французских колониалистов, властвующих с помощью алкоголя и плетки.

Ранним утром я ступил на землю «украденной нефти». А два часа спустя уже ехал к новому городу, городу мечты, городу, рожденному пятилетним планом, городу тружеников — Грозному.

У подножия нефтяных вышек раскинулась широкая панорама огромных заводов с гигантскими трубопроводами, рабочих поселков, чистых, удобных, веселых, с дворцами-клубами посредине.

Нефть. Фонтаны черной крови, бьющие в небо из сокровеннейших недр земли.

Полтора миллиона тонн нефти в год производилось бывшими владельцами, ворами, присвоившими себе недра, почву, труд. Приходит революция и гражданская война; иностранные капиталисты и белые разрушают все — вышки, нефтепроводы, резервуары, заводы.

В 1920 году, несмотря на героические усилия, Советская власть не могла добыть и сорока тысяч тонн нефти на разрушенных нефтяных полях.

Все надо начинать сначала, точнее — все наново создавать.

И вот под разъяренными взглядами эмигрировавших бывших владельцев начинается социалистическое строительство.

В 1929 году Грозный дает 4 миллиона тонн нефти, в следующем году — 6 миллионов тонн, в нынешнем — 10 миллионов тонн. Грозный выполнил пятилетний план за два с половиной года!

...А в самом деле, каковы размеры запасов нефти?

— Практически подсчитать их невозможно, — ответят вам. — Бывшие хозяева Грозного и их союзники внушали всем, кто хотел их слушать, что Грозный даже в 1933 году не даст четырех миллионов тонн. А мы уверены, что уже до конца 1931 года дадим 17 миллионов тонн.

Вот почему в Грозном, где знают о размерах своих богатств, идет такое бурное строительство. Шесть новых крекингов за год — на этот раз советских крекингов, — а также новый советский нефтеперерабатывающий завод. Новый нефтепровод длиной в две с половиной тысячи километров, по которому через Армавир и Никитовку потечет на Украину два миллиона тонн — и уже не мазута, а бензина. Асфальтированные дороги! Трамваи, железные дороги и всюду — дома, новые дома!

Грандиозная программа строительства, добычи, переработки и транспортировки! И все это в атмосфере настоящей битвы, которую ведут враги в Лондоне и Париже.

Я спрашиваю пять, шесть, семь, десять рабочих. И в сюдоту получаю один и тот же ответ: порой трудно приходится, но когда знаешь, ради чего...

И так на всех участках производства — гордый, свободный труд в обстановке подлинной рабочей демократии, труд, гордый своей возможностью способствовать техническому прогрессу на предприятиях, которые принадлежат рабочим.

Старики, еще помнящие, в каких ужасных условиях жили они во времена царизма, и перенесшие все тяготы гражданской войны, вступили в пятилетку, как входит корабль в долгожданную мирную гавань. Молодежь, исполненная энтузиазма, выходит на дорогу новой жизни... Осетины, русские, чеченцы, грузины объединены в братстве, рожденном социалистической культурой.

* * *

Мы едем в Ташкент. Предстоит проделать традиционный путь великих переселений народов, но в обратном направлении. С запада на восток. В обратном направлении, да еще и по небу — новая эпоха. Я еду знакомиться с народами, которые партия большевиков освободила от царского ига, в то время как в Париже выставка колониальных товаров демонстрирует рабство ста народов.

И вот я — в Азии.

Сталинабад¹ — современный город; это город таджиков, здесь находится таджикское социалистическое правительство.

Я видел в СССР много новых городов, построенных в степях, в лесах или на болотах, — там, где раньше не было ничего. Конечно, это грандиозный труд. Но Сталинабад вырос не на пустом месте, и создавать его было еще труднее. Там, где предполагалось строить Сталинабад, еще стояли дома, находившиеся прежде в южной части кишлака Душанбе.

15 марта 1925 года была основана автономная Таджикская республика. В декабре 1929 года Таджикистан вошел в качестве седьмой республики в состав СССР.

¹ Сталинабад — ныне город Душанбе.

В 1925 году в Душанбе были лишь руины. Спасаясь от бесконечных каверз природы, большинство жителей — а их насчитывалось 600 — бежало из города. Лишь у большевиков могло хватить смелости основать здесь столицу, в 250 километрах от железной дороги.

Как только было решено, что Душанбе станет столицей и будет называться Сталинабад, туда переехало таджикское правительство. В Душанбе был всего один европейский дом — больница, подаренная царем эмиру бухарскому.

Правительство, называвшееся в то время еще Революционным комитетом, расположилось, как тогда шутили, в «Кремле», представлявшем собою несколько низких глинобитных домишек под грязными камышовыми крышами, кишевших всеми насекомыми, какие водятся в теплых странах, начиная от клопов и кончая скорпионами.

Заседания комитета проходили во дворе, а Совет собирался под азиатским платаном возле лужи, полной лягушек, или «хауса», как здесь называют бассейн.

В Таджикистане есть все виды полезных ископаемых — от золота до радия, но из-за отсутствия дорог разработки их не велись. Все приходилось ввозить, вплоть до кирпича. Даже деревьев здесь не было, кроме фруктовых да нескольких платанов, посаженных для тени.

Таким образом, строительный лес надо было везти из Термеза, а в Термез он прибывал с Урала. Оставалось еще две с половиной тысячи километров, отделяющие Термез от Сталинабада.

Длинные караваны одногорбых верблюдов отправлялись с железнодорожной станции в Термез, каждый нес по две балки, нижние концы которых волочили по земле. И за десять дней, которые длилось это путешествие по грязи, пыли и гальке, каждая балка укорачивалась сантиметром на семьдесят, а то и на метр.

Первым квалифицированным рабочим-строителям, которых поезд быстро доставил из Нижнего Новгорода или Рязани в Термез, пришлось заканчивать путешествие на арбе и потратить еще около двух недель, в зависимости от состояния дорог или уровня воды в реках, для того чтобы доехать до Сталинабада. Другие же, менее удачливые, двадцать пять дней ехали на ослах.

И тем не менее за первый год построили школу, мельницу, почту и дом ЦК. Это было в 1926 году. В это

время в Сталинабаде насчитывалось три тысячи жителей.

Когда строился дом ЦК, самый высокий и наиболее выдвинутый на юг, случалось, что на строительные леса вдруг обрушивался град пуль и люди падали, словно подстреленные голуби: семьдесят рабочих похоронено тут же, на соседнем болоте.

Караванам, шедшим из Термеза, нередко приходилось отстреливаться от басмачей.

После 1926 года темп строительства убастрывается. В то время как ассигнования на индустрию и строительство в целом по СССР вырастают до 189 процентов, в Средней Азии они достигают 400 процентов.

Такой ускоренный темп — основа экономической политики, направленной на развитие ранее угнетенных народов. На обломках колониализма вырастает социалистическая нация... И вот уже на смену верблюдам и арбам по дороге, ведущей в Сталинабад, понеслись мощные грузовики.

Несмотря на сопротивление басмаческих банд, плохие дороги, эпидемии тропической лихорадки, свирепствующей в заболоченных долинах Душанбинки, товарищи из Таджикского революционного комитета неуклонно выполняют поставленные перед ними задачи. Они строят город Сталинабад.

В 1927 году басмачей наконец удается отбросить за рубеж, и все силы концентрируются на строительстве.

В этом году для одного только Таджикстроя — организации, занимающейся городским строительством, — государство выделило два с половиной миллиона рублей.

В 1929 году сумма ассигнований составляет уже пять с половиной миллионов. В 1931 году — тридцать миллионов.

В эти мирные годы — 1927, 1928, 1929 — железная дорога от Термеза доходит до Сталинабада. 1 мая 1929 года сталинабадский вокзал встречает свой первый поезд.

На месте старинных укреплений Тимура — юго-западных курганов — построены фабрики, перерабатывающие хлопок. Городской театр возвышается напротив памятника Ленину. Все комиссары переехали из «Кремля» в новые высокие здания.

Увеличивается число домов для рабочих. Поселки стремительно разрастаются в разные стороны, непрерыв-

но совершенствуясь: сначала это были палатки, затем кибитки, а теперь уже — дощатые домики.

Вот сорок стандартных домов, прибывших в разобранном виде из Ленинграда; каждый состоит из шестнадцати трехкомнатных квартир.

Ток крови в большом теле Сталинабада обеспечивается парком автобусов, построенных на советских заводах.

Позади Дома Красной Армии с большим театральным залом разбивают парк или сад: как только там появилась вода, деревья бурно стали набирать силу — в темпе социализма, помноженного на тропический климат. Другой сад, еще совсем малыш, с крохотными деревцами, возник на восточной окраине города, между кинотеатром и огромным спортивным полем.

Кавалеристы, красные саперы и национальный таджикский батальон размещены в просторных казармах... Строятся и открывают свои двери ясли, школы, рестораны.

Строительство механизуется — прибывают бетономешалки. В городе налажено производство кирпича.

Не хватает рабочих рук. Одними местными силами уже не обойтись. Кто бы ни приехал, его с радостью берут на работу.

Словом, там, где мидийцы и персы, греки и турки, арабы и монголы прошли с мечом, обращая таджиков в рабство, таджикский народ поднимается сейчас и садится за мирные тракторы, следуя лозунгам социализма, несущего народам Азии культуру, индустриализацию и свободу.

* * *

Ташкент — один из самых прекрасных городов на земле. Когда идешь по его улицам, кажется, что идешь по аллеям парка. Естественно, по улицам европейской части города, ибо царскую администрацию не интересовало благоустройство узбекской половины.

Лишь после установления национальной независимости старый город, вместо того чтобы оставаться азиатской диковинкой для туристов — жутким царством грязи и нищеты, — стал культурным центром со своими клубами, красными чайханами, театрами, школами, больницами. Постепенно стало меняться лицо города. Глинобитные хижинки разрушались, уступая место современ-

ным рабочим районам, вторгавшимся в предместья и с каждым днем завоевывавшим все новые и новые территории. Маленькие улочки сменялись широкими проспектами, проложенными по пустырям...

Раньше на оба города выпускалась всего одна газета.

Сегодня же помимо газет на русском языке старый город жадно проглатывает еще пять изданий на узбекском.

* * *

...Прощай, Средняя Азия! Ты щедро одарила нас разнообразными впечатлениями, из которых можно сделать два основных вывода.

Во-первых, революция преобразила национальные окраины, и теперь — при диктатуре пролетариата — бурно развивается их культура, все силы и возможности наций.

Во-вторых, социализм, невзирая на трудности, ошибки, промахи и набег басмачей, выиграл битву за коллективизацию и индустриализацию. Опираясь на единодушную поддержку населения, социализм идет к победе в странах, которые всегда считались самыми отсталыми в азиатском мире.

...В Москве проливной дождь. Кажется, что город надел новую, асфальтовую кожу.

На Ярославском вокзале мы садимся в поезд, который унесет нас в Сибирь.

* * *

И вот наконец мы в Сибири, территория которой равна трети Соединенных Штатов Америки.

Урал — Казахстан — Сибирь, комбинат комбинатов, вторая крупнейшая металлургическая база СССР, занимающая площадь в три миллиона квадратных километров.

На Урале много железа и мало угля. Необходимо соединить уголь Кузбасса и железо Урала.

Еще в 1918 году Ленин обрисовал, каким должен быть будущий «комбинат», и поставил перед Академией наук проблему рационального размещения промышленных центров на территории СССР. На XVI съезде партии в 1930 году было решено создать на востоке второй основной центр металлургической и угольной промышленности, используя сибирские и уральские месторождения — Донбасс уже не мог удовлетворить нужды бурно развивающейся индустрии советских республик.

Мы увидели, как здесь борются за создание тяжелой индустрии.

Возводились не просто заводы — целый индустриальный мир, и я видел, как быстро, ударными темпами он рождается.

Новая битва за социализм разворачивается на земле, где белые и красные вели жестокие бои в 1918 и 1919 годах. Такие же бои ведутся и сейчас, только в масштабе мирной экономики.

Земля комбината Урал — Кузбасс таит самые крупные запасы природных богатств мира, но для того чтобы земля расступилась и из ее минералов можно было выплавить сталь, нужны машины.

Царская Россия все оборудование покупала за границей. В первые послереволюционные годы саботаж, злой умысел, ошибки в оценках задержали развитие Урала и Сибири.

И вдруг в 1928—1929 годах произошел решительный скачок.

Приехало несколько десятков специалистов, несколько сот квалифицированных рабочих, тысячи землекопов, плотников, кузнецов. Деревни едва успевали снабжать строящийся город нужным числом рабочих рук, поезда — поставлять материалы людям, вышедшим на социалистическое соревнование.

Бетон! Цемент! Строительный лес! Доски! Стекло! Гвозди! Заклепки! Листовое железо! Кирпич!

Рабочие бьются, как львы, в этой индустриальной битве. Их страсть, закон и смысл их жизни, их яростного, проникнутого спортивным азартом труда — давать продукцию, больше продукции.

Сместилась ось земли. Азия воспрянула!

Названия городов, затерянных в тундре или в тайге, в предгорьях Алтая или на Байкале, в Казахстане или у Карского моря, звучат для молодого поколения так же привычно, как Лондон, Париж, Берлин или Нью-Йорк.

План становится документом столь же обиходным, как, скажем, таблица умножения. С его помощью пролетарии учатся руководить государством.

И средоточие мировой конкуренции — биржи в ужасе прислушиваются к тиканью машин, отстукивающих данные о котировке металлов и станков, выпускаемых индустриальными гигантами Сибири на десятом году существования Страны Советов.

Луи АРАГОН

Арагон, Луи (1897 — 1983) — французский прозаик, поэт, публицист, критик и общественный деятель. Член ФКП, избирался членом ее ЦК. Активный участник движения Сопротивления. Был членом Всемирного Совета Мира. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1957). Луи Арагон внес большой вклад в развитие прогрессивной французской журналистики. Вместе с Жаном Ришаром Блоком основал и редактировал газету «Се суар», был директором еженедельника «Леттр франсез». Неоднократно бывал в нашей стране. Его «Уральские очерки» впервые были опубликованы в СССР в журнале «Интернациональная литература», 1933, № 2. Печатаются по тексту сборника «Я видел будущее». Кв. 1. М.: Прогресс, 1977.

УРАЛЬСКИЕ ОЧЕРКИ

От Москвы до Свердловска

На одной из первых остановок в Уральских горах я купил земляники. Она была завернута в бумагу, помеченную 1 октября 1917 года. Это был отпечатанный на машинке приказ Временного правительства (Керенского) населению о том, чтобы на зимнее время часы были переведены на час вперед. Урал не послушался Керенского, он послушался Ленина и перевел часы на столетие.

Свердловск

Обыкновенный турист, не знающий плана, предусмотренного для Урала, естественно, задает себе вопрос: «Что было бы здесь, если бы план был выполнен повсюду?» Он, впрочем, выполнен во многих районах. И для путешественника это чувствуется уже со Свердловска — весь Урал в целом — картина, в которой все предметы несколько крупнее, чем ожидаешь. У художников это называется «дать первым планом».

Огромное здание районного комитета стоит на площади, на месте снесенной церкви. Оно могло бы служить образцом советской архитектуры: это огромное здание с тысячей окон светло, как будущее.

На углу набережной стоит старинный дом былого Екатеринбурга, дом, который в свое время, должно быть, считался украшением города, так как он имел целых два этажа. Там теперь помещаются профсоюзы. Дом зе-

ленный и весь покрыт мавританско-готическим орнаментом; он напоминает средневековые переплеты, которые были радостью романтиков и предметом зависти библиофилов. Где-то в Нормандии есть дом, в котором жил Ламартин¹, такого же стиля. Он похож на ребенка, подражающего взрослым: маленькие готические стрелки, вычурная резьба, ажурная штукатурка, пустячки.

Десять процентов населения Урала, около 700 000 человек, принадлежат к нацменьшинствам: киргизы, казахи, татары и башкиры, чувашаи, коми-пермяки, марийцы; 50 000 рабочих из национальных меньшинств работали в 1930 году на уральских заводах. К началу 1932 года их число достигло 100 000.

Магнитогорск

Гигантский Магнитогорский комбинат не поддается описанию и даже фотографической съемке. Только глаз может остановиться на детали и в то же время охватывать монументальную перспективу работ, ведущихся повсюду кругом. Я смотрю в свой блокнот с заметками и вижу, что больше всего меня поразили не законченные здания, не домны, огромней которых нет в мире, и не химические комбинаты, нет: больше всего меня поразила сама стройка, рождающая частности того целого, которое постепенно вырисовывается из пространства, где легко уместился бы город,— между лентой дороги и дугой реки Урал.

Нужно описывать необъятную равнину за пределами стройки, где организуется, где с земли поднимается жизнь среди громадных куч отбросов, среди кажущегося беспорядка инструментов и труб, и кусков машин, и стройматериалов, а не самое строительство, где ежедневные цифры выплавки лучше всякого изображения говорят о том, что такое Магнитогорск.

Я хотел бы описать Магнитогорск, как детям рассказывают о сказочных комнатах старинного замка, где спрятана принцесса. Они, может быть, не увидят комнатов цвета луны или гостиной из водяных капель, но они вообразят их себе, и им захочется их видеть. Точно так я хотел бы описать, как растут домны — третья и чет-

¹ Ламартин, Альфонс [1791—1869] — французский поэт, историк и политический деятель.

вертая. Какие у них венцы из лесов и венцы из рабочих. Я хотел бы увести вас от домен в пространство, где царит хаос, как в моем блокноте, куда я вносил заметки об этих несоразмерных вещах.

Несоразмерность — доминирующая черта пейзажа. Все, что здесь бороздит землю, все эти куски будущего — слишком большого масштаба для нашего человеческого роста и обыденности нашей прогулки. Кажется, что скоро вся местность, как человек, очнувшийся от сна, потянется и приподымет свое длинное, вытянувшееся тело; тогда эти непостижимые вещи, которые сейчас лежат на земле, станут фабричными трубами или крышами. Тогда купола цвета ржавчины, скрепленные болтами, которые сейчас трогаешь с удивлением, как если бы здесь обрушилась чудовищная астрономическая обсерватория, поднимутся на высоту, подобающую куполам. Тогда найдут свое место триста метров пустых ящиков. Тогда перестанешь удивляться, попадая неожиданно в поле колес. Я верно говорю: поле колес, как есть поля пшеницы. Колеса всех размеров покрывают площадь, достаточную, чтобы вместить тысячу людей. А вот железная дорога, и еще железная дорога, строящаяся. Фабричные трубы выше шестиэтажного дома, еще не собранные, разлеглись здесь на земле в непринужденных позах. Мы у гигантов в интимной обстановке. А вот части труб, рассыпанные на необозримом пространстве среди местности, напоминающей древние укрепления Парижа. Вокруг земля словно кровоточит белой известью. Вот большой деревянный дом, а рядом с ним кто же это выстирал белье и забыл две перевернутые лохани? По-видимому, это человек выше среднего роста, потому что лохани величиной с этаж дома. Потом еще деревянный дом, почти законченные два этажа смотрят во все глаза на груды черных труб в скудной траве и на пересекающиеся дороги, где спешат уральские лошадки, таща за собой таратайки. Вверху клубки телефонных проводов путаются на перекрестках. Затем широкие траншеи с канализационными трубами, поражающими своим диаметром. И снова железные дороги. Вы умеете играть в бирюльки? Маленьким костяным крючком нужно вытаскивать из кучи костяшек те, которые заканчиваются петлей, так, чтобы ни одна костяшка не сдвинулась с места. Это наиболее близкое изображение стройки, о которой я отчаиваюсь дать представление. Но правила игры другие.

Ага, я нашел, как объяснить, что я хочу сказать: это куча спичек, по три километра длиной.

Заводы и стройки вырисовываются на фоне города и гор. Вон там черная гора Атач, вся сплошное железо: стоит только наклониться, чтобы собрать выпирающую из земли руду; а вон направо завод, где руда промывается и дробится; и еще правее — социалистический город с 350 000-м населением. Все это на пространстве, вдвое большем Лиона, второго города Франции.

Челябинск

Когда едешь из Свердловска, миновав необъятные районные озера и леса и целую сельскохозяйственную зону, где на обширных возвышенностях чередуются колхозы, совхозы, элеваторы, похожие на часовые на параде, — вдруг открывается Челябинск. Огибаем целые километры новых домов, белых с серыми полосами. У подножия их все еще ютятся черные землянки, в которых раньше жили. Нигде, может быть, нет такого явного разрыва между вчерашней и завтрашней жизнью. Ужасные черные землянки оттесняют кошмаром прошлого социалистический город, встающий вдоль реки.

А дальше новые заводы, такие чистые, такие красивые, что нет ни одного туриста, который не спросил бы первым делом: что это такое? Это Челябинский тракторострой. А вот это — электрическая станция, ЧегрЭС-1. И еще дома, еще дома. От анфилад челябинских домов кружится голова. Среди них стоит квадратное здание, красное, обнесенное высокой стеной, с нишами в стене по углам, где ползут лестницы: это старая тюрьма на пороге Сибири, где было заключено столько революционеров. Они были заключены в этом красном доме, чтобы впоследствии рядом выросли вот эти белые с серым жилища. И они выросли.

Златоуст

Директор Златоустовского инструментального завода — старый большевик. Ему 45 лет, он бывший красный партизан, и десять лет тому назад, в 35 лет, он стал директором завода. Он тогда не умел ни читать, ни писать. Уже будучи директором завода, он ликвидировал свою неграмотность. Потом он окончил Техническое училище, и теперь у него диплом инженера.

Нижний Тагил

В день нашего приезда давали массовый спектакль перед металлургическим заводом, над которым виден бывший дом Демидова. Здесь были сотни, тысячи зрителей и тысячи артистов. Представление началось с кино. Показывали войну, революцию, строительство социализма и призывали к защите СССР от капиталистической интервенции. В темноте за сценой горели домы, периодически открывались мартеновские печи, вспыхивая фиолетовым светом. Я сидел на земле, рядом с мальчуганом лет одиннадцати, американцем из Нью-Йорка. Мы разговорились.

— Нет,— сказал он,— я никогда не вернусь в Соединенные Штаты, разве только для того, чтобы делать революцию.

Он пионер. Я спросил его, запишется ли он в комсомол.

— А как же,— ответил он,— только сейчас я еще мал.

На Вагонстрое нас встречает главный инженер. Этому человеку 27 лет, в 1917 году ему было двенадцать, и он уже работал на заводе. Революция дала ему возможность учиться. Он окончил вуз в 1929 году. Сейчас он стоит во главе огромного строительства, пройдя производственный стаж на заводе АМО в Нижнем Новгороде. Он зарабатывает 1200 рублей в месяц.

Наеждинск

К концу вечера, устроенного нами в огромном чудесном Дворце культуры, мы получили свыше шестидесяти вопросов. Вот один из них: «Кто в вашей стране управляет заводом — рабочие, мастера или инженеры — и входят ли в завком члены революционных организаций?»

Я не знаю лучшего ответа на клевету II Интернационала, чем этот вопрос.

В Надеждинске нет церквей. В 1905 году здесь был свой поп-провокактор, как в Петербурге был Гапон. Урок не пропал даром.

В этом году восемьдесят процентов продуктов для Надеждинска было доставлено из сельхозкомбината. Там нет зарплаты ниже 100 рублей в месяц.

СЕМНАДЦАТЬ ШАГОВ ГИГАНТА

Я счастлив, что нахожусь в Москве в семнадцатую годовщину величайшего события нашего времени и могу присоединиться сегодня к тем, кто празднует этот день в советской столице.

Велики достижения Октябрьской революции за истекшие семнадцать лет! Если считать по отдельным годам, то каждый из них приносил с собой победы, которые все более расширяли завоевания и перспективы первого социалистического государства. Нынешняя годовщина является одной из самых великих. Помимо грандиозных успехов в осуществлении второго пятилетнего плана, в строительстве крупных предприятий и целых промышленных центров, превосходящих по своим размерам все существующие в мире индустриальные гиганты, помимо успехов в области культуры, развивающейся такими быстрыми темпами,— в нынешнем году СССР добился блестящего успеха в области внешней политики.

Вся мировая печать, и даже правые газеты, за исключением профессиональных клеветников и людей, не желающих ничего видеть, признают, что СССР является мощным фактором мира; более того, многие органы даже заявляют, что Советская страна — единственный фактор мира.

Это — правда. Только для государства, созданного и руководимого в соответствии с интересами всех трудящихся, мир, безоговорочный мир составляет органическую потребность.

Красная Армия также является гарантией сохранения мира, гарантией могучей и грозной. Армия советского

народа — сильнейшая в мире, и можно не сомневаться в том, что военный парад, который состоится седьмого ноября, покажет это как нельзя более ярко. Красная Армия — не только сила, надежно охраняющая самую большую страну в мире, Красная Армия — надежный щит для всего свободолюбивого человечества. И это зажигает непобедимым энтузиазмом Красную Армию.

Да, празднование нынешней годовщины Октября будет особенно волнующим! Оно вызовет отклик далеко за пределами СССР: во всем мире, в сердцах сотен миллионов трудящихся. Все эксплуатируемые и угнетенные, все, кто страдает под игом капитализма, все люди, борющиеся против реакции, рассматривают Советский Союз как свое отечество.

Семнадцатый год революции был отмечен также знаменательным успехом съезда советских писателей. Этот съезд показал многогранность и богатство великой русской литературы и национальных литератур, духовную и моральную сплоченность советских писателей и все разнообразие их талантов. В стране социализма художники едины в стремлении выполнить свой долг перед народом. Этот пример должен воодушевить нас в борьбе за единый фронт писателей и художников всех стран против режимов порабощения и войны.

Глаза миллионов обращены к Советской стране в эти дни празднования Октября, которое является празднеством человечества. В лице рабочих, крестьян и интеллигенции победоносного Советского Союза, равно как и в лице его Красной Армии, огромные массы людей во всем мире приветствуют победу социализма...

7 ноября 1934 года

Ромен РОЛЛАН

Роллан, Ромен (1866—1944) — выдающийся французский писатель, музыковед, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии. Р. Роллан, пламенный антифашист, большой друг нашей страны, посетил СССР в 1935 году.

Статья «Мои советским друзьям» была напечатана 29 января 1936 года в газете «Правда». Печатается по тексту: Роллан Ромен, Собр. соч. в 14-ти т., т. 13. М.: ГИХЛ, 1958.

МОИМ СОВЕТСКИМ ДРУЗЬЯМ

Дорогие товарищи! Благодарю вас за то, что вы чувствуете мои семьдесят лет. Это словно конец путешествия Париж — Москва. Я приехал, и вы меня приветствуете. Путешествие было нелегкое, но окончилось оно хорошо.

Знаете ли вы, откуда я пришел, из глубины каких лет? Из раздавленной Парижской коммуны, из разгрома ее, последовавшего за разрушительной войной 1870 года.

Мне было тогда четыре года. Жил я в маленьком городе в центре Франции, и одно из моих первых воспоминаний — я иду один зимой по дороге среди обледенелых полей, иду слушать, как грохочут пушки, гремящие вокруг Парижа.

Я вышел из этой побежденной Франции, дважды побежденной — и в войне и в революции, — Франции, которая в продолжение всего моего детства и отрочества сгубалась под тяжким бременем пессимизма. Отпечаток этой эпохи долго лежал на французской интеллигенции, лишь в скептической иронии находила она убежище.

Лучшие ее представители, освободившись от своих заблуждений, замыкались в стоицизме. Ренан¹ нашел пути, чтобы слить воедино стоицизм и скептицизм, смеющийся над зрелищем мира. В молодости это было моим прибежищем. Другим прибежищем была мечта об искусстве, которая тогда нашла прекрасное воплощение в музыке Рихарда Вагнера.

¹ Ренан, Жозеф Эрнест (1823—1892) — французский писатель, историк, филолог-востоковед, член Французской академии.

Но это бегство от жизни меня не удовлетворяло. Я не мог забыть жизнь, прекрасную и жестокую, ее битвы, ее страдания. Снова найти путь к ней мне помог один из ваших великих людей — Лев Толстой. Я никогда не забуду его голоса, полного пафоса, его душераздирающего «Что делать?». Он только что открыл все страдание мира и больше не мог его выносить; он порывал со спокойствием своей семейной жизни и с гордостью, которую ему давало его искусство. Но я (мне было только семнадцать-восемнадцать лет) поклялся посвятить все мое искусство, все свои силы служению человечеству.

Мне немало трудов стоило спасти самого себя. Я чувствовал себя потерянным в литературном мире Парижа, почти одиноким в той социальной среде, где волею судьбы я очутился.

В течение долгих лет мне пришлось бороться против молчания, этим путем меня хотели задушить. Мне было тридцать лет, когда мне впервые удалось добиться, чтобы мой голос был услышан — его почти тотчас же заглушили — в двух драматических произведениях, которые были сыграны всего по одному разу: «Аэрт», где в символической форме изображалось, как среда — и друзья и враги — душит молодого человека, исполненного героических порывов, и «Волки», пьеса, навеянная делом Дрейфуса¹. Мне было около сорока лет, когда моя «Жизнь Бетховена» и первые тома моего «Жан-Кристофа» пробили наконец брешь в стенах моей тюрьмы и дали мне возможность общаться с неизвестными друзьями, угнетенными, как я, дали мне возможность помочь им и получить помощь от них. Пусть этот пример утешит и придаст бодрости молодым писателям наших дней, которые чересчур торопятся, они сокрушаются, что на первых же порах к ним не приходит успех, что их не начинают немедленно печатать.

Я избрал своим девизом великие слова Бетховена «Durch Leiden Freude» не в извращенном истолковании их, как «Радость в страдании», как экзальтация страдания — вещь болезненная и вредная, — а в подлинном их значении: «Через (durch) страдание и несмотря на не-

¹ Дрейфус, Альфред (1859—1935) — французский офицер, еврей по национальности, был осужден по ложному обвинению в шпионаже, а затем помилован и реабилитирован. «Дело Дрейфуса» вызвало во Франции в конце XIX века острую политическую борьбу.

го — радость», или еще сильнее: «Друзья, вы, что страдаете, берите радость, завоюем ее».

Что касается меня, то я завоевал ее моим «Жан-Кристофом» и его жизнью, полной борьбы, и из умершего «Жан-Кристофа» тотчас же возник бодрый «Кола Брюньон», ставший, я это знаю, другом многих из вас, мои друзья в СССР.

Но поэты — всего лишь ласточки, возвещающие приближение весны. Они еще ее не создают. Прежде чем наступит весна новой жизни, надо пройти через дни, когда идет снег и дождь, и ветреные дни, знаменующие переход от одного времени года к другому. То были мировая война и ваша революция, разрешите мне сказать — ваша и наша революция. Потому что вы боролись не только для самих себя, вы боролись и для нас, вы боролись для всех.

И в ней нашли свое осуществление мечты моего искусства, надежды моей жизни, дух «Жан-Кристофа» и «Кола Брюньона».

Когда я был у вас в прошлом году, больше всего меня поразил во всех письмах с приветствиями, которые я получал со всех концов СССР, один крик, идущий от самого сердца:

«Товарищ Ромен Роллан, как Вы, наверное, счастливы тем, что находитесь у нас, что вы видите осуществление мечты всей Вашей жизни».

И это правда, товарищи. Я счастлив. «Durch Leiden zur Freude»¹. Через это длинное путешествие на протяжении семидесяти лет, в котором труды перемежались с трудами, я пришел к радости, которую вы строите, к этому новому обществу универсального человека, обществу, из которого чем дальше, тем все больше будут изгоняться старые несправедливости и старые предрассудки.

Благодарю вас за то, что вы чествуете меня, как вашего старого предшественника, который задолго до того, как увидел вас, желал вашего прихода.

Теперь же, когда мы встретились, позвольте мне присоединить к нашим поздравлениям с победой дружеские советы старшего, умудренного опытом:

«Никогда не удовлетворяйтесь победой нынешнего дня! И особенно не довольствуйтесь достигнутыми успехами! Нельзя победить один раз навсегда, надо побеждать

¹ «Durch Leiden zur Freude» (нем.) — «Через страдания к радости».

каждый день. Надо каждое утро начинать сначала или продолжать битву, начатую накануне. Жизнь человечества никогда не останавливается. Тот, кто останавливается, скоро остается позади. Надо идти вперед, всегда идти вперед, надо всегда одерживать все большие и большие победы над заблуждением, над несправедливостью, над смертью».

Великий Гёте сказал:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой.

Да покорит человечество идея, которой вы служите,
вера, которая воплощена в вас!

1936

Шарль ВИЛЬДРАК

Вильдрак, Шарль (*псевдоним*) — Мессаже Шарль (1882—1971) — французский поэт, драматург, прозаик и публицист. Сын коммунара, книгоиздателя Анри Мессаже. Участник движения Сопровитвления. В 1929 году впервые посетил СССР и рассказал о своей поездке в очерковой книге «Новая Россия» (1937). Вторично был в Советском Союзе в 1936 году. Отрывок из этой книги публикуется по тексту: Знамя, 1937, № 11.

НОВАЯ РОССИЯ

(Отрывок из книги)

Достаточно посмотреть на пейзаж, проезжая через Советский Союз по железной дороге, чтобы убедиться, что коллективизация в настоящее время — свершившийся факт. На протяжении двух дней путешествия по дороге от Москвы до самого Кавказа мне казалось, что я пересекаю одно единое засеянное поле.

Мозаика участков, которую можно увидеть у нас, дробление совершенно исчезли. До самого горизонта сплошные нивы или скошенные поля со скирдами в местах, где уборка урожая уже началась.

Вблизи вокзалов — скопление повозок, длинные ряды грузовиков, наполненные золотым зерном. В крупных центрах — элеваторы.

Зерно текло у меня между пальцами, я черпал его пригоршнями, набирал его полные горсти из груды такой же внушительной, как те кучи песка, которые можно увидеть на берегах Сены.

Это было в первом же колхозе, который мы посетили, — в окрестностях Нальчика, в Кабардино-Балкарии, на северном склоне Кавказа. Колхоз занимает площадь в долине длиной в шесть и шириной в два километра и объединяет девятьсот семейств. В нем сеют по государственному плану главным образом зерновые хлеба и подсолнух, из которого вырабатывают пищевое масло.

В этих местах также развито скотоводство и птицеводство.

В крепко слаженной машине «ГАЗ», которая приравливалась к любой дороге и отваживалась ехать да-

же по скошенному полю, мы объехали колхоз во всех направлениях.

К сожалению, мы прибыли к концу уборки урожая. Молотилок на току уже не было, но виднелись гигантские скирды соломы и груды зерна, над которыми трудилась целая бригада, набирая его на лопаты и пересыпая в повозки.

Переходя каменистое и наполовину высохшее русло широкой реки, мы увидели у водопоя огромное стадо коров. Я принял его за колхозное, но пастух сказал нам, что это коровы отдельных колхозников, которые лишь вместе пасутся.

Села Кабардино-Балкарии, как и вообще села Советского Союза, ничем не похожи на наши деревни. Здесь нет домов, которые бы лепились один к другому по бокам дороги или вдоль узких улиц. Здешние дома — это обширные избы, укрывшиеся за изгородью. Деревенские улицы — широкие дороги.

В этой обширной стране, по-видимому, не приходится заботиться об экономии площади. Но и в деревне есть все же более заселенный центр.

Помещение правления колхоза, напоминающее скромную деревенскую мэрию, находилось на маленькой площади, окруженной складами и амбарами.

Нас встретил председатель колхоза — человек лет шестидесяти, крепкий, с бритым загорелым лицом, темными живыми глазами, крестьянин с видом морского волка: в сапогах, защитного цвета рубашке, перетянутой кожаным поясом, и в большой войлочной коричневой шляпе, отороченной черным; кабардинцы носят либо каракулевые шапки, либо такие широкополые шляпы.

Он принял нас в своем кабинете — маленькой, сурового вида комнатке; черный стол с настольной папкой и чернильницей, несколько стульев, старое кресло, этажерка с книгами...

В соседней комнате две молодые женщины, склонившиеся над картотеками и бухгалтерскими книгами, старательно подсчитывали трудодни колхозников и заполняли расчетные карточки.

Перейдя площадь, мы вошли в большое деревянное здание, где помещался зал для общих собраний и празднеств. На каждой самой маленькой фабрике, в самом скромном колхозе есть такой зал. Это, в сущности, простой, без украшений кинозал, как в любом маленьком городке мира. Лишь в немногих французских деревнях

вы найдете такой зал. Там показывают кинокартины, читают лекции, заседают, ставят спектакли, о чем свидетельствует небольшая сцена со светлыми простыми декорациями и кулисами.

В главном зале, за рядами стульев — библиотека. В колхозе есть и другие библиотеки, но меньше; каждая бригада имеет свою библиотеку, ибо колхозники разделены на несколько секторов, или бригад. Большому числу колхозников приходится работать в продолжение ряда дней за несколько километров от своего жилья. Но они не ходят два раза в день к месту работы и обратно, а устраиваются в помещении бригады, вблизи места работы.

Мы снова садимся в машину, чтобы осмотреть некоторые колхозные здания. Вот перед нами школа — новая, чистая, просторная. Но сейчас, в августе, она пуста: учителя и дети на каникулах.

Следующая остановка — у бахчи. Председатель хотел выбрать для нас несколько арбузов. Но трое работавших там крестьян тотчас же сами бросились выскивать самые лучшие и крупные. Пока мы едим тяжелые, сочные, изрешеченные черными зернами ломти арбуза, колхозники с щедростью, которую встречаешь здесь повсюду, наполняют арбузами мешок и кладут его в машину.

Строения бригады — новые. Их белые стены и черепичные крыши светлыми продолговатыми пятнами выделяются на фоне долины. В них много воздуха, под окнами цветы. Невдалеке качели, брусья для гимнастики, простые, неотесанные скамьи.

Мы попадаем в главное здание и проходим по светлым спальням: мужской, женской и детской, за которой находится небольшая комната для игр. Вот столовая, кухня.

Три женщины заканчивают мытье полов. Здание бригады сейчас пусто, жатва уже закончилась; человек десять работают на постройке новых амбаров. Они подошли к нам поздороваться и выкурить папиросу в красном уголке. Там стоят столы, деревянные стулья, имеется пинг-понг, домино, шахматы, книги. На стенах плакаты, раскрашенные в яркие цвета, пропагандирующие сельскохозяйственное образование и механизацию. Но хозяева обращают наше внимание на иллюстрированную, написанную от руки бригадную стенгазету и на графики, которыми они гордятся, ибо они говорят о росте

урожая и о том, что в этом году план колхоза выполнен на 128%.

Люди удивительно радушны: они расспрашивают нас (через переводчика — Дюртена¹ и меня), о чем мы пишем, что мы думаем об СССР и, в частности, об их колхозе.

Мы направляемся к другому селу, но в это время разразился проливной дождь. Машина скользит по грязи, но наш шофер очень смел и ловок. Мы пересекаем широкую реку, где каменные отмели чередуются с желтоватыми потоками, карабкаемся на откосы, вязнем в земле, залитой дождевой водой, и наконец добираемся до четырехугольной лужайки, обрамленной домиками, — нечто вроде двора большой фермы. Нас встречают крестьяне, один из них торопливо ведет нас к крыльцу своего дома.

Через полчаса мы сидим — нас собралось двенадцать человек — вокруг большого стола, в уютной комнате, где стоят две тахты, покрытые красивой тканью, и где на белоснежной стене висят в дружном соседстве: портрет Карла Маркса, часы-«ходики» и семейные фотографии.

Две красивые девушки, дочери хозяина, накрывают на стол. Отец, высокий, стройный, с красивым лицом, наливает нам грузинского вина, потом поднимает свой стакан за братство народов, за мировую культуру, за двух французских писателей, оказавших своим посещением честь его дому. Тосту предшествует поток трогательных слов, которые нам переводят и на которые мы отвечаем, пока готовят замечательное баранье рагу с помидорами и картошкой.

1937

¹ Дюртен, Люк (1881—1959) — французский писатель. Первый раз посетил СССР в 1927 году. Об этой поездке написал книгу «Иная Европа. Москва и ее вера» (1928), второй раз был в СССР вместе с Ш. Вильдраком в 1936 году.

Владимир ПОЗНЕР

Познер, Владимир (р. в 1905 г.) — французский прозаик, публицист, переводчик русской и советской литературы. Член ФКП. Неоднократно бывал в нашей стране. Выступал против колониальной войны в Алжире, был тяжело ранен террористами-оасовцами. Автор следующих книг, посвященных Стране Советов: «СССР» (1932) и «Тысяча и один день» (1967).

Отрывки из книги «Тысяча и один день» публикуются в третьем разделе сборника «Французские писатели о Стране Советов» по тексту сборника «Я видел будущее». Кн. 1. М.: Прогресс, 1977.

Очерки «Мера времени» (Одиннадцать маленьких французских историй о Великой Октябрьской революции) печатаются по тексту: Иностранная литература, 1967, № 11.

МЕРА ВРЕМЕНИ

(Одиннадцать маленьких французских историй о Великой Октябрьской революции)

Эта правдивая история могла бы начаться в Фужере, на родине Малыша Луи, или в Манья-л'Этранж, родине Раймона, в Лилле у Люсьена, — словом, в каком угодно уголке Франции, у любого из наших товарищей. И если я выбрал местом действия улицу Мазарини в Париже и две-три прилегающие улицы, то вовсе не потому, что встретился здесь со всеми своими друзьями, но потому что наш квартал вобрал в себя воспоминания многих столетий, и если я порой буду отдаляться от него — как можно реже, — то для того лишь, чтоб вы не подумали, будто мой взгляд ограничен крышами родного уголка. Когда приходится выбрать наугад десяток-другой коммунистов, чтобы проследить путь, пройденный страной, проще всего найти их там, где история их жизни пересекается с историей Франции.

...Где кончается прошлое? Где начинается настоящее? Робер Деснос¹, живший по соседству с семейством бальзаковской мадам Бридо, умер в концлагере, а в начале улицы, на перекрестке Бюси, где в 1792 году помещался первый вербовочный комитет, куда приходили записываться добровольцы для защиты отечества в опасности, где в первый день революции 1848 года была воздвигнута баррикада, откуда, как говорят, впервые

¹ Деснос, Робер (1900—1945) — французский поэт-антифашист.

раздался клич: «Да здравствует Республика!» — на этом самом перекрестке каждое воскресенье Ивонна, Раймон и Жак продают «Юманите». И кто из старых завсегда-таев квартала, случись ему проходить мимо, отказался бы купить эту газету? Вольтер? Дидро? Робеспьер? Жорж Санд? Анатоль Франс, сотрудничавший в «Юманите»?

Итак, это будет правдивая история о нескольких коммунистах моего квартала, выбранных наугад. Или, вернее, наброски к истории их жизни, которая, даже если она протекает в самой глуши, — потому что вопрос «Где кончается настоящее и где начинается грядущее?» сливается с историей Франции.

Однажды вечером в марте 1934 года в кафе, где собиралась наша ячейка, вошла женщина лет сорока, в трауре, у нее были большие красные потрескавшиеся руки.

В те дни прием в партию был особым событием. Мы хотели знать все, и в особенности — как, почему и в силу каких обстоятельств эта женщина пришла к нам.

Новенькая объяснялась с трудом. Она сообщила, что работает судомойкой в ресторане. Ее муж был в числе шести рабочих, убитых полицией 9 февраля у Восточного вокзала во время запрещенной манифестации, из которой впоследствии родилось единство действий¹ — Народный фронт. Это случилось всего лишь несколько недель назад. Она поднесла к глазам свои руки, распухшие от мытья посуды.

Разными путями приходят люди к коммунизму, сказал Ленин. Десятки тысяч французов и француженок состоят в партии, это десятки тысяч самых различных судеб и дорог. Человек с детства тянется к счастью, но в период созревания жизнь больно ранит его, и наступает такой день, когда боль от нанесенных ему ран и ненасытная жажда лучшей жизни соединяются, помножаются друг на друга (подобно тому как дважды два дают четыре), — и вот уже прежнего человека нет и в помине, и вместо него совсем другой человек.

Но нужно было начинать сначала. Мне следовало бы это помнить, я давно уже убедился в этом. Вопрос: «Как ты стал коммунистом?» — надо ставить вторым. Первый нетрудно угадать: «Как ты узнал о революции,

¹ Антифашистское единство действий между коммунистической и социалистической партиями Франции в 1934 — 1938 годах.

происшедшей в России?» И тот и другой вопрос я задавал разным людям самого разного возраста. Я бродил по своему кварталу и расспрашивал друзей и товарищей. Их ответы — вот в чем суть. Что касается меня, то я всего лишь упорядочил эти ответы.

*Одиннадцать маленьких
французских историй
о Великой Октябрьской революции*

1. Девочка с барашком

К тому времени, как Феликс, державший маленькую книжную лавку в одной из парижских улочек, вступил в свой восьмой десяток, он обнаружил, размышляя о прошлом, что память преобразила прожитую им жизнь в некий мир теней, среди которых ярко выделялись лишь отдельные картины. В том числе — маленькая сербская девочка, пасшая в горах над монастырем барашка, на шею которому повязала голубую ленту. Ей могло быть лет семь или восемь, и она ужасно испугалась, когда увидела направлявшегося к ней французского солдата с винтовкой. Но Феликс покушался лишь на барашка. Когда девочка заплакала, он бросил винтовку, опустился на колени и, развязав ленточку, отдал ее малышке, которую узнал бы и сегодня: она была в полном отчаянье, видя, что уносят ее барашка, да и сам он чувствовал себя несчастным оттого, что отнял у нее все, чем она владела, но его ждали товарищи, такие же голодные, как и он. «На войне, как на войне», — сказал он себе, так и не сумев изгнать из памяти образ ребенка, навсегда оставшегося для него напоминанием о войне.

Это было на Салоникском фронте, и пехотная часть, к которой принадлежал Феликс, около двадцати месяцев занимала высоты, господствовавшие над монастырем. Их соседями были русские солдаты, тоже пехотинцы. Наступила осень, а с ней холода. Уже много недель они были лишены снабжения и новостей. Если бы внезапно жизнь на земле остановилась, они все равно ничего бы не узнали.

Однажды утром они проснулись от странного гула, словно неподалеку сорвалась снежная лавина. Русские солдаты с криками и песнями бегом спускались с горы, подбрасывая в воздух фуражки. Французы сразу же решили: перемирие. Но три года напрасных надежд на-

учили их ко всему относиться с недоверием. Кое-кто из русских немного говорил на ломаном французском языке. Солдат, которого остановил Феликс, улыбался во весь рот:

— Война конец.

Сомнений не оставалось: значит, и вправду перемирие.

Но пехотинцы — народ недоверчивый и дотошный.

— Для всех?— спросил Феликс.

— Нет,— ответил солдат.— Мы, русские...

Он попытался объяснить, но его французский язык был слишком беден. Наконец он произнес русское слово, которое Феликс слышал впервые и сразу запомнил, так и не поняв, что оно означает:

— Ленин.

Русский бросился вдогонку за своими товарищами, а Феликс, терзаемый завистью и разочарованием, смотрел ему вслед, и в сознании его запечатлелась картина: солдаты, смеясь и распевая песни, низвергаются, подобно лавине, по скалистому склону. Картина эта стала для него олицетворением Октябрьской революции.

2. Жанна Лябурб

В феврале 1916 года Дюбрей, старый красnodеревщик, владелец мастерской на улочке, по которой ходили Бальзак и Расин, находился еще в Вердене¹. Следующей весной его полк был переброшен на Восточный фронт. Должно быть, именно здесь он впервые услышал об Октябрьской революции — а впрочем, в точности он не помнит. Вести доходили с опозданием на месяц, политикой он тогда еще не интересовался, и к тому же никто здесь и не смог бы что-нибудь рассказать про эту революцию. Россия, отвлекавшая значительную часть немецких дивизий, вышла из игры: следовательно, война могла лишь затянуться. А что касается остального, поживем — увидим!

Вряд ли он подозревал тогда, что его слова и в самом деле сбудутся. В феврале 1918 года 58-й пехотный полк переправился через Днестр у Тирасполя. Солдаты думали, что их отправят на родину; увидев, что их по-

¹ Верден — город на северо-востоке Франции, где в 1916 году шли тяжелые бои между французскими и германскими войсками.

ворачивают в обратном направлении, спиной к Франции, чтобы воевать против русских, они отказались выступить. Их мучила тоска по родине, и дело было вовсе не в Октябрьской революции, о которой они по-прежнему почти ничего не знали. И все же это были первые французские солдаты, отказавшиеся стрелять в революцию.

Командование перебросило их на другой берег Днестра. Дюбрей, переведенный в артиллерийский полк, прибыл в Одессу. Это был порт — надежды солдат ожили.

Стояла зима. Город был оккупирован французскими, греческими и польскими частями. Русские солдаты, оборванные, закутанные в одеяла, присев на краю тротуара, ели воблу. Жители страдали от голода и холода. К французам они относились дружелюбно. Некоторые из них говорили по-французски.

В городе было полно листовок, отпечатанных черными буквами на красной бумаге; никто не знал, откуда они появлялись и кто их распространял, но они ходили по рукам во всех полках. В них были обращения к *«сынам французской Революции»*, к *«детям Парижской коммуны»*. Потом рассказывали, что все это делали подпольщики во главе с французской учительницей Жанной Лябурб. После ее смерти Дюбрей и его товарищи пошли взглянуть на то место позади вокзала, где темной безлунной ночью ее расстреляли по приказу французского командования. За их плечами было пятьдесят два месяца фронта, грязь траншей, дизентерия, малярия, и они уже начинали кое-что понимать.

Весной 1919 года они снова отказались стрелять. На этот раз они думали не только о себе. Многотысячная колонна солдат с опущенными штыками прошла по улицам Одессы. Дюбрей шел вместе с остальными. В сущности говоря, именно Жанна Лябурб была первым человеком, открывшим им Октябрьскую революцию.

3. Цветы на ружьях

Мимо городской ратуши Лилля с песнями проходили солдаты, и винтовки их были украшены цветами. Штыки ослепительно сверкали на солнце, стояло прекрасное лето, прекрасное лето 1914 года. Люсьену было три года, и картина эта стала его первым воспоминанием. Вскоре его отец тоже ушел на фронт, а в Лилль вступи-

ли немцы. Только два года спустя Люсьену довелось снова увидеть французских солдат, их было человек соток, они приехали на грузовике. Все они были калеками и с трудом спускались на землю, некоторые даже падали. Женщины бросились к ним. Люсьен смотрел, как они помогали подняться этим изувеченным. Ему было пять лет, его отец был в плену, а мать шила мешки. Иногда он отправлялся со своим котелком к немцам, те давали ему поесть. Когда в 1919 году отец вернулся из плена, сын показался ему очень маленьким и худым. Все это и было войной.

Отец Люсьена — столяр — был мастером своего дела, настоящим художником, впоследствии он нашел работу в Париже, в предместье Сент-Антуан. Анархо-синдикалист по убеждениям, он читал «Юманите» и много рассказывал о поездке Марселя Кашена в Россию¹.

Однажды на уроке старый учитель (молодые еще не были демобилизованы) спросил ребят:

— Кто может рассказать о том, что происходит на Черном море?

Люсьен поднял руку. Он встал и сказал:

— Я знаю, мсье. На Черном море французские моряки подняли бунт, потому что не захотели воевать против русских.

Учитель внимательно оглядел его: маленький, хилый ребенок, словно ссохшийся от войны и оккупации.

— Верно, мой мальчик, — сказал он.

4. Поль Вайян-Кутюрье

На обширной сцене непрерывной чередой сменялись аттракционы: выступали певцы, комические и другие актеры. Праздник происходил в окрестностях Иль-Адана, среди леса на большой поляне, которую пересекает дорога в столицу, — на поляне, названной Охотничьим домом Парижа, потому что в старину здесь было место сбора охотников, «разумеется, псовой охоты», — уточняет Бозр.

Он уже и раньше приходил сюда вместе с товарища-

¹ Кашен, Марсель (1869 — 1958) — выдающийся деятель французского и международного коммунистического и рабочего движения, один из основателей и руководителей ФКП. Директор «Юманите» с 1918 по 1958 год. Речь идет о поездке М. Кашена в СССР в 1920 году.

ми. Ему было тогда восемь лет, и бесплатные спектакли в те времена были редкостью. Его отец, служивший возчиком у владельца замка, умер, когда Люсьен был совсем маленьким. Мать зарабатывала тем, что брала на воспитание малышей, она вырастила тридцать восемь детей, не считая своих собственных и племянницы, которую удочерила. «И знаешь, что она получила за это?— говорит Боэр.— Медаль, только и всего; жизнь была несладкой, да что и говорить — ужасающая нищета».

Попав в этот день на праздник, мальчик увидел вокруг себя целое море кепок. Казалось, все рабочие округа сговорились встретиться на этой поляне. На сцену поднялся человек с ножом в зубах, он изображал «большевика». Боэр знал это слово и испугался, но, увидев, что все хохочут и хлопают в ладоши, успокоился. Потом на сцену вышел другой человек, и аплодисменты усилились. А между тем он ничего не делал, только говорил. Все это закончилось демонстрацией, и ребята вместе со взрослыми прошли по улицам Иль-Адана.

Только десять лет спустя — после того, как одиннадцатилетним мальчишкой он был разносчиком газет и официантом в кафе, а в тринадцать подмастерьем в Сент-Антуанском предместье, после того, как приобщился к секретам лакирования, своего основного ремесла, разьевшего ему ладони, после того, как вступил в ряды Коммунистической молодежи, — он понял, что праздник, на котором он присутствовал ребенком, был посвящен четвертой годовщине Октябрьской революции. «Мне кажется, — сказал Боэр, — что оратор, которого я слушал в тот день, был Вайян-Кутюрье, хотя утверждать не могу».

5. Вороны

Морису исполнилось три года, когда умерла его мать. Отец был солдатом в Аргонне¹. Семья насчитывала четверых детей; старшая, пятнадцатилетняя, девочка взяла на себя заботы о малышах. Когда война закончилась, отец вернулся. По профессии он был дорожным рабочим

¹ Аргонна — всхолмленная лесистая местность к востоку от Парижа, где в 1792 году революционная французская армия дала отпор прусским и австрийским интервентам и где шли кровопролитные бои в первую мировую войну.

в департаменте Сена-и-Марна на линии Бри — Конт — Робер. Зарабатывал мало.

Это от него Морис узнал об Октябрьской революции. Социалист и противник большевиков, отец любил повторять, закончив рассказ о событиях в России, что, пока не увидит все это своими глазами, ничему не поверит.

Они жили в глубокой нищете, и Морис не смог даже закончить начальную школу. Он нанялся на работу к богатому крестьянину: Морис должен был отгонять ворон, чтобы они не уничтожали посевы. Это давало ему три франка в день — и возможность подолгу размышлять о самых разных вещах. Поля были обширны, колосья наливались тяжестью, вороны жирели, а Морис ходил голодным.

Однажды, когда отец по обыкновению повторял, что надо своими глазами увидеть, что именно происходит в Советском Союзе, а не принимать все на веру, Морис внезапно сказал:

— Если хочешь знать, папа, там — наше будущее.

6. Женестьева

Отец Женестьева был социалистом. В молодости он участвовал в революционном движении с Вайяном¹, дружил с Жоресом. Женестьева выросла под рассказы отца, не всегда понимая, о чем он говорит: она научилась повторять слова, еще не улавливая их смысла. Впоследствии, как она ни напрягала память, ей не удавалось вспомнить, когда и при каких обстоятельствах она впервые услышала об Октябрьской революции. Скорее всего, в один прекрасный день у нее просто открылись глаза, и она поняла, что революция всегда была в ее жизни.

7. Дыня под винным соусом

В час дня семья села за стол: отец Жан-Поля строго придерживался раз и навсегда установленного распорядка в приеме пищи, тем более что за последнее время в повседневное течение жизни грубо ворвался беспорядок. Несколько недель назад Жан-Поль сопровождал отца

¹ Вайян, Эдуар (1840—1915) — деятель французского социалистического движения, член Парижской коммуны.

на избирательный участок, куда пятнадцать лет спустя, уже после Освобождения, он сам придет голосовать за коммунистов. «Это катастрофа»,— бормотал отец, он имел в виду Народный фронт. Квартал являл собой совершенно невиданное зрелище: в заводских дворах плясали рабочие.

В то воскресенье к завтраку подали любимое блюдо Жан-Поля — дыню в портвейне, возвышающуюся на горке из мороженого посреди стола. Няня ушла, мальчик был дома с родителями.

Едва лишь он устроился на своем стуле, как на улице грянули медные трубы оркестра. Торжественная и ликующая мелодия, которую Жан-Поль слышал впервые, заполнила комнату. Родители переглянулись и поднялись из-за стола. Такого еще никогда не случалось. Мальчик тоже встал. Никто не призвал его к порядку. Он приблизился к окнам, выходящим на проспект Республики, на полпути между площадью Республики и кладбищем Пер-Лашез. Внизу волновалось море кепок.

Толпа с реющими над ней красными парусами-знаменами двигалась вперед, заполнив всю мостовую. С обеих сторон ее сдерживала двойная цепь полицейских. На гребне людской волны всплывали плакаты и эмблемы — до самого горизонта, насколько хватал глаз, и весь этот поток стремился по направлению к кладбищу, где некогда коммунары дали свой последний бой. Люди пели, скандировали лозунги, из общего хора вырывались отдельные выкрики, потом опять взмывала песня, подхваченная новыми голосами. Время от времени толпа расступалась, чтобы дать дорогу музыкантам, и едва лишь затихала вдали барабанная дробь, как уже гремели трубы и флейты. Демонстранты группировались по профессиям, это было видно по спецодежде: почтальоны в темно-синей форме, парикмахеры в белых халатах. Никогда еще город не видел такого множества почтальонов и парикмахеров, собравшихся вместе. Десятка два молодых людей придерживали за края, растянув его во всю ширину проспекта, огромное красное полотнище, наполненное мелкой монетой. Какой-то человек в мягкой шляпе пробился сквозь блюстителей порядка и бросил монету.

— Отойди от окна,— сказала Жан-Полю мать.— Не надо, чтобы тебя видели.

Мальчик заметил, что родители наблюдают это зрелище из глубины комнаты. Он отступил и взобрался с

ногами на стул, ожидая, что ему сделают замечание. Но отец, казалось, забыл о нем.

На противоположной стороне улицы за плотно закрытыми окнами молча притаились богатые обитатели вторых этажей. В глубине столовых и гостиных можно было различить их угрюмые лица, они, стараясь оставаться незамеченными, следили за уличным шествием. А на верхних этажах, вплоть до чердачных каморок, занимаемых прислужгой, люди высовывались из окон и приветливо махали руками, кое-где колыхались красные флаги.

На мостовой толпа все увеличивалась от вливавшихся в нее новых потоков, и все та же мелодия, которая заставила родителей Жан-Поля подняться из-за стола, звенела снова и снова — то песней, то подхваченная оркестром.

Наступил уже вечер, когда последние демонстранты с последними знаменами прошли под окнами. Шествие продолжалось семь часов. Жан-Поль не двинулся с места: он до сих пор еще помнит ощущение усталости в ногах, испытанное шестилетним мальчиком.

Семья в молчанье уселась за стол. Мороженое растаяло; безвкусная, разбухшая дыня плавала в теплой жидкости. Жан-Поль вполголоса затянул мелодию, которую слышал в течение всего дня: *«Это есть наш последний...»*

Отец задумчиво посмотрел на него.

— Это революция, — сказал он. — Как в России.

8. Дырявые башмаки

Когда ему исполнилось девять лет, его мать — одинокая женщина, работавшая в скорняжной мастерской, отдала сына в пансион Вансена. Он был кроткий как ягненок и не обидел бы и мухи. Теперь ему предстояло защищаться.

В пансионе было несколько ребят — и он в том числе, — которые пользовались скидкой в оплате, то были парии. Остальные время от времени получали на ужин вареные яйца, он — никогда. Его мать вносила дополнительную плату за кофе с молоком — ни разу он его не попробовал.

Детей били. Классные наставники били их линейкой по вытянутым пальцам. Среди мальчиков считалось до-

блестью сносить удары молча и стойко. В тринадцать лет Жан отличался железной выдержкой.

Иногда он удирал из пансиона — чаще всего, чтобы повидаться с матерью. Она отводила его обратно.

Однажды он тайком улизнул в кино. Фильм назывался «*Мы из Кронштадта*». У одного из героев фильма были дырявые башмаки, как у самого Жана. А враги этого парня шеголяли в нарядных ботинках, как и те, что преследовали Жана. Он не знал, где и когда происходили эти события и была ли это вымышленная история или правда. Но моряки взбунтовались, они победили. Жан вышел из кино с радостным сердцем. Он чувствовал себя отомщенным.

9. Полный вагон друзей

Симона поздно научилась говорить. В три года она произносила лишь обрывки фраз и невпопад повторяла слова, поразившие ее своей звучностью, пытаясь уловить их смысл. Мать была в отчаянье, она считала, что малышка отстает в развитии из-за плохого питания. Симона ни разу еще не видела апельсина — это было во времена оккупации.

Однажды мать с дочерью ехали куда-то в метро в переполненном вагоне. Молодая женщина держала девочку на руках, она была совсем легонькой. Сначала Симона заинтересовалась голубой полотняной кепкой своего соседа, потом ей пришлось в голову произнести слово, которое ее родители повторяли дома, когда думали, что девочка спит.

После освобождения ее мать охотно рассказывала эту историю всем желающим и так часто, что Симона выучила ее наизусть во всех подробностях: и какой взгляд бросил на нее человек в голубой кепке, и как отнеслись к ней остальные пассажиры, — но в ту минуту молодая женщина едва не лишилась чувств, услышав, как ее дочь задумчиво и растягивая каждый слог, словно ворочая на языке конфетку, сказала: «*Сталинград*».

10. Военнопленный

Родители Марсея были земледельцами в Нормандии, неподалеку от города Дьепп; политика для них была пустым звуком. Закончив обучение, Марсель устроился

подручным к мяснику, державшему лавку в Гран-Кевили. Ему было шестнадцать лет, когда вспыхнули забастовки 1936 года. Молодой крестьянин рассеянно наблюдал за пикетчиками, патрулировавшими дорогу. Тут впервые он услышал о профсоюзах и коммунистах. Он не знал толком, о чем шла речь, да и не стремился понять: он стал солдатом, ни разу в жизни не раскрыв газету.

Перемирие 1940 года застало его в лагере. Там он познакомился с советскими солдатами: пленные помогали друг другу. В концлагере он пробыл пять лет — срок вполне достаточный для того, чтобы научить нормандского крестьянина уму-разуму. По возвращении во Францию его уже многое интересовало, и он попытался разобратся в пережитом, вспомнил забастовщиков из Гран-Кевили и советских военнопленных, сопоставлял факты и делал выводы; он начал читать газеты. В «Юманите» он прочел статью, посвященную годовщине *Октябрьской революции*; так наконец он узнал, что означают эти слова.

11. История одной любви

Жинетта родилась в Алжире. Ее отец был француз, по профессии маляр и по убеждениям антикоммунист. Став взрослой, она превратилась в изящную красивую девушку с тонкой гибкой шеей — таких часто рисовал Пикассо. В девятнадцать лет она работала секретаршей на Алжирском радио. Здесь она познакомилась с молодым актером из Парижа. Через месяц они поженились и уехали во Францию. И только там Жинетта узнала, что ее муж — коммунист; он просто еще не успел сообщить ей об этом раньше, так много надо было им узнать друг о друге. Она сказала себе: если ее муж — коммунист, значит это прекрасно — быть коммунистом. От него она впервые услышала, по приезде во Францию, об Октябрьской революции.

2

РАДИОКОММЕНТАРИИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Правдивое лицо Москвы

15 июля 1941 года

В этот день меня навестил русский друг. Он приехал из Харькова, и его поезд прибыл в Москву по расписанию. В конце дня мы прогуливались по городу. Что я увидел? Трамвай и троллейбусы, переполненные людьми, которые возвращались из-за города с огромными букетами сирени, васильков и тех прекрасных лесных цветов, тонких и серебристых, которые здесь называют вечерними фиалками. Множество людей выходило из продуктовых лавок с кулками, наполненными крупной сочной клубникой, которую Крым в эту пору посылает столице. Булочные, бакалейные, плодоовощные магазины как обычно в изобилии предлагали покупателям цветную капусту, тыкву, сыры, знаменитые русские колбасы и бесконечный выбор белого и черного хлеба, являющегося одним из предметов гордости этой страны.

Война чувствуется в скоплениях людей у витрин, где вывешиваются сообщения, перед географическими картами, наклеенными на внешней стороне газетных киосков, у стен, расцвеченных пестрым разнообразием карикатур на нацистских главарей, подлинным поводом народного антифашистского лубка. Толпа меняется, смеясь хлестким четверостишиям, которыми знаменитые или еще малоизвестные поэты сопровождают эти выразительные рисунки. И слово «Гитлер»... у всех на устах.

...Меня попросили выступить на митинге, который должен был состояться в Центральном парке. В Центральном парке нам сказали в 7 часов вечера, что кассы уже зарегистрировали 150 000 посетителей. Было много-

людно в кафе, на площадках для игр, в кинотеатрах, в цирковых помещениях, разбросанных по всему парку. Летняя советская толпа, вся в белом,—позолоченные солнцем шеи, руки, плечи,—эта прекрасная молодая толпа, атлетическая, брызжущая здоровьем и весельем, теснилась около эстрад, откуда доносилась военная музыка, вокруг парашютной вышки, у маленьких павильонов на открытом воздухе, где под внимательными взглядами присутствующих военные инструкторы демонстрировали разборку и сборку пулемета, винтовки, орудийного замка, объясняли на макетах принципы аэрофото съемок, объясняли нехитрые секреты пользования противогазом, отвечали на вопросы о химической войне и о другом.

Наш митинг проходил на зеленой лужайке под открытым небом.

Я говорил, что, несмотря на потуги генералов-изменников, фашистских штабов, предателей высокого и низкого происхождения, нельзя свалить на солдат и на народ ответственность за поражение, что француз не утратил своего традиционного мужества, что везде, где его не оставили безоружным и не бросили на произвол судьбы командиры, солдат 1940 года был достойным продолжателем дела солдата Вердена и Марны¹, Жемаппа² и Флерюса³. Я обрисовал им нацистскую тиранию, угнетающую Францию, ее как отвратительные, так и гротескные стороны, и почувствовал, как в них заклокотало возмущение, когда я упомянул о гитлеровской челяди, которая смеет говорить от имени правительства Франции.

Я закончил словами о том, какую надежду вкладывает наш народ в победу Красной Армии и с какой страстью следит он за титанической битвой, от исхода которой зависит судьба планеты и судьба Франции.

Когда, глубоко взволнованные, мы выходили с митинга, от толпы стремительно отделились два пехотных офицера — лейтенант и совсем еще юный комбат. Они

¹ Марна — река во Франции, в районе которой французская армия одержала победы над германскими войсками в сентябре 1914 года и в июле 1918 года.

² Жемапп — местечко в Бельгии, в районе которого в 1792 году французские революционные войска нанесли поражение австрийским интервентам.

³ Флерюс — местечко в Бельгии, у которого в 1794 году произошло такое же событие.

еще были покрыты пылью поля боя. У обоих на груди сверкала новенькая звезда, вызывающий зависть орден, обладателя которого называют Героем Советского Союза. На лицах их лежала печать той необыкновенной серьезности и предельной усталости, которые были нашими, когда 25 лет назад мы покидали окопы Вердена. Они подошли, крепко пожали мне руку и, смущаясь, как девушки, сказали: «Спасибо, товарищ, большое спасибо».

За что? Они почти робко подошли выразить мне, французу, их благодарность, тогда как именно я должен был низко поклониться им. Что я еще мог сказать им, кроме того, что они перепутали роли?

Возвращались мы через многолюдный город, спокойный, серьезный. Праздничный вечер? Ничего подобного. Просто вечер отдыха в атмосфере сурового беспокойства и непоколебимой веры. Поезда метро, трамваи, троллейбусы в сумерках развозили по домам сотни тысяч людей, которые завтра в самый ранний час придут на работу, которой они отдают себя, не считаясь ни с чем, не щадя себя, трудясь до изнеможения, в упоении добровольной жертвы, во имя победы, спасения, свободы.

Таково правдивое лицо Москвы на двадцать второй день молниеносной войны, этого *блиц-крига*, который, какие бы ужасы ни сопутствовали ему, по сути есть не что иное, как *блиц-крах*. Если что-нибудь еще и может придать нам несокрушимую уверенность в грядущем, то именно это лицо, эта душа, эта правда. Вот почему я пришел сюда засвидетельствовать это перед вами.

Победа под Ельней и советское сопротивление

12 сентября 1941 года

Битва под Ельней завершилась, и из сообщений газет мы начинаем понимать то, что это было сражение гигантов, всю грандиозность этого сражения. Оно продолжалось двадцать шесть дней, и в нем участвовали крупные силы с той и другой стороны. Красная Армия медленно, неумолимо сжимала клещи так, что фронт шириной в 60 километров вначале сузился до 9 километров в конце. Остатки германских войск вынуждены были бросить всю свою боевую технику на огромном поле

боя, которое, как под Верденом или на Сомме¹, напоминало лунный ландшафт.

Где находится Ельня? Вам будет не просто найти ее на обычных картах. Это городок, расположенный приблизительно в 80 километрах к юго-востоку от Смоленска, то есть в 300 километрах к юго-западу от Москвы. Вам достаточно будет знать эти координаты, чтобы вы смогли представить решающую важность этой победы для общего хода войны. В ходе этого сражения Красная Армия полностью разгромила 8 дивизий, включая одну танковую и одну моторизованную. Это равно 3 или 4 армейским корпусам. Траур должен воцариться в Виши! Это тяжелое поражение союзников господина Петена не кладет конца мытарствам группы гитлеровских армий «Центр».

Отныне они подвергаются концентрированным атакам сразу трех противников, а именно: Красной Армии, использующей выгоды своей победы, начавшегося очень рано в этом году бездорожья и, наконец, партизан, которые буквально опустошают тылы врага.

Белоруссия, которая раскинула свои огромные леса и болота на запад от Смоленска до Немана и Буга, на расстоянии, равном расстоянию от Парижа до Бордо, стала местом ужаса для немецких обозов, коммуникаций и техники. Здесь действуют более 400 партизанских отрядов. Командирами некоторых из них являются женщины. Другими командуют местный врач или ветеринар, учитель, профсоюзный секретарь, заведующий колхозной фермой, начальник локомотивного депо или директор МТС. Инженеры-гидрологи, досконально знающие местную топографию, играют в этой войне роль особенно героическую и неоценимую.

Партизанские войска снабжены радиостанциями, они действуют в тесной связи с Красной Армией. Они используют захваченные у врага автомашины и легкие танки. Теперь они обеспечены лыжами, теплой одеждой и продовольствием на всю зиму. Не спрашивайте, откуда у них снабжение, это снаряжение, которым они в достатке обеспечены. Спросите лучше, почему порой немецкие войска испытывают нехватку в патронах и полушубках! Роль партизан в подготовке и проведении сражения под Ельней значительна.

¹ Сомма — река на севере Франции, где в 1914—1918 годах развернулись затяжные бои между французскими и германскими войсками.

В то время, как эти и другие события разворачивались в центре, армия Гитлера рвалась вперед в двух направлениях, двумя крыльями — одно на север, к Ленинграду, другое — к Киеву и Одессе.

Никто не может предвидеть будущее. Маршал Фош говорил: «Наступление, которое не получает непрерывного развития, обречено на провал». Оба немецких наступления — и на севере, и на юге — топчутся на месте. Но это не означает, что они уже выдохлись. Ресурсы зверя еще велики — ресурсы в живой силе и в материале.

Овладеет ли Гитлер тремя городами, которых он с вожделием домогается, чтобы разместить там свои зимние квартиры? Спрошенный об этом один советский генерал дал следующий мудрый ответ: «Дело не в этом. Вопрос в том, какую цену придется Гитлеру заплатить нам за каждый шаг продвижения его войск...»

Верные этой тактике, советские войска, прежде чем контратаковать, заставляют оплачивать каждый километр советской территории потоками немецкой крови.

Весьма простой подсчет покажет вам, что запасы километров в СССР намного превышают запасы крови в Германии.

Армии Вильгельма II неистово истощали свои силы под Верденом. Армии Гитлера имеют перед собой не один, но — три Вердена, которые называются Ленинградом, Киевом и Одессой. Они даже обрели четвертый — под Смоленском.

В городских и промышленных центрах партизанская война приняла двоякий характер. Она не только разгорается в отдаленных тылах врага, но все население этих больших городов само мобилизуется в изумляющем порыве и оказывает Красной Армии неоценимую помощь. Местная промышленность быстро освоилась с ситуацией; одни заводы выпускают лопаты и кирки, другие — производят легкие танки, третьи — ремонтируют автомобили, четвертые — делают локомотивы. Рабочие услышали призыв Сталина в его речи 3 июля, вот уже несколько недель занимаются военной подготовкой во вне-рабочее время. Часть этих заводских коллективов отправилась на фронт, они участвуют в обороне местности, многие из них уже блестяще проявили себя, демонстрируя выдающуюся доблесть этой народной армии, которая по всей стране выражает готовность защищать свои очаги бок о бок с более молодыми бойцами Красной Армии.

Одесса, Киев, Ленинград и их самые отдаленные предместья превращены населением под руководством офицеров инженерных войск в лабиринты укреплений, редутов, огневых позиций, траншей и дзотов, которые нужно будет взять одно за другим, прежде чем атаковать сами города.

Уже на подступах к этим городам горы трупов нацистов отмечают вехами крайний предел, достигнутый на данный день нацистским приливом. СССР ждет со стиснутыми зубами и сжатыми кулаками следующей волны.

Сегодня — 12 сентября. Гитлеровские армии отхлынули в беспорядке в 300 километрах от Кремля. На северном и южном флангах они подготавливают решающий таранный удар, успех которого им необходим, если они захотят избежать того, чтобы общий крах плана кампании, отныне неоспоримый, перерос в историческую катастрофу.

Однако весь народ наготове. Каждый день пополняет его вооружение и улучшает воинскую выучку. Каждодневно Красная Армия усиливается за счет нового пополнения новобранцев и резервистов. Каждодневно возрастает счет ужасающих потерь армий, с которыми господин Петен связывает последние надежды своей диктатуры. С каждым днем геморрагия¹ немецкого народа усиливается и принимает все более опасную форму. С каждым днем немецкие женщины все более непосредственно чувствуют зов несчастья.

Ленинград держится

18 сентября 1941 года

Развернувшаяся за Ленинград битва достигла невиданных масштабов и форм. Послушайте же об этом несколько подробностей, мои соотечественники!

Заводы работают под бомбежками. Но далеко от того, чтобы их работа ослабла,— она нарастает. Цифры выпуска продукции сначала превысили план на 10%, затем на 20%, 40%, а теперь — на 200%!

И это в условиях, когда эти же самые заводы направили почти всех своих кадровых рабочих в народное ополчение.

¹ Геморрагия — истечение крови из сосудов, кровотечение.

Сначала это была молодежь. После выступления Сталина 3 июля она приступила к интенсивной военной подготовке во внеурочное время. А когда опасность приблизилась к городу, заводы сформировали части, которые присоединились к Красной Армии и многие из которых уже покрыли себя боевой славой. В то же время отцы, старики, пенсионеры заменили их в цехах.

Опасность продолжала возрастать, и, в свою очередь, эти старики, бывшие бойцы времен гражданской войны, которые уже тогда защищали столицу против армии Юденича, эти ветераны потребовали оружие и пошли в окопы. А теперь их дочери и жены заменили их у токарных и фрезерных станков.

Но эти юные девушки, эти женщины уже сами несли службу в госпиталях и медпунктах. Они ежедневно трудятся по две рабочие смены — восемь часов в госпитале, десять — на заводе, а когда смена в цехе заканчивается, против их фамилий на доске показателей, как и накануне, можно видеть: 200% нормы! Поэтому Ленинград держится!

Ленинград держится, как выстоял Верден. Горы нацистских трупов громоздятся перед рубежами предметий. Новейшая продукция германских концернов, едва остывшая после заводской обработки, тут же бросается в битву и на город. Например, новые самолеты «Мессершмитт-115».

Но вот что делают с ними советские летчики. Бринько, летчик Балтийской авиации, израсходовал весь боезапас. Кончились патроны. Тогда он кладет на крыло свой маленький и быстрый гидросамолет, на котором уже сбил 12 немцев, бросается на хвост «мессершмитта»... Треск — и тяжелый бомбардировщик, рассеченный надвое, падает камнем. Бринько вскоре приводняется, как может только он, а назавтра утром... вновь взлетает на маленьком гидросамолете за своей четырнадцатой победой.

Поэтому Ленинград держится!

«Ура» на улицах, грузовики с солдатами в касках... Это из окопов возвращается на отдых дивизия Бондарева, которую немцы надолго запомнят. Дивизия Бондарева находилась на критической точке поля битвы. Как раз на этот сектор немцы обрушили всю свою силу прорыва в урагане мин, вое пикирующих бомбардировщиков, лязге танков. Дивизия Бондарева не только не дрогнула, но, испытывая недостаток в минометах, взяла

их у немцев и повернула минометы против их бывших владельцев.

Сегодня, когда дивизия Бондарева прибывает на отдых, заводы Ленинграда встретили ее с горячим радушием. Солдат принимали на каждом предприятии, в каждом цехе. Солдаты говорят: «Вот что мы сделали, а вот в чем у нас нехватка, в чем мы нуждаемся». И образно этому радио передает на весь Советский Союз, в каждый дом, на каждый завод СССР этот перечень чести и этот список заказов. «Еще больше снарядов, больше орудий, больше пулеметов, товарищи! Больше танков, минометов, самолетов!» — требуют солдаты. «Клянемся, что мы дадим их», — отвечают рабочие. И на следующую ночь по всему СССР заводы пламенели еще больше, чем накануне, а цифра производства поднялась на новую ступень. 7 сентября более полумиллиона юношей и девушек отдали дополнительный рабочий день героическому городу.

И Ленинград держится.

Эта ночь на Финском заливе уже ошетибилась резким осенним плеском. Ночь темна, как совесть Лавалля¹. Советский морской патруль движется бесшумно. Внезапно в ночи появляется более темное пятно. Тенью возникает прицепной лихтер². Стрелять поверху означало бы поднять по тревоге врага. Нет. Ленинград — город Петра Великого, советский флот переймет тактику петровских фрегатов. «Полный вперед!» Сторожевой корабль идет на abordаж буксира траверсом и пускает его ко дну, поворачивает на борт и на полной скорости стремительно бросается на лихтер, нагруженный многими сотнями солдат. Крики и вслед за этим — молчание.

Вскоре появляется пять других транспортов. Офицеры Еськов и Тунгусков берут их на себя и тем же возрожденным способом старых моряков пускают на дно тысячу немецких солдат. А моряки... кричат им: «Что, захотелось в Ленинград?!»

Поэтому Ленинград держится.

Голос радио. По всей стране воцаряется молчание, на улицах замирает движение. Что это? Это говорит Ленинград. Раздается хорошо знакомый русским голос. И

¹ Лаваль, Пьер (1883—1945) — французский государственный деятель, активный пособник гитлеровцев в 1940—1944 годах. В 1945 году расстрелян за измену родине.

² Лихтер — грузовое судно баржевого типа.

хорошо известное всему миру имя — имя композитора Дмитрия Шостаковича...

— Я говорю вам из моего рабочего кабинета. Я сижу перед моим роялем. Рядом со мной винтовка. Я только что закончил дежурство с моими товарищами. И вот я снова у себя дома...

Его сменяет другой голос — голос ученого Байкова, члена Академии наук...

Поэтому Ленинград держится.

Человек приходит в военкомат. Это инвалид... «Что ты желаешь делать? У тебя же пенсия... О чем ты просишь?» — «Я пришел просить работы, чтобы помочь обороне Ленинграда».

Поэтому Ленинград держится.

Вот чего умеет добиться у этого народа в дни испытаний власть, которая сумела завоевать любовь и доверие всего народа. Вот что сумел бы также дать французский народ для защиты родины, — будь так же призван к обороне и вооружен для этого!

Советские победы и немецкое отступление

4 января 1942 года

Поражение немцев под Москвой!

29 дней назад Красная Армия перешла во многих секторах от активной обороны к наступлению.

В ходе этих четырех недель она на севере разжала петлю, угрожавшую Ленинграду, и сорвала планы соединения немецких и финских армий. На юге она уже изгнала 28 ноября врага из Ростова-на-Дону, преследовала его более 100 километров, вернула восточную часть Крыма и перекрыла, таким образом, путь немцам к нефти.

На Юго-Западном фронте она глубоко проникла в Донбасс.

Наконец, — капитальный пункт! — на Центральном фронте Красная Армия серией решительных ударов не только сокрушила наступление, которое 60 немецких дивизий клещами вели против Москвы, но также разбила наголову врага в серии гигантских битв в Клину, Калининне, Туле, а позавчера еще и в Калуге.

В Калуге были разгромлены 60-й армейский корпус немцев, включающий 15 пехотных дивизий, танковую ди-

визию и бригаду СС, специально доставленную по воздуху из Кракова. Они ретируются на запад, бросая на заснеженных дорогах своих раненых, артиллерию, оружие, снаряжение.

А вчера от захватчиков был освобожден Малоярославец.

Какие воспоминания пробуждаются в наших умах! Малоярославец! Первый этап отступления Наполеона в октябре 1812 года, первое поражение его армии...

Калуга! Первая цель, которую Наполеон наметил на пути возвращения, ибо понял капитальную стратегическую важность этой позиции, с помощью которой он хотел прикрыть свое попятное движение.

И 129 лет спустя названия Малоярославец и Калуга снова звучат в военных сводках. И снова они звучат похоронным звоном по захватчику России.

В своем замечательном новогоднем обращении к народу и Красной Армии Председатель Президиума Верховного Совета СССР Калинин, высказывавшийся с теми сдержанностью без патетики, с точностью слова, реализмом и правдивостью, которые свойственны правителям, тесно поддерживаемым общественным мнением, мог сказать: «На решающих фронтах враг побит, побит крепко... Во многих случаях он в беспорядке отступает... Отныне мы сражаемся в равных условиях... Инициатива у врага вырвана».

Тем не менее он добавил: «Мы, красные бойцы и красные моряки, наши командиры и комиссары, прошли трудный путь, но впереди нас ждут еще большие трудности».

А «Правда» в своей передовице от 1 января отмечала: «Предстоят еще тяжелые бои, прольется много крови, война требует огромных усилий и напряжения воли советских бойцов и всего советского народа».

Почему же?

Потому что Гитлер еще имеет возможность заставить работать на себя не только немецкую индустрию, самую развитую на континенте, но также промышленность всех стран, отданных ему предательством. Крезю, Денен, Фив-Лилль, Кай, Батиньоль, Рено, Ситроен, Пежо, Испано, Гном и Рон, а также Шкода в Богемии, польская промышленность и т. д. работают на нацистскую армию.

Французские колонии поставляют в Марсель свои растительное масло, фрукты, мясо, хлеб, фосфаты, которые Виши переправляет тут же в Германию. Наши

французские виноградники обеспечивают Гитлера вином, наши свекловичные плантации — сахаром, наши рудники и шахты — железом, углем, бокситами.

А часть промышленных и сельскохозяйственных богатств СССР, как это было с Францией в 1914—1918 годах, захвачена врагом.

Все операции, которые разворачивались с 6 декабря, являлись только контрнаступлениями. Верно, каждое из них отмечено размахом, сравнимым с размахом бывших сражений при Маренго¹ или Ваграме². Но не забывайте, что фронт растянулся на две тысячи километров. Наполеон в 1812 году начал свою кампанию с 600 тысячами солдат, Гитлер — с 10 миллионами.

То, что совершили Красная Армия, советские правительство и народ, безмерно и навсегда останется в истории как один из величайших поворотов в судьбах народов. Но то, что им еще предстоит совершить, намного превосходит сделанное ими до сих пор. Враг сильно углубился внутрь советской территории. Красная Армия победит, ее силы, численность, вооружение, обученность, опыт, искусство маневра, мораль возрастают с каждым днем. Однако стоящие перед нею задачи огромны. Об этом нельзя забывать ни на миг. Ей предстоит уничтожить немецких захватчиков до последнего человека, как об этом сказал Калинин.

Эта гигантской важности задача не будет решена одной лишь спонтанной игрой материальных сил. Цель может быть достигнута только энергией и моральным напряжением каждого мужчины, каждой женщины во всем мире — в Париже, как в Москве, во Франции, как в СССР, в Европе, как и на других континентах.

«Что ты сделал сегодня для фронта?»

18 февраля 1942 года

Гитлер рассчитывает возобновить нынче операцию, провалившуюся в прошлом году, и сделать это с численно-

¹ Маренго — деревня в Северной Италии, в районе которой в 1800 году произошло сражение между армией Наполеона Бонапарта и австрийскими войсками.

² Ваграма — селение в Австрии, в районе которого в 1809 году произошло решающее сражение между армией Наполеона Бонапарта и австрийскими войсками.

стью вермахта и материалом, по крайней мере, равным тем, которые он бросил против СССР 22 июня 1941 года.

Будущее мрачно для него. Соединенные Штаты завершают мобилизацию и концентрацию своих огромных сил. У Англии две крупные нетронутые армии — армия на Среднем Востоке и армия на территории страны, только эта последняя насчитывает четыре миллиона человек, и к ней уже добавился американский корпус.

А американская сталь, британская сталь, советская сталь, вместе взятые, — это четыре пятых мировой стали.

Однако Гитлер и его статисты живут одним днем. Они знают, что завтрашний день будет нашим. Поэтому они хотят победить сегодня. Они хотят поставить нас перед свершившимися фактами, перед важными выигрышами, перед непреодолимой ситуацией. По времени они живут против часовой стрелки...

Чтобы расстроить эти планы, Советский Союз направил все свои силы. Он противопоставляет не только армию армии, пушку — пушке, солдата — солдату, штык — штыку, но в тылу — домну домне, металлургический завод — металлургическому заводу...

Красная Армия дала время инженерам и рабочим демонтировать жизненно важные заводы в угрожаемых районах...

Оборудование и персонал были эвакуированы за тысячи километров от тех мест. В самом далеком тылу эвакуированные предприятия вошли в строй одно за другим. В бассейне Волги, на Урале, в Сибири вздымают к небу дым трубы новых заводов.

В свою очередь, в освобожденных районах буквально вслед за армией-освободительницей начинается восстановление разрушенных предприятий...

Враг спекулировал на хорошо известных пороках старой России. Даже друзья, недооценивавшие грандиозное дело возрождения, предпринятое здесь за последнее двадцатилетие, не имели смелости полагаться на мощь СССР. Черчилль признавал это публично. Но в своей яркой речи в прошлое воскресенье он не поколебался выразить восхищение британского народа советским народом, таким, каким он проявляет себя сегодня, его твердостью, постоянством, находчивостью, его созидательной силой, его фантастической преданностью Родине...

Этот новый ход вещей добавил к доблестям новой России новые качества. Производственная мощь совет-

ской военной промышленности получила почти не­постижимый импульс.

Газета «Правда» писала: *«На вопрос: «Что ты сегодня сделал для фронта?» — миллионы советских лю­дей смогли ответить: «Сегодня я дал фронту новые танки и новые орудия...»*

А что это за фронт? Это фронт свободы. Это наш фронт, мои соотечественники! Это фронт, где сражаются и умирают также за то, чтобы Франция вновь стала сво­бодной.

Итак, я обращаюсь к тебе, французский рабочий, мой соотечественник, мой брат. В день подведения сче­тов, когда каждого спросят, спросят и тебя: «— А что ты делал в 1942-м — решающем году?» — сможешь ли ты ответить без мучительных угрызений совести: «— Я? Я в тот год работал на Гитлера, чтобы снабдить Гитле­ра новыми танками и новыми пушками!»?

Нет! Это невозможно. И этому не бывать!

Французские рабочие, на тотальное усилие советско­го народа для обороны и свободы вы можете ответить только таким же героическим, таким же всеобщим и та­ким же окончательным решением: решением о незамед­лительном и полном прекращении работы на германскую армию.

Две концепции человека

16 мая 1942 года

Маршал Франции Петен осмелился сказать, что Гер­мания включилась в гигантскую битву против Советской России во имя защиты цивилизации. А господин Пьер Лаваль... осмелился произнести в связи с этим слова *«защита цивилизации», «культура», «идеал», «мо­ральные и духовные ценности».*

Мы знаем, как эти господа и их германские хозяева защищают во Франции моральные и духовные ценности, разум, цивилизацию. Поль Ланжевен¹, Эмиль Борель², Ляпик³ — в тюрьме; Жан Перрен⁴ умер в изгнании; в изгнании оказались крупный биолог Андре Мейер и

¹ Ланжевен, Поль (1872—1946) — французский физик.

² Борель, Эмиль (1871—1956) — французский математик и политический деятель.

³ Ляпик, Луи (1866—1952) — французский физиолог.

⁴ Перрен, Жан (1870—1942) — французский физик.

сотни французских ученых; тысячи преподавателей, ученых, исследователей изгнаны с их университетских кафедр, обречены на молчание, брошены в тюрьмы; интеллектуальная Франция рассечена на три части глухими внутренними перегородками — на Францию административную, Францию экономическую и Францию семейную — ученые общества не в силах собрать своих членов, разделенных пресловутыми демаркационными линиями; библиотеки, начиная с прославленной Национальной, разграблены немцами, которые перекраивают их на свой лад, изымая из них... книги, не принятые ими, увозя в Германию самые редкие сокровища их; Рене Клер¹, Жан Ренуар², Дювивье³ изгнаны; лаборатории лишены ассигнований и переданы немцам, которые проводят в них работы для нужд вермахта, используя замечательное оборудование, созданное лучшими французскими учеными; писатели лишены права публиковать свои книги, осуждены на безмолвие в стране, которой их перья делали честь; школьные учебники переписаны по гитлеровскому и расистскому евангелию; преподаватели лицеев и школьные учителя преследуются... Французскую мысль отныне представляет горстка предателей, активных членов пятой колонны, открытых агентов Германии и Италии, таких, как Тьерри Монье, Дриё Ла Рошель или Абель Боннар⁴.

Вы знаете, что это еще не все... Мы знаем, как сами немцы понимают защиту цивилизации. Эйнштейн, Фрейд, Томас Манн, Генрих Манн, Эмиль Людвиг, Стефан Цвейг, Бертольт Брехт, Иоганн Бехер и десять тысяч других ученых, поэтов и драматургов изгнаны из Германии, не говоря о тех, кто замучен до смерти в концлагерях; библиотеки и университеты Польши и Чехословакии разграблены, разрушены и закрыты.

Нота Молотова от 28 апреля⁵ воспроизводит совокупную картину отвратительных преступлений, совершенных так называемыми «цивилизаторами» на времен-

¹ Клер, Рене (1898—1984) — французский кинорежиссер и сценарист.

² Ренуар, Жан (1894—1979) — французский кинорежиссер.

³ Дювивье, Жюльен (1896—1967) — французский кинорежиссер.

⁴ Ж.-Р. Блок называет фамилии французских писателей — активных пособников гитлеровских оккупантов в 1940—1944 годах.

⁵ Речь идет о>Note НКВД СССР союзным державам — США и Англии — об ответственности гитлеровцев за их военные преступления.

но оккупированных ими территориях СССР. Каждый немецкий офицер имеет при себе памятку, содержащую «двенадцать заповедей о способе обращения с русскими». Читаем ее: «Вы должны сознавать, что Вы представляете Великую Германию. Именно поэтому Вы обязаны применять даже самые жестокие и самые беспощадные меры, которые диктуются германскими интересами. Проявив слабость, Вы не можете больше никогда занимать ответственные посты в Отечестве. Держите русских на отдалении. Никогда не забывайте, что они славяне. Не доверяйте интеллигентам, даже эмигрантам. Никогда не дискутируйте с ними — действуйте!»

И как же они должны «действовать»?

Сумасбродные и безумные суждения о русских, сформулированные Гитлером в «Майн кампф», служат для немцев евангелием... Приказ фельдмаршала Рейхенау предписывает: «Никакая историческая или художественная ценность на Востоке не имеет значения». Приказ командующего 1-й германской армией разъясняет: «Священное чувство мести и отвращения ко всему тому, что является русским, должно выражаться любыми средствами».

Результаты? Дом, библиотека и могила Льва Толстого разграблены, осквернены и преданы огню; могила Пушкина разрушена; Музей Бородинской битвы разрушен; дом-музей знаменитого пионера авионавигации Циолковского разрушен, а портрет великого ученого служил мишенью для стрельбы из пистолета; древние церкви, самые старые исторические монастыри взорваны динамитом; селекционные сельхозстанции сожжены; все библиотеки, консерватории, университеты разрушены; ценные книги из знаменитой Харьковской библиотеки служили для мощения покрытых грязью улиц, чтобы облегчить движение немецких автомашин; Академия наук в Минске с ее редкими коллекциями уничтожена.

И в то время как все это происходило в Виши, Берлине, Париже, Варшаве, Кракове, Киеве, что же происходит в СССР? Комиссия по Сталинским премиям собирается так же, как и в мирное время...

Соотечественники мои, сравните две картины, которые я только что нарисовал вам: с одной стороны, омерзительное дело слабоумия, разрушительства, позора и ненависти, с другой — творческий труд, вера, созидание и любовь. С одной стороны, смерть в бесчестии, с другой — созидательная деятельность в уважении и энту-

зназме. Ночь и день. Выбор Франции сделан. Свет победит мрак. Но он не победит его сам. Сегодня благо, к счастью, не безоружно: за него сражается Красная Армия. Не оставляйте ее одну. Каждый следующий час наращивает невозместимый ущерб, который наносят палачи, и делает более тернистым, более долгим и более дорогостоящим путь, который приведет французский народ к свету.

Сталинград и Ленинград — Трепещите, враги, это говорит Сталинград!

23 ноября 1942 года

Чрезвычайное специальное коммюнике, опубликованное вчера Советским Информационным бюро, лаконично, ясно, убедительно, красноречиво. Этот могучий удар грома заставил вздрогнуть весь мир, и друзей, и врагов. Одни, друзья, вздрогнули от радости, великой радости, предвестницы других радостей. Другие, враги, задрожали от ужаса, неопишемого ужаса, начала серии других ужасов. Друзья имеют все основания радоваться. Враги — все основания трепетать. Это сказал свое слово Сталинград. В течение трех месяцев Сталинград заставлял говорить о себе весь мир. Он заставил все народы, жаждущие свободы, полюбить его. За три последних месяца Сталинград стал городом, вошедшим в бессмертие, городом — символом лучших чаяний человечества, легендарной твердыней, объединившей в органическом целом надежды и тревоги сотен миллионов людей во всех странах.

Сталинград, этот новый рабочий город, король ключей от Волги, реки — матушки-кормилицы; Сталинград ужасающе изувечен и превращен в дымящиеся руины. Этот Сталинград, к которому с таким вожделением рвались немцы и который столько раз объявлялся захваченным гитлеровскими ордами, говорит сегодня и говорит громовым голосом, заставляющим трепетать в страхе всю Германию и ее вассалов.

...Первые результаты, достигнутые Красной Армией за три дня наступления, говорят сами за себя. Они тем более важны и значительны для ближайших перспектив, что чрезвычайное коммюнике Совинформбюро заканчи-

вается следующей фразой: *«Наступление наших войск продолжается».*

Не будем рисковать в прогнозах относительно последнего развития наступательной операции, развернутой советскими войсками в секторе Сталинграда. Тем не менее уже сейчас ясно, что эта операция не возникла случайно...

Весьма интересно и симптоматично послушать берлинское радио, которое вчера передало дословно следующее: *«На восточном фронте следует отметить возобновление активной инициативы большевиков. Эта инициатива проявляется в настойчивых атаках к северу и к югу от Сталинграда, на Кавказе и у Волхова. Большевики развернули в степях астраханских калмыков, а в секторе Моздока — проводят яростные атаки при поддержке танков».*

Несомненно то, что когда германское верховное командование передает по берлинскому радио подобную информацию с восточного фронта, делает оно это вынужденно, из-за невозможности скрыть крушение своих планов. Оно спешит дать эту информацию, чтобы подготовить умы в Германии и вне ее к вестям гораздо более серьезным. Завтра, когда оно получит другие, более тяжелые удары, оно будет вынуждено говорить еще более открыто...

Вот совсем свежий пример, который мы берем из немецкого журнала «Геополитик». Чувствуя, как горит русская земля под ногами захватчиков, «Геополитик» в своем номере от 9 октября признает следующее: *«Старая дипломатическая поговорка гласит, что в русскую кровать легко ложиться, но с нее тяжело вставать. Россия остается загадкой. Постичь ее невозможно. Если ты идешь против нее, она тебя поглотит. Если ты захочешь убежать, она тебя нагонит. Она всегда за нашей спиной. Она — это жизнь, сама жизнь».*

Да, Россия, Советский Союз — это сама жизнь, которую гитлеровцы захотели уничтожить, но которая уничтожит их. Ибо она есть жизнь и оплот прогрессивного и передового человечества, которое германские империалистические хищники упорно стремятся низвергнуть в бездну. Как это было в веках, как это было во времена Древней Руси, Советский Союз был и остается гарантированной и несомненной могилой для каждого завоевателя.

Мои соотечественники! Наступление советских войск

развернулось и проходит в обстановке радикального и благоприятного изменения стратегических позиций союзников. Крупная операция в Северной Африке и наступление 8-й британской армии показывают, что Великобритания и Соединенные Штаты перешли к наступательным операциям возрастающего размаха.

Это момент для всех народов, любящих свободу, и особенно для французского народа, не выжидать, но участвовать с жаром и решимостью в общей битве против общего врага — против гитлеровской Германии.

Советский боец спасает человечество

19 января 1943 года

Не без колебаний пишу я эти строки за несколько часов перед тем, как отправиться прочесть их вам перед микрофоном. Военные события на советско-германском фронте разворачиваются с такой неудержимой стремительностью, что просто невозможно предвидеть, как сложится ситуация через несколько часов. Посудите сами. В субботу вечером я говорил вам: от Кавказских гор до реки Дон, на тысячу километров фронта, советские армии находятся в движении по сходящимся направлениям, отбрасывая и перемалывая гитлеровские дивизии, вчера еще спесивые, а сегодня повергнутые в ужас. Под Сталинградом 22 немецкие дивизии, 220 000 человек, прокисшие, окруженные, блокированные, угасают без надежды на спасение под совместными ударами русских пушек и морозов. В тысяче километров севернее по прямой линии — другое наступление Красной Армии крушит немецкую оборону таранными ударами страшной силы и уже вырвало у врага один опорный пункт — Великие Луки. Я добавил бы впечатляющую цифру гитлеровских потерь пленными, убитыми, ранеными, разбитой или захваченной техники, — вот каким был итог на вечер субботы.

С воскресного утра этой картины стало недостаточно. Начаты две новые операции, и их первые замечательные результаты были официально объявлены. Советское наступление на юго-западе внезапно распространилось вправо, к северу, к Воронежу, на 155-километровом фронте, прорвало вражеские линии, продвинулось вперед от 50 до 90 километров на запад, опрокинуло и разгро-

мило шесть венгерских дивизий и три немецкие, освободило 600 населенных пунктов, захватило 17 000 пленных и огромное количество военной техники, уничтожило 17 000 врагов.

Одновременно, поскольку командование 22 немецких дивизий, окруженных под Сталинградом, не приняло предложения о почетной капитуляции, Советское командование начало ликвидацию остатков 6-й гитлеровской армии, и начало этой победоносной операции увенчалось блестящим успехом. В руки Красной Армии попало много трофеев с 7000 пленных, а враг потерял 25 000 человек убитыми.

Однако с утра понедельника картину опять необходимо было заново отретушировать. Миллерово, в свою очередь, было взято русскими. Миллерово — железнодорожный узел и важный промышленный центр на одной из железных дорог, идущих от Москвы к Донецку. Одновременно стало известно о том, какой огромный парк техники оставили за собой немецкие армии, разбитые на Северном Кавказе и повсеместно отступающие.

Вчера утром — новый удар, еще более важный. На Северном Кавказе освобожден Черкесск. Северная река и Манычский канал были форсированы частями Красной Армии, подошедшими с северо-востока. В трехстах километрах оттуда была форсирована река Северный Донец, атакован важный пункт Каменск, его мост и вокзал взяты с бою. Еще дальше на триста километров, в секторе Воронежа, наступление к западу от Дона развивалось стремительно, вражеский гарнизон был окружен, итальянский 2-й армейский корпус был разбит наголову, число пленных, захваченных русскими только в этом секторе, достигло 31 000.

Но какими бы радующими, какими бы богатыми ни были свершения и надежды, которые принесли эти известия, они уступают по значению событию, происшедшему в 1200 километрах дальше к северу. Прорвана немецкая блокада Ленинграда! Советские армии, атаковавшие кольцо окружения одновременно изнутри и извне его, соединились. 13 000 убитых, пять немецких дивизий и два пехотных полка уничтожены — вот во что обошлось это новое поражение армиям Гитлера.

Но эти цифры дают лишь слабое представление о их разгроме. За шестнадцать месяцев осады оккупанты крепко вросли, зарылись в землю, они покрыли эту широкую полосу территории бронированными дзотами и

сеть долговременных укреплений и оборонительных сооружений, казавшихся неприступными. Чтобы представить это, знайте, что Красной Армии для осуществления этого прорыва нужно было взять 460 бетонированных дзотов и заставить замолчать 172 батареи.

Мечта немцев покончить с Ленинградом железом, огнем и голодом рушится, а с нею рушится последняя надежда Гитлера видеть свою армию зацепившейся за Сталинград. Двойной колокольный звон возвещает всему миру отходную по гитлеровской стратегии и фашистской тирании в Европе!

Наконец, вчера вечером новое специальное сообщение: Каменск на южном берегу Донца взят. Наступление в секторе Воронежа привело к освобождению Валук. Это наступление уже продвинулось вперед на 150 километров. Оно принесло 52 000 пленных, огромные трофеи, и коммюнике объявляет об окружении немецких сил на восток от Россоши.

Германское командование, атакованное в стольких разных точках, не знает, откуда будет нанесен следующий удар; оно не знает, куда бросать свои резервы; оно не знает, как спасти от окружения и уничтожения свои части и даже целые армии. Германское командование полностью подавлено суверенной стратегией советского командования.

Чрезвычайно мощные удары, полученные вермахтом в прошлую зиму, имели результатом значительное уменьшение его ударной силы в 1942 году. Но советское наступление этой зимой своими стратегическими масштабами, тактической наукой, огромной массой прекрасно экипированных и обученных людей и превосходной техникой, которой оно располагает на линии, оставляет далеко позади операции последней зимы. Именно благодаря непревзойденному героизму защитников Воронежа, Кавказа и особенно Ленинграда и Сталинграда Красная Армия сегодня имеет возможность собрать эти замечательные плоды.

Как руководитель войны Гитлер полностью дискредитирован. В то же время 8-я британская армия возобновила свое продвижение в Триполитании; французская колонна генерала Леклера¹, продвигающаяся из Чада

¹ Леклер, Филипп (1902—1947) — французский генерал, командир бронетанковой дивизии, первой вступившей в Париж в августе 1944 года.

к Триполи, вошла в контакт с французскими войсками генерала Барре, героически сражающимися в Тунисе.

Мои соотечественники! 1943 год — год Освобождения. Гитлер будет вынужден все больше и больше черпать свои резервы в своих войсках, оккупирующих Францию. Его войска, истекающие кровью в СССР, испытывают острейшую и неотложную нужду в подкреплениях с Запада. Каждый удар, нанесенный по его транспортным средствам, складам, гарнизонам во Франции, приобретает в этой обстановке удесятеренное значение.

Немецкая «мораль» меркнет. В четверг вечером специальная передача германского радио, адресованная остаткам 220-тысячной армии, окруженной советскими бойцами под Сталинградом, предписывала им тоном злобным, грубым и повелительным умирать бесслесно, умирать без сетований, умирать, не пытаясь что-либо понять. Всякая надежда на победу оставила отвратительные знамена со свастикой. Обезумевшее правительство Виши пытается бороться с поражением с помощью лжи. Пусть же в самой гуще вашей борьбы и ваших страданий, мои соотечественники, дойдут до вас как воодушевляющий привет, как призыв к борьбе повсюду, всеми средствами против гитлеровских бандитов звуки грома русских побед, все более нарастающих от Ленинграда до Кавказа. Советский солдат спасает человечество.

Чем больше временно завоеванные народы будут носить ударов, тем скорее придет освобождение.

Ленинград деблокирован

23 января 1943 года

История не преминет изучить советские военные коммунике зимы 1942/43 года как самый блестящий пример советской военной стратегии, которую мир узнал еще раз. Каждый удар наносится вовремя, каждый из этих ударов больно бьет там, где надо, где враг ожидает его меньше всего, вынуждая его метаться, как отравленную крысу, со своими резервами по всей длине этого огромного фронта протяженностью 4000 километров.

Но ни одно из сообщений «В последний час» так не воодушевило советский народ, не вызвало такого восхищения общественного мнения всего мира, как сообщение... что Шлиссельбург взят русскими, что блокада Ле-

нинграда прорвана, что защищавшие город войска протянули руку войскам, прорвавшимся извне.

Шлиссельбург. Название этого города означает «замок». Шестнадцать месяцев немцы работали, чтобы закрыть доступ к «замку» и сделать его нерушимым. Они собрали здесь все мыслимые оборонительные средства, эффективность которых была доказана тремя с половиной годами войны. Шлиссельбург, как и Великие Луки в центральном секторе, составлял часть мощной системы фортификационных сооружений, спроектированных и построенных инженером Тодтом¹. Немцы считали их неприступными, превосходящими линию Мажино. Красная Армия овладела Шлиссельбургом и бетонированной зоной Шлиссельбурга за семь дней, как она овладела Великими Луками и бетонированной зоной Великих Лук за несколько боев.

Падение Шлиссельбурга продолжает сигнал, данный падением Великих Лук. Эти два события влекут за собой многие последствия. Гитлер бахвалился «неприступной крепостью Европой». Русские доказали, что для мужественного сердца нет ничего невозможного. Два главных ключа от пресловутой крепости в их руках, возьмут они и другие там и тогда, где и когда решит Советское Верховное Командование.

Но значение сообщения, опубликованного вечером в понедельник, не только в его тактической и стратегической важности. Деблокирован Ленинград! И этот факт доминирует над всеми другими. Второй город Советского Союза, город, где в октябре 1917 года выковался советский строй, где началось возрождение русской нации, где была основана братская федерация народов бывшей царской России, город Петра I и Ленина, город с тремя с половиной миллионами жителей, находился в кольце в течение шестнадцати месяцев. Более пятисот дней его население переживало крайние невзгоды, бомбардировки и неслыханные лишения, к которым добавились суровости ужасного климата. Семнадцать месяцев назад, 21 августа 1941 года, прусский генерал фон Лееб предписал «последний штурм» Ленинграда. 21 сентября 1941 года, шестнадцать месяцев назад, герман-

¹ Тодт, Фриц (1891—1942) — генерал гитлеровских инженерных войск, возглавлял строительство фортификационных сооружений на захваченной фашистами территории Франции и других стран.

ское радио объявило: «Этот большой город с его мощной военной промышленностью утратил способность к сопротивлению». Четырнадцать с половиной месяцев назад, 8 ноября 1941 года, Гитлер, разглагольствуя в мюнхенской пивной, вопил: «Наступление на Ленинград будет продолжаться столько времени, сколько будет необходимо, чтобы взять город. Если потребуется, я отдам приказ о полном разрушении города».

Крушение грез Гитлера о Ленинграде следует за крушением его грез о Москве, его грез о Волге, о Кавказе, о нефти. Оборона Ленинграда включает в себе урок для всех народов. В чем его суть? В том, что не только Ленинград был защищен, но Ленинград сам защитил себя. А как, какими средствами — об этом я расскажу вам в самое ближайшее время. И вы увидите живой образ того, что реально и на практике является национальной войной, войной единоклюпной. Когда народ, армия, правительство, фронт и тыл делают одно и то же и только одно — воюют, да так воюют, как это умеют делать народы, приемлющие жизнь лишь в счастье и свободе.

Ленинград защитил себя

27 января 1943 года

В прошлую субботу я говорил вам, что Ленинград не только был защищен,— Ленинград защитил себя. Это, как вы видите, мои соотечественники, является великим уроком, который мы, французы, и мы, парижане, можем извлечь из этого примера.

Возьмем для примера крупный Кировский завод, некогда известный как Путиловский, колоссально выросший при новом строе. Итак, Кировский завод дал народному ополчению целую дивизию. Многие погибли. Но в Красной Армии постоянно воюют части, большинство личного состава которых — ребята с Кировского... А завод делает танки, пушки, снаряды, блиндажи, пулеметы и mortиры.

...Следы разрушений везде. Стены и крыши в пробоинах, территория завода покрыта воронками от взрывов, стены испещрены выбоинами от снарядных осколков. А трубы завода дымят...

Мои соотечественники, вот герои, против которых презренные негодяи из Виши, будто бы представляющие

Францию, пытались послать французские батальоны! К счастью, французы поняли, на чьей стороне цивилизация, Франция, человечество. Дело Франции не на стороне варваров, которые грабят нашу страну и разрушают в России дом Толстого, но на стороне героев...

Интеллигенты Ленинграда работали, поставив винтовку рядом с собой. Как только раздавался сигнал воздушной тревоги, они поднимались на крыши для борьбы с зажигательными бомбами. Как только возобновлялся немецкий штурм, они тут же присоединялись к своим ротам народного ополчения. В этих условиях работали без отопления, без керосина, без электричества поэт Тихонов, писатель Вишневский, композитор Шостакович и сотни других. 90 000 детей, прежде чем стало возможным их эвакуировать, занимались школьными уроками в подвалах, и чернила замерзали в чернильницах.

8 ноября 1941 года в мюнхенской пивной Гитлер, этот кровавый ублюдок, вопил: «Ленинград должен поднять руки. Рано или поздно Ленинград падет. Ленинград должен подохнуть с голоду».

Ленинград ответил. Ленинград перенес голод, холод, бомбардировки — месяцы жестокой осады — и не поднял руки.

Мои соотечественники, рабочие завода Рено должны быть готовы сделать то, что сделали рабочие Кировского завода... То, что перенесли жители Ленинграда, чтобы остаться свободными, четыре с половиной миллиона жителей Парижского района должны быть готовы пережить и завтра перенесут, если понадобится... Потому что свобода завоевывается своими руками. Бессмертный пример Ленинграда да послужит напоминанием об этом.

Сталинградская победа

3 февраля 1943 года

...2 февраля 1943 года пришел бесславный конец одной из крупнейших германских армий, одной из самых оснащенных, ударной армии, чисто немецкой, чисто нацистской... Эта армия капитулировала в открытом поле с генералами во главе. Даже Фош в 1918 году не достиг подобного результата. В ходе двадцатитрехдневных боев, начиная с 10 января, русские войска захватили под Сталинградом и в самом Сталинграде 91 000 пленных,

в том числе одного фельдмаршала, 24 генерала и более 2500 офицеров.

6-я германская армия... насчитывала на этот момент (23 ноября 1942 года) 330 000 человек. 330 000? Это три пятых всех сил великой армии Наполеона при его вторжении в Россию в 1812 году! Сколько же времени понадобилось, чтобы мощная армия из 330 000 человек, полная высокомерия, вооруженная до зубов и снабженная всем необходимым в избытке, превратилась в жалкий сброд завшивевших существ, позеленевших, полуживых, еле волочащих ноги по снегу, без оружия, в лохмотьях, сдающих пачками, униженно поднимающих вверх посиневшие от холода руки над своими лохмотьями? 6-я германская армия Гитлера дает ответ на этот вопрос: семьдесят два дня достаточно для такого исхода. За шесть недель 235 000 человек погибли — погибли под русскими пулями, снарядами, штыками либо же умерли от голода, холода, дизентерии.

А еще так недавно... Геринг осмелился сказать: «Мы победили на Волге». И уж совсем на днях по случаю годовщины «Пакта Трех»¹ нагло заявил: «Скоро битва за Сталинград станет символом борьбы Европы за свободу». И вот целая армия Гитлера провалилась в небытие в ее чудовищных доспехах. Беспрецедентный разгром в истории Германии, беспрецедентный в истории войн! Гром этого краха разнесется по всему миру как знак катастрофы. Бельгийское правительство уже объявило об этом своему народу в весьма примечательном послании из Лондона. Оно напоминает, что 6-я армия — это та самая армия, которая 10 мая 1940 года нарушила нейтралитет и государственную границу Бельгии и предала Бельгию огню и мечу. 10 мая 1940 года, 2 февраля 1943 года. Эти две даты отмечают время, понадобившееся 6-й армии, чтобы пройти путь от преступления до наказания.

В походном дневнике немецкого ефрейтора 578-го пехотного полка, погибшего под Сталинградом в прошлом месяце, есть следующая фраза: «Что же я такого плохого сделал в жизни, чтобы быть так жестоко наказанным?» Что плохого сделал ты, глупый солдат Гитлера? А ты разве не помнишь ни Намюр в огне, ни

¹ Пакт Трех — имеется в виду так называемый «Антикоминтерновский пакт» Германии, Италии и Японии, заключенный между этими странами в 1940 году в Берлине.

Бовэ в огне, ни Амьен в огне, ни Тур в огне, ни Орлеан в огне, ни Жьен в огне? Убийца, а ты разве забыл заложников, падающих тысячами под пулями твоего пулемета? Все это, о бандит с большой дороги, тебе ничего не говорит,— Бельгия и Франция, поработанные в их плоти и духе, разграбленная Европа, ее жестоко притесняемые граждане, отчаянье, позор и смерть... Ты не помнишь ни французское масло, которым ты смазывал оси колес твоих повозок, ни молоко, украденное у французских детей, чтобы им откармливать свиней для твоей роты? Ни рек крови, которые ты пролил в Чехословакии, Польше, на Украине и в Белоруссии?

Мои соотечественники, Гитлер спешно собирает дивизии на Западе, чтобы бросить их в зияющие бреши, пробитые Красной Армией на Востоке. Насчитали 22 такие дивизии. Девять других в пути... Сбитые советскими летчиками немецкие самолеты еще две недели назад находились в Сицилии. И это не все! Другие части гитлеровской армии агонизируют, окруженные на запад и на юг от Воронежа, и также капитулируют с генералами во главе. 86 000 пленных здесь, 16 000 — там! Какие перспективы для французского народа открывает это разрежение, это утончение германской оккупации,— вот о чем мы не можем думать без того, чтобы не забились с надеждой сердце в нашей груди! Новости, которые поступают сюда из Франции и Бельгии, доказывают, что жизнь ослабленного и деморализованного боша становится все более трудной...

Нормандия — Неман

28 августа 1943 года

В прошлую среду, 25 августа, советские газеты опубликовали на первых страницах подписанный Калининским Указом Президиума Верховного Совета. Этим Указом утверждалось представление Советского Командования о награждении четырех пилотов эскадрильи «Нормандия» одним из высших советских военных орденов.

6 июля Указом Президиума Верховного Совета воздал должное персоналу эскадрильи «Нормандия», наградив пять летчиков...

Таким образом, за два месяца награждено девять летчиков одной эскадрильи... Воинской доблестью, традиционным качеством русских и большинства националь-

ностей Советского Союза, особенно проявившейся за два года и два месяца самой жестокой, самой ужасной из войн, известных истории человечества, советских людей нелегко удивить.

Бойцы из «Нормандии» сразу же оказались на высоте того, что французский и советский народы ожидали от них.

Мои соотечественники, не следует придавать чрезмерное значение этим отличиям. Советская власть и Красная Армия оказали доверие французской эскадрилье. Знамя Сражающейся Франции, французская униформа, трехцветная кокарда были приняты в рядах Красной Армии на полном равенстве морального и материально-обхождения с советским бойцом и даже, можно сказать, с ярко выраженным оттенком любви и уважения. Результатом этого сразу же стала взаимная дружба красной авиации и французской эскадрильи.

Эта тесная дружба завязалась в период подготовки. Наши летчики и механики приятно удивили советских людей быстротой, с которой они освоили особенности новых для них самолетов и моторов. Со своей стороны, французы были тронуты беспредельным гостеприимством, которое они нашли. Они были особенно растроганы,— ведь они прибыли сражаться,— безграничным доверием, которое передало в их руки лучшие, новейшие, самые скоростные и совершенные самолеты.

Люди из «Нормандии», все добровольцы на русском фронте, представляют здесь элиту. Я говорю «элиту» потому, что если они просили направить их сюда воевать, представляя всю ожесточенность битвы на этом фронте, то они... обрели здесь небо самых яростных сражений с врагом. Мои соотечественники, эти люди поистине олицетворяют самые высокие рыцарские традиции нации. Равным образом они выражают с самой чистой и глубокой силой убежденность всех французских патриотов в том, что без дружбы с советским народом судьба Франции остается в опасности.

Я имел честь видеть этих людей. Сорокалетний майор и девятнадцатилетний сержант воюют плечом к плечу. Они проявили равные качества в бою, как и вне его, одинаково приветливы, скромны, не теряют бодрость духа.

В своем активе они имеют много боев и побед на французском фронте в 1939 году и в 1940 году, а затем — в Ливии. Почти все они ценой наивысшего риска

бежали из той тюрьмы, которой ныне является Франция. Увы, из тех, кто выехал, не все добрались сюда! Не один из них попал в немецкие застенки. Былинный эпос звучал в их рассказах! А когда я спрашивал их о мотивах, приведших их сюда, они отвечали мне: «Ненависть к бошу. Ненависть к предателям. Желание сражаться. Желание мстить».

Мои соотечественники! Эскадрилья «Нормандия» так же, как франтиреры Франции¹, как солдаты Бир-Хакима и Туниса, преобразуют в четкие действия национальную волю к борьбе не только своим боевым присутствием на стороне советского союзника в русском небе, не только подвигами, которые отмечены этими наградами, но также яркими свидетельствами состояния духа и борьбы французского народа, которые они дают нам.

Мирный план Советского Союза

10 ноября 1943 года

О, эти призывы радио! Два года назад это было: «Граждане, воздушная тревога!» А в этом году, если радио возвышает голос, то жди победной реляции. О какой же победе объявило оно в прошлую субботу?

В момент сообщения я был на улице. Остановился, напряг слух... Это была самая волнующая, самая важная из всех побед! Освобожден Киев! Киев — одна из трех исторических столиц Руси, Киев — третий город Союза, Киев — один из предметов гордости и любви каждого советского человека, Киев, названный «матерью русских городов», Киев, являвшийся большим городом уже в те времена, когда Москва была еще деревней, Киев, где некогда началось освобождение славян, Киев — нынешняя столица славной Союзной Республики Украины, Киев, захват которого немцами стал моментом траура, тайной раной для каждого советского человека, Киев, являющийся для России тем, чем для Франции был бы Лион вместе с Тулузой. Кто не был свидетелем тех достоинства, суровости и одновременно нежности, с которыми эта долгожданная победа была воспринята московской толпой, никогда не узнает что-либо о силе русских. Через полчаса радостный гром салюта из трехсот

¹ Франтирер — солдат, не состоящий в рядах регулярной армии, партизан.

шестидесяти орудий прогремел над Москвой. А тремя часами позже взял слово маршал Сталин, что придавало еще большую торжественность этой победе, последовавшей за столькими другими.

Подведение итогов истекшего года маршалом Сталиным заняло лишь тридцать минут. Редко история предлагает нам получасовую речь более содержательную, более богатую реальностями, констатациями и предвидениями. Потому что цикл из этих двенадцати месяцев, минувших с предыдущего доклада 6 ноября 1942 года, включает Сталинград, битвы на Кавказе, под Воронежем, на Среднем Дону и Верхнем Дону, на Центральном и Северо-Западном фронтах, то есть великое отступление и великие немецкие поражения прошлой зимы. Потом июльское наступление Гитлера, тут же остановленное и раздавленное Красной Армией. Советское контрнаступление переросло в широкое наступление, в победы под Курском, Харьковом, Орлом, Брянском, Смоленском, Черниговом, в отвоевание горнопромышленного Донбасса, прорыв немецкой обороны на Миусе и у Мелитополя, захлопнувшуюся за германскими войсками Крымскую западню, историческое форсирование Днепра, этой гигантской реки, взятие, с одной стороны, Днепропетровска и Киева, с другой — теперешнее развертывание гигантской операции по охвату клещами.

Маршал Сталин показал, что с конца октября 1942 года до конца октября 1943 года, только за 12 месяцев, Гитлер потерял в СССР более 4 миллионов солдат и офицеров, в том числе 1 миллион 300 тысяч убитыми, более 14 000 самолетов, более 25 000 танков, более 40 000 орудий, свои лучшие кадры, миллион квадратных километров территории.

После Сталинградской битвы советские люди уничтожили 147 200 гитлеровцев... Только на поле битвы за Киев, усталом 15 000 немецких трупов, захвачено более 6000 пленных, разгромлены 9 пехотных дивизий, 2 танковые и одна моторизованная.

Решающий поворот в ходе войны! Сталин называет тех, кому следует воздать почести: бойцов, рабочих, колхозников, транспортников, интеллигенцию. Маршал Сталин перечисляет силы, сыгравшие свою роль в этом решающем повороте: Красную Армию, советскую индустрию, дружбу народов Союза, большевистскую партию, цементирующую силы сплоченности, защитницу свободы, вдохновителя национальной энергии; наконец, советский

строй, который сумел за 26 лет превратить страну в неприступную крепость и обеспечил Красной Армии самый прочный и самый надежный тыл.

Как раз год назад, 8 ноября 1942 года, германские войска высадились во Французской Африке. А через шесть месяцев на земле Африканского континента не осталось ни одного вражеского солдата. Гитлер, связанный по рукам и по ногам в СССР, смог противопоставить продвижению союзников лишь слабые контингенты; рушится муссолиниевский режим — Италия разрывает свой естественный альянс с гитлеровской Германией; фашистский блок начал разваливаться. Тем временем взаимоотношения между союзниками, их боевое содружество всемерно консолидировались, как об этом свидетельствуют исторические решения Московской конференции, опубликованные 1 ноября 1943 года¹. Если же к этому добавить совокупную картину ощутимого ослабления мощи врага воздушными бомбардировками промышленных центров Германии, то впечатляющая картина военного положения, карта мира в эти ноябрьские дни 1943 года приобретают свой законченный вид.

...Мои соотечественники! 11 ноября 1942 года² могло стать самым черным из всех черных дней. 11 ноября 1943 года взошла заря победы. Сталин сказал: «Дело германского фашизма проиграно... Гитлеровская Германия и ее вассалы находятся накануне своего краха». И среди ближайших военных целей Советского Союза... ответственный руководитель СССР назвал в первую очередь освобождение народов Европы, помощь европейским народам в восстановлении их национальных государств, их независимости, их жизненных прав и полной свободы организации государств на свой лад, примерное наказание фашистских преступников, — «в какой бы стране они ни укрылись», — создание такого европей-

¹ Речь идет о состоявшемся 19—30 октября 1943 года в Москве Совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, рассмотревшем вопрос о мерах, которые должны были быть приняты для сокращения сроков войны, и принявшем наряду с другими документами «Декларацию четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности» (ее подписал также представитель Китая). Совещание опубликовало подписанную И. В. Сталиным, Ф.-Д. Рузвельтом и У. Черчиллем «Декларацию об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства».

² В этот день в связи с высадкой англо-американских войск в Северной Африке гитлеровцы оккупировали всю территорию Франции.

ского порядка, который бы исключал всякую возможность агрессии со стороны Германии, наконец, установление между народами Европы устойчивого экономического и духовного сотрудничества, основанного на доверии и взаимной помощи.

Мои соотечественники! Сражаясь за Киев, русский солдат сражался также за Париж. Слова Сталина делают эту мысль более истинной, чем когда-либо. И взаимно: каждый удар, нанесенный во Франции германским войскам нашими франтирерами-партизанами, облегчает задачи красного солдата — приближаются освобождение Франции и зоря мира в Европе.

Орудийные салюты непрерывно гремят над Москвой

2 февраля 1944 года

Вот уже два месяца с лишним как я по состоянию здоровья не появлялся перед микрофоном. Между тем пришел Новый год с кортежем раздумий о событиях двенадцати истекших месяцев.

Каким представал мир перед нами в начале 1943 года? Враг, разбитый на Советском Кавказе, разбитый на Волге, в верховьях Дона, разбитый в центральном секторе фронта, уступал и отступал повсюду, за исключением одного пункта — Сталинграда, где 6-я германская армия, не имея путей к отступлению, была предана уничтожению на месте.

Где же мы обнаруживаем армии через двенадцать месяцев? Поле битвы переместилось от подступов к Каспийскому морю к западному побережью Днепра. Территория, оставленная германской армией, равна расстоянию от Кенигсберга до Гавра... — это почти площадь всей Германии.

Однако размеры поражения немцев в ходе двенадцати месяцев 1943 года не измеряются только длиной пути отступления, который гитлеровские войска вынуждены были пройти под натиском Красной Армии. Масштабы этого поражения измеряются немецкими потерями в людях и в технике, потерях чудовищных, невосполнимых. Масштаб немецкого поражения измеряется падением престижа и морального духа гитлеровской армии.

Итак, в ходе всего 1943 года советская стратегия пол-

ностью подавляла и переигрывала германскую стратегию, а моральный уровень бойца Красной Армии все более превосходил моральный уровень немецкого солдата. Наконец, страдающий от недоедания немец вынужден был оставить, стеною, хлеба Кубани и русской степи, нефть Кавказа, уголь и антрациты Донбасса, масло и сахар Украины.

Отступавшие на широком фронте немцы связывали свои надежды с Днепром. Они рассчитывали выиграть время, отсидеться за этим гигантским рвом, отдышаться, окрепнуть и пережить зиму. Преследуя врага, Красная Армия форсировала реку на десяти участках. Весь мир затаил дыхание. Это был подвиг из тех, которые кажутся превыше человеческих сил и открывают самые дерзновенные перспективы. В будущем... станет банальным и будет использоваться автоматически выражение «героизм бойца Красной Армии». После Сталинградской битвы никакая военная операция не сможет сравниться с действиями советских войск, неудержимо устремившихся через ледяную пучину Днепра, реки широкой, как Жиронда, бурной, как Рона, коварной, как Луара.

Ошарашенные, немцы снова отступили... Пришедший в бешенство Гитлер приказывает вернуть Киев любой ценой. Операция, проведенная с использованием огромной массы войск, проваливается. Только она одна, продолжавшаяся в ноябре и декабре 1943 года 20 дней, обошлась германской армии в 100 000 убитых. Салют победы непрерывно гремит над Москвой.

Только после 1 января этого года он был дан в ознаменование взятия: 1) Житомира, 2) Новоград-Волинска, 3) Белой Церкви, 4) Бердичева, 5) Кировограда.

За два года немцы создали на Украине множество фортификационных сооружений. 10 января было объявлено о ликвидации немецких частей, попавших в окружение к северу от Кировограда. 12 января прогремели пушки в честь освобождения Сарн в Западной Украине и начала нового наступления к северу от Невеля. 14 января — салют освободителям Мозыря и Калинковичей, района Припяти. 16 января рассечена немецкая рокада на Северо-Западном фронте, к северу от Новосokolьников. 18 января развернулось тройное советское наступление к западу и к югу от Ленинграда и на Новгород. 19-го — салют по случаю взятия Красного Села и Петергофа в секторе Ленинграда. 20-го — салют в честь освобождения Новгорода, древнего исторического города на

озере Ильмень. 21 января — освобождение важного железнодорожного узла Мга, к юго-востоку от Ленинграда. 24-го орудия салютуют освобождению двух городов — Павловска и Пушкина (бывшее Царское Село) к югу от Ленинграда. 26-го — освобождению Гатчины на линии Ленинград — Нарва, 28-го — Тосно, Любани на линии Ленинград — Москва. Взятие 29 января Чудова завершает полное освобождение этой железной дороги, магистральной артерии системы железнодорожных коммуникаций России. В тот же день салют в Москве восславил освобождение Новосокольников, в 360 километрах к югу от Ленинграда, а 1 февраля — Кингисеппа, на границе Эстонской Советской Республики.

Успехи в западной и южной зонах Ленинграда развивались с неудержимым размахом. Ошеломленный враг, получающий удары со всех сторон, выбитый из долговременных укреплений, в которых он зарывался, окапывался, бетонировался два года, бросает свою тяжелую технику, артиллерию, склады, спешно отступает по болотам и лесам; его колонны, значительные гарнизоны то и дело оказываются внезапно окруженными советскими войсками. Огромные трофеи достаются Красной Армии, в частности вся осадная техника, сосредоточенная немцами для уничтожения Ленинграда. От Ленинграда колонны советских войск стремительно продвигаются к западу, юго-западу, югу; в 150 километрах отсюда к югу, в секторе озера Ильмень, по выходе из Новгорода, недавно освобожденного, другие колонны быстро прогрессируют в западном направлении.

Таким образом, освобожденный Ленинград сделался для германских армий группы «Север» местом катастрофического поражения.

Тем временем в 1600 километрах отсюда к югу разыгрывается другая партия первостепенной важности, и Красная Армия выигрывает ее.

В конце декабря немецкий фельдмаршал фон Манштейн, разбитый под Котельниковом в 1942 году, под Киевом и Житомиром — в 1943 году, рванул навстречу советским войскам, продвигающимся к югу Украины, в направлении железной дороги от Варшавы на Одессу. Здесь развернулись ожесточенные бои. Но вот позавчера, в четверг, гром 224 орудий озарил и потряс небо Москвы. Эти залпы возвестили новую победу. Армии 1-го и 2-го Украинских фронтов, продвигающихся навстречу друг другу, — один на юго-восток, а другой —

на северо-запад — смелым маневром, осуществленным с классической точностью, прорвали взятые в клещи оборонительные позиции врага и зажали между собой и Днестром 10 немецких дивизий, которых Германия больше не увидит. Взяты 300 населенных пунктов, германские армии юга основательно потрясены...

Вот, мои соотечественники, на каком *счете очков*, как говорят спортсмены, открывается этот февраль военной зимы в СССР, пятой по счету зимы второй мировой войны.

Французы видят, как непрерывной вереницей их тюремщики отбывают на Восток, где они скоро устелят своими трупами русскую землю. Орудийная канонада, гремющая от Балтики до Черного моря, электризует французов.

Освобождение Парижа остается делом самих французов, но красный боец, освобождающий Украину и Ленинград, работает также и для освобождения Парижа. Это французы чувствуют, знают, а французская кровь, текущая из тысяч ран, соединяется с русской кровью, столь великодушно проливаемой, чтобы скрепить дружбу двух народов, залог их независимости, дружбу, которую более ничто не должно разорвать.

* * *

Начало февраля 1944 года

«Отступление из России» Гитлера становится во много крат более катастрофическим для Германии, чем некогда явилось для Франции знаменитое и кошмарное «отступление из России» Наполеона. Между тем многомиллионная армия, вооруженная автоматическим оружием, скорострельной артиллерией, прикрытая с воздуха авиацией, снабжаемая по железным и автомобильным дорогам, опирающаяся на мощную военную промышленность, имеющая за собой собственную страну и огромные человеческие ресурсы, — такая армия имеет намного больше возможности, чем экспедиционные войска, какими являлась армия Наполеона, которая не получала со своих отдаленных баз ни снабжения, ни подкреплений, была быстро отрезана от своих коммуникаций, и 500 000 солдат которой затерялись посреди русского пространства, этого страшного пожирателя людей.

За сто тридцать лет, отделяющие Сталинград от Боролина, промышленная, военная и политическая техника получила неизмеримо большее развитие, чем это было во времена Наполеона. Судите сами: только одна 6-я гитлеровская армия, уничтоженная под Сталинградом, имела в своем составе более половины состава всей «Великой армии» в 1812 году. Но 6-я армия Гитлера была лишь одной из восемнадцати или двадцати армий, брошенных им на Восточный фронт.

Если учитывать лишь линейную численность, то «Великая армия» Наполеона равна только 35 современным дивизиям. Однако по своей мобильности, огневой мощи, по способности восстановления сил дивизия образца 1942 года является бесконечно более крупной боевой силой, нежели дивизия времен 1812 года.

Кроме того, Гитлер располагал и все еще располагает промышленностью и ресурсами всей Европы. СССР же оказался перед необходимостью противостоять ему, располагая промышленностью, частично дезорганизованной вторжением, тогда как огромные расстояния и трудности коммуникаций делали шаткими надежды на помощь союзников в снабжении.

Разгром и изгнание за двенадцать месяцев на расстоянии более 1500 километров— от Волги до Днепра — сотен немецких дивизий, хорошо снабжаемых и обеспечиваемых резервами, стали для Красной Армии, для стратегии, для индустрии, для советского народа беспримерным подвигом. Измеряемое масштабом огромных масс и технических возможностей, отступление Гитлера из России является намного более катастрофическим и поспешным, чем отступление из России Наполеона.

С 22 июня 1941 года Гитлер потерял в России *только убитыми* более чем в десять раз больше численности всех войск, с которыми Наполеон в 1812 году пересек границы России.

И это продолжается! Лишь поражение Гитлера под Киевом... стоило ему 100 000 убитых за 20 дней. 40 000 немцев уничтожены за несколько дней под Ленинградом и Новгородом. Добавим к этому цифры раненых и пленных. Таким образом, только в трех секторах огромного фронта и лишь в трех битвах гитлеровские армии теряют живую силу, равную половине «Великой армии» Наполеона.

Я видел их

19 июля 1944 года

Я только что видел их, 57 600! Остатки немецких армий группы «Центр». Пленены под Витебском, Бобруйском, Минском. Уцелевшие звери, попавшие в разные западни, которые Красная Армия расставляла для них в течение двадцати дней и которых оказалось достаточно, чтобы донести советские знамена от восточного берега реки Сож до западного берега Немана.

Они проходили по Москве нескончаемыми колоннами — 57 600 немецких военнопленных, захваченных в последних сражениях. С 19-ю генералами во главе. Офицеров же такое количество, что из них можно было бы сформировать целый полк.

Как и все москвичи, я смотрел на них. Очень многолюдно на тротуарах. Усилители просят толпу сохранять спокойствие. Напрасные хлопоты. Иностранцы поражаются достоинством, выдержкой толпы. А ведь какой другой народ столько вынес от зверств немцев? Рядом со мной стоят женщины, пережившие оккупацию. Они рассказывают о педантизме зверств, изощренной и беспредельной жестокости оккупантов. Глаза русских не созданы для ненависти. И все же глаза этих женщин сверкали; в них была та глубочайшая, всепоглощающая ненависть, которая передается будущим поколениям вместе с молоком матерей.

Русские — человеческий народ. Перед лицом поверженного врага они смирjali свой гнев. Лица скорее выражали вопрос, чем возмущение. В самом деле. Неужели это однообразное шествие оборванцев и есть та армия, которая претендует на завоевание всего мира? Неужели этот парад завшивевших нищих и есть раса, заявлявшая о своем врожденном праве владычествовать над планетой?

Летом в хорошую погоду русские надевают белые рубашки и платья светлых тонов. И вот землистая, грязно-серая река побежденных текла между двумя человеческими берегами, как будто сделанными из цветов, и где гул приглушенных голосов... напоминал шум летнего ветра.

Лишь один-единственный раз эти миллионы людей вышли из состояния презрительного разглядывания. Этот момент настолько характерно советский, что его нельзя не отметить. Вслед за последним рядом колонны

появились мощные поливочные машины... которые обрушили на асфальт поток дезинфицирующей жидкости. Это вызвало у русских взрыв смеха. Во вспышке смеха гиганта есть нечто страшное...

В нескольких шагах от меня стоял немецкий поэт Эрих Вайнерт, председатель комитета «Свободная Германия», народный бард, который уже много лет и, увы, безрезультатно призывает свой народ к восстанию. А еще несколькими шагами дальше — новый итальянский министр в Москве¹ задумчиво рассматривал нескончаемое шествие этих побежденных, его вчерашних союзников, этих немцев, которые ввергли его страну в бездну такой пропасти.

Внезапно масса этих пленных, понуро шагавшая в угрюмом молчании, встрепенулась, как от удара током. По ее рядам прошло бормотание, и все повернули головы в сторону автомобиля, медленно приближавшегося к их колонне. В машине находился дивизионный генерал Эрнест Пети, глава французской военной миссии, в окружении некоторых из своих офицеров. «Французский генерал!» — бормотали боши. Их изумление было объяснимо. К стольким поводам для размышлений, которые дала им Москва, нетронутая и монументальная, которую им столько раз изображали уничтоженной бомбардировками люфтваффе, неожиданно добавился дополнительный сюрприз. Этот французский генерал представал перед ними как призрак возрождающейся Франции, той Франции, которую они считали раздавленной навсегда...

Я, видевший, как немцы врываются в наши города и располагаются в них, снова вызвал в памяти это зрелище.

Присутствовавший при преступлении, я вкушал наказание. Я жадно смотрел на этих людей, которые столько лет приветствовали либо терпели Гитлера и его банду до той точки страдания, когда немецкий народ смешивают с тем, что когда-либо было самого низкого в мире, — с нацизмом. Это люди, большинство которых опустилось до того, что видело будущее своей нации лишь в порабощении и уничтожении других народов, это люди, многие из которых без сомнения дефилировали гусиным шагом по Парижу, мечтали о разруше-

¹ Ж.-Р. Блок имеет в виду Пьетро Кварони, прибывшего в Москву в соответствии с установлением с 11 марта 1944 года прямых дипломатических отношений между СССР и Италией.

нии моей Родины или, по крайней мере, молчаливо согласились с этим. Это люди, которые своими руками или руками себе подобных сожгли дотла часть Европы и доказывают, что аналогичную участь сегодня готовят Франции. Это люди народа, который понимает лесонасаждение лишь в виде установки виселиц, позволившие превратить себя в армию палачей. Я смотрел на этих палачей с голубыми глазами.

О, мои друзья! Эти немцы, плененные в ходе недавних боев, проходившие по Москве десятками тысяч, являли собой зрелище волнующее, внушительное! Вместе с величественным молчанием, окружавшим его, оно оставляло наглядное впечатление одного из величайших поворотов судьбы, след которого сохранит история...

Когда побежденного и обезоруженного врага вот так же поведут по Парижу, мы также будем смотреть на него молча, с презрением, с достоинством, как если бы мы присутствовали при дефиле наших собственных побежденных ошибок, наших преодоленных слабостей, наших заблуждений, искупленных борьбой, жертвами, храбростью. Добытое именно такой ценой, и только такой, это зрелище будет достойно великого народа, мужественного и гордого...

МОСКВА — ПАРИЖ

Сорок два месяца мы делили героическую и напряженную жизнь великого народа. Я был свидетелем возрождения заводов на новых местах, возникновения и разрастания народных армий, я радовался богатому урожаю 1942 года, я наблюдал победы Красной Армии, промышленности, сельского хозяйства.

И вот теперь я уезжаю. Я возвращаюсь на родину, которую освободили герои-солдаты, сражавшиеся под Сталинградом, Орлом и Севастополем, и вы, рабочие парни из отрядов Сопротивления!

Бойцы Волги и Днепра, партизаны Дордони, в ту минуту, когда мне дана возможность направить путь к родной стране, я не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность. Ваши подвиги останутся навсегда в сердце каждого свободного человека.

Море облаков, все сквозное, как изъеденный молью ковер; там, внизу, в разрывах клубящегося тумана про-

плывают черные островки земли. Наконец последние облака рассеиваются: вот она, розовая от солнца степь; впрочем, видна только покрывающая ее тугая броня снегов. Что это за темные змеящиеся линии? И что означает этот пунктир теней? Эти линии — следы окопов; эти тени отбрасываются нашим самолетом. Мы проходим над местностью, где разыгралось величайшее из вооруженных столкновений всех времен. И вдруг поле битвы становится видным, все целиком. Вот эта широкая дорога, ясная, льдистая, неподвижная, извилистая, — Дон. Вот место, где Красная Армия форсировала переправу. Южный берег, на который велось наступление, высокий, крутой, еще весь испещрен укреплениями. На снегу темнеют бесчисленные глубокие ямы: это воронки, резко очерченные в свете солнца.

Но летчик сбавляет скорость. Тяжелый самолет вздрагивает. Одно крыло быстро опускается, другое поднимается ввысь. Дон исчезает, на его месте появляется Волга, потом она исчезает в свою очередь, и вновь возникает Дон. Мы снижаемся, и детали проступают все отчетливее. Вот целая гора разбитых грузовиков и пушек. Другая гора — кладбище продырявленных «юнкеров». Неподалеку от них мы приземляемся. Небольшое, возведенное на скорую руку здание временно заменяет вокзал. Ветер полощет на крыше государственный флаг — алое полотнище, серп и молот. Веселое солнце сверкает и поет...

Пока самолет заправляется, мы бежим к буфету отогреться. Под ногами гнутся ледяные плиты и лопаются с кристаллическим звоном. Термометр показывает тридцать пять градусов ниже нуля. Я забираюсь в теплые сени и гляжу во все глаза. Ровная, однообразная степь тянется во все стороны. Легкая всхолмленность земли скрывает от нас город. Железнодорожный путь огибает аэродром, и пышущие жаром паровозы проезжают по ветке, усердно дымя и оживляя зимний пейзаж. Именно здесь Красная Армия постепенно охватывала кольцо, теснила, сдавливала, брала за горло дивизии фельдмаршала фон Паулюса. Здесь началась их агония. Именно здесь металась, волна за волной, огромные транспортные «юнкеры»: одни безуспешно пытались приземлиться, другие столь же безуспешно пытались подняться в воздух.

Вопреки всему жизнь вступает в свои права. Вокзал полон смеющимися румяными колхозницами. Они продают яйца, мед, подсолнухи. Они словно пришли на гулянку, повеселиться и посмеяться между собой.

Мы трогаемся в путь. Держа курс к югу, самолет удаляется. И снова поле исторического сражения. Вот место, где Красная Армия форсировала Волгу: южный рычаг клещей. Я перехожу от окна к окну, я вновь вижу Дон и вдали — Калач, к которому устремились красные танки с севера и с востока и где они соединились, решив судьбу шестой армии Гитлера. Волга делает поворот и течет к юго-востоку. Дон уходит на запад.

Через четверть часа мы летим над Котельниковом, где армия фон Манштейна, посланная на выручку Паулюсу, была смята с ходу, раздавлена и разгромлена Красной Армией. Здесь снова кладбища железного лома свидетельствуют о силе гигантского удара.

Путешественника, прибывающего из СССР, больше всего поражает зрелище «ярмарки на площади» — всепоглощающего торга. Картина, совершенно забытая мной за три с половиной года!

...Наконец мрак поредел, мы пролетели над Фонтенбло... Затем четкая, словно вырезанная ножом, линия виадука. Это Мелен... А там — Париж...

Париж!

Мы огибаем его широко раскинувшиеся предместья. Мелькают железнодорожные пути, каналы, дороги, заводы, сортировочные вокзалы.

Погода становится хуже. Идет дождь. Наш самолет с трудом пробивается среди десятков машин, идущих на снижение. Километры иссохшей земли и обледенелых полей проходят под нашими крыльями. Наконец вот он, утонувший в хаосе машин всех конструкций и наполовину разрушенный, Бурже!

...Здесь в 1938 году в погожие летние вечера мы ели мороженое, любуясь, как на безупречную гладь цементных дорожек спускаются воздушные корабли, прибывающие со всех концов света. Мирные вечера, дружеские встречи... Они в будущем. А сегодня все здесь дышит холодом и разрухой. Падает снег. Я иду по ледяным лужам.

Ну что же, пусть так! Пусть вокруг нищета и развалины — это моя родина, моя Франция, моя любовь.

И Париж, куда я вернулся снова, — разве это не Париж восстания, поднятого патриотами, не Париж баррикад, видевший славные навеки дни Сопrotивления?

Путешественник у зеркала, не всматривайся в свои морщины, в седину у висков! Ты слышишь, как стучит твое сердце: сильными ровными ударами. И воля твоя тверда, как в дни самой пылкой юности. Нет, возраст определяется не только биением артерий! Пусть тебя не гипнотизирует былое — гляди в грядущее. Оно велико, оно открыто; оно будет таким, каким ты его сделаешь. За работу же! И не покладая рук!

9 февраля 1945 года

Мартина МОНО

Моно, Мартина (р. в 1921 г.) — французская писательница и литературный критик. Член ФКП. Неоднократно бывала в нашей стране. В 1973 году в Париже была издана книга Мартини Моно «Кое-что из того, что я знаю о Советском Союзе и социализме». Особое место в творчестве писательницы занимает роман о боевом братстве французских и советских летчиков — «Нормандия — Неман», отрывки из которого печатаются по тексту: Моно Мартина. Нормандия — Неман. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.

НОРМАНДИЯ — НЕМАН¹

(Отрывки из романа)

II

Тегеранский аэродром зажат в кольце гор. Смотря по времени дня, они то розовые, то фиолетовые, то голубые. Тегеран — сердце Ирана. За стенами слышится журчанье воды. Узкие смешные улочки, точно клешни краба, вливаются в городские артерии. Тегеран — это город-краб. Ты делаешь шаг вперед, а он словно пятится назад. Никогда сразу не сообразишь, в какой эпохе ты очутился: будущее и прошлое смешиваются здесь настолько неуловимо, что о настоящем просто забываешь.

В конце 1942 года Тегеран был пунктом сбора эскадрильи...

Из тех, кто решил «начать сначала», некоторым удалось вырваться с африканского берега. Здесь, в этой граничащей со сражающимся Советским Союзом нейтральной стране, они ждали решения своей судьбы. Это ожидание подчас было даже приятным. Отважные молодые люди, которые готовились идти на смерть, пользовались большим успехом. Разумеется, у женщин. А также у менее молодых мужчин, решивших ни в коем случае не рисковать жизнью.

Во французской колонии Тегерана танцевали и в этот вечер. Вилла хозяина была чудесна: сад, террасы — все, что необходимо для современной тысячи и одной ночи, — и в придачу шезлонги у самой глади моря. Гости танце-

¹ Роман представляет собой художественное изложение действительных событий. Все в нем абсолютно достоверно и вместе с тем полностью вымышлено. (Примечание автора.)

вали, пили, флиртовали — война была где-то на другой планете. И ощущение потерянности было здесь совсем иным, чем там, на алжирском пляже. Здесь были женщины, много женщин. Большею частью красивые, но — Вильмон не мог сказать почему — они вызывали у него мысль о насекомых. Миниатюрные, затянутые в талии, шуршащие платьями, эфемерные, готовые на любую вольность. «К счастью,— размышлял он с некоторым удовлетворением,— летчики не певчие из церковного хора! Даже очень юный Перье, который не вылезает из шезлонга!» Элегантный Буасси, тоже маркиз, рассказывал одной вешавшейся ему на шею даме (настоящий вьюнок — я обовью тебя, и ты сдашься!), как по пути из Лондона в Гибралтар он допустил пустячную ошибку в ориентировке и угодил к франкистам. А итог? Три месяца тюрьмы.

— Вы бросили Лондон!— вздохнул вьюнок.— Как интересно! И поедете к этим русским, у которых ничего, ничего нет!

— У них достаточно самолетов,— сказал Буасси.

— О да, возможно.

Вильмон про себя улыбнулся. Колен, малыш Колен, тоже прибыл из Лондона... Он увидел его в буфете, оживленно беседующим с очень толстым, очень официальным и очень потным господином — сухое шампанское и мокрый Превосходительство.

— Я восхищен вами,— говорил Превосходительство.— Поверьте, я восхищаюсь вами. Но почему вы едете к русским?

Колен был с ним учтив — такой благовоспитанный, такой милый юноша из хорошей семьи.

— Ваше превосходительство, когда я приехал в Лондон, чтобы сражаться, англичане для начала попросили меня изучить английский язык...— Он смущенно улыбнулся и сделал очаровательную гримасу.— Русские не заставят меня изучать русский язык. Они дадут мне истребитель.

Вильмон был потрясен дипломатическим хладнокровием: Превосходительство и бровью не повел. Но чувствовалось, что почва под его ногами колеблется...

Проклятое сухое шампанское, музыка, изящные руки с холеными ногтями, покорно лежащие на плечах мужчин, слуги с подносами, склоняющиеся перед вами, запахнутые окна и небо без зениток, а перед глазами, перед мысленным взором шаги советских часовых вдоль

границы, опустошенные деревни, таинственная страна, где его ожидает *его* самолет... Вильмон ждал, страстно ждал, когда увидит эту страну, ждал, когда возьмет в руки штурвал этого самолета, хотел, чтобы завтра наступило уже сегодня.

— Вильмон!— раздался голос.

Он вскочил и обернулся. На него радостно глядел тот же самый черный парень.

— Кастор!— воскликнул в восторге Вильмон.

Кастор, переводчик. Тот самый, что выучил русский язык и при этом не забыл французского! Тот, кто совался всюду, даже туда, где в нем не нуждались.

— Кастор, старина, выпьем?

— Я уже столько выпил,— ответил Кастор,— и выпил бы еще больше, если бы пил с каждым, кто пригласил меня за последние полчаса. Потому что у меня, старик, есть новость, и притом важная.

— Мы едем?

— Кажется. Прибыл майор.

Они собрались в одной из комнат той самой виллы, где танцевали ночью. Каким-то чудесным образом эта маленькая гостиная не подверглась разорению: тут не стояли забытые бокалы, переполненные пепельницы, подушки на диванах не были смяты. Собрались Бенуа, Вильмон, Шардон, Дююи, Буасси, Леметр, Колен и другие— все, кому надо было внушить, что эскадрилья должна стать сплоченной, что она должна стать орудием, страшным, грозным орудием, способным разить врага.

Был тут и Кастор... Наконец, тут был человек, которого никто из них раньше никогда не видел. Невысокий блондин, тоже молодой, со странным, словно высеченным из камня, лицом — майор Марселен, их командир.

...Сейчас они познакомились — прибывшие из Алжира с приехавшими из Лондона. Завязался разговор. Вот они: курсант Пикар — бежал из Туниса, сражался в Ливии; лейтенант Казаль — бежал из Джибути, сражался в Эритрее; капитан де Лирон — бежал с Мадагаскара, сражался в Сирии; курсант Виньелет — бежал из оккупированной Франции, сражался в Лондоне; лейтенант Симоне — бежал из Марокко, сражался в Эфиопии; курсант Леви — бежал из Сирии, сражался в Египте; и Мюллер, прибывший с Мальты, где он служил в Королевских воздушных силах.

Марселен внимательно оглядел каждого, пересчитал всех...

— Я хочу сказать вам две вещи. Первая, не очень веселая: если вам случится живыми попасть в руки гитлеровцев, они будут считать вас партизанами. Это значит: расстрел на месте... Это значит также, что ваши родственники во Франции могут подвергнуться репрессиям. Если кто-нибудь хочет еще раз все обдумать, прошу сказать. Еще не поздно. Второе вам, вероятно, понравится: мы отправляемся завтра, в семь часов утра. Русские власти вручат нам паспорта с визами.

Вильмон чуть повернул голову, чтобы взглянуть на товарищей. Четырнадцать лиц широко улыбались. «Мое,— подумал он,— пятнадцатое».

III

...На земле жгли костры. Небо так затянуло, что самолета не было видно — только слышался шум мотора. Никто не помнил такого урагана, как в этот день.

Пассажиры почувствовали, как самолет чуть приподнялся: это опустились закрылки. Моторы умолкли, и впереди вдруг оказалась посадочная полоса; несколько едва заметных толчков — и из пятнадцати грудей вырвался долгий вздох облегчения. На стенах кабины осел пар.

Самолет приземлился... Он двигался по полоске земли, обозначенной кострами. «Россия,— думал Буасси,— это прежде всего кольцо огня...» «Россия,— думал Бенуа,— это место, где легко сломать шею...» «Россия,— думал Вильмон,— как-то будет с самолетами?..» «Россия,— думал доктор,— придется пошевелиться...» «Россия,— думал Марселен,— здесь по-настоящему начинается история эскадрильи...»

...Бенуа разглядывал Россию. В данный момент она была лишь освещенным окном в конце дорожки и ледяным полем по бокам. В голове колонны Кастор что-то переводил. Можно было различить его довольно высокий голос и время от времени смех. «Странно,— подумал Бенуа,— едва начнешь говорить с незнакомыми людьми, как уже разрешается вместе смеяться». «Я нахожусь на шестом континенте,— думал Буасси. Ему было холодно, и он хотел есть.— За тем окном, возможно, найдется очаг и теплое питье». Шардон, дрожа, вспоминал Африку, но ни о чем не жалел.

Помещение, в которое их привели, походило на временную столовую. В центре — огромная печь, в которой старательно поворачивал поленя пожилой усатый солдат. На столе, сколоченном из досок, выстроились в ряд стаканы в металлических подстаканниках, лежал хлеб, банки с американскими консервами и кусковой сахар.

Позади стояла повязанная платком старушка. Она была полная — щеки как яблоки, — с морщинками вокруг глаз — видно, любила посмеяться. Но сейчас глаза ее были омрачены заботой.

— Бедняги, да как же они перемерзли!.. Кто же это их так вырядил? Кто же это додумался?

Она строго покачала головой, словно хотела добавить: «Ну и народ!.. Если бы не мы...»

— Это французы, мамаша, это французская форма, — вмешался со смехом советский летчик.

— Французы? — повторила она, не понимая.

— Да, французы, они приехали, чтобы вместе с нами бить фрицев.

— Бедняги, — пробормотала женщина. — И нечего им предложить...

Она захлопотала, стала наливать в стаканы горячий чай, раскладывать сахар и бутерброды — черный хлеб с мясными консервами. Снег на полу таял, образуя лужицы. Летчики, собравшиеся около печки, хлопали друг друга по спине, отряхивая с одежды снег. Женщина, ни на минуту не прекращая своего занятия, оглядывала их, одного за другим. Французы! Вот так история! Она не удержалась и немножко увеличила порции сахара.

Перье поставил пустой стакан на стол. Она окликнула по-русски этого паренька с совсем еще детскими губами и щеками, — небось и бредется не каждый день.

— Налить тебе чаю, сынок?

— Кастор! Что она говорит? — в полной растерянности спросил Перье. — Куда делся этот Кастор?

— Наверно, он у начальства, — слышался чей-то голос. — Лопает икру и запивает водкой!

Кастор и в самом деле был у начальства, что же касается водки и икры...

На столе был тот же чай, немного сахару, черный хлеб. И, разумеется, консервы. Кастор, сидя между майором Марселеном и двумя принявшими их русскими офицерами, старательно исполнял обязанности переводчика.

— Командир просит извинить,— объяснил он Марселену,— что нет кроватей. Придется спать на полу. Но печь будут топить всю ночь.

Советский командир добавил что-то еще, засмеялся и похлопал рукой по консервной банке.

— Он также просит извинить за второй фронт,— перевел Кастор.

— Второй фронт?— переспросил Марселен.

— Да,— подтвердил Кастор.— Американцы обещали высадиться, а сами лишь шлют тушенку. Вот эти консервы здесь пока и называются вторым фронтом.

Марселен тоже засмеялся. Разговор через посредника всегда немного утомляет, но Марселен был не из торопливых. За стеной, в соседней комнате, чуть слышно раздавались голоса. Марселен чувствовал спокойную доброжелательность обоих русских. Телефон и приемник, стоявшие в углу, висевшие на стенах большие карты, испещренные флажками, соответствовали этой спокойной атмосфере. Марселен в своей жизни руководствовался одной очень ясной и очень простой идеей: нужно бить немцев. Ничто, кроме этой истины, не имело для него никакого значения; она поддерживала в изнурительном марше по индокитайским джунглям, она управляла всеми его поступками, владела всеми мыслями, она привела его сюда. Теперь он говорил себе, что поступил правильно, что он пришел именно туда, куда следует. Сквозь пар, поднимавшийся от чая, сквозь дым от странных русских сигарет (до половины — табак, дальше мундштук) он изучал комнату, находя ее вполне удобной. Здесь собирались офицеры, здесь же работала связь, и, что самое главное, здесь кипела жизнь. В этой комнате жили и работали, и каждый предмет в ней имел свой смысл и свое назначение.

Он подошел к карте и проследил линию фронта. Флажок с серпом и молотом, вколотый в кружочек на берегу Волги, был в два раза больше остальных.

— Кастор,— произнес Марселен,— турецкое радио объявило, что Сталинград пал. Спросите у них, верно ли это?

Кастор перевел. Русские не проявили внешне никаких эмоций. Командир ответил:

— Через несколько минут наше радио будет передавать сообщение Информбюро. Вы услышите сами.

Марселен поклонился. «Не пойму, что он имеет в виду,— подумал он.— Либо этот город *не* может пасть, ли-

бо если даже он падет, то войну не следует считать проигранной. Не пойму, что он имеет в виду, но знаю, что он думает так же, как я: надо бить немцев».

Им овладела беспредельная радость, словно он выпил — не слишком много, а как раз в меру. Или словно он встретил девушку, с которой давно хотел встретиться. Он стал пить чай так, как тянут шампанское.

Соломенные матрацы разложили в той самой комнате, где французы ужинали. Комната освещалась лишь пламенем в печке, за которой по-прежнему следил пожилой усатый солдат. То была их первая ночь на русской земле: теперь они чувствовали себя очень хорошо, но засыпали с трудом. Нервное напряжение, новая обстановка, причудливые тени, отбрасываемые предметами в трепещущем свете пламени, завывание ветра за окном... Словно они находятся на маяке. Время от времени кто-нибудь из них поворачивался, бормоча во сне что-то по-французски. Старый солдат прислушивался к звукам незнакомого языка и тоже бурчал что-то себе в усы, то и дело помешивая в печке поленья.

Дверь в соседнюю комнату отворилась, и на пороге появилась тень. Это был Кастор. Он медленно пробирался между спящими летчиками, наклоняясь, чтобы видеть их лица. Подойдя к Марселену, он присел на корточки и слегка тронул его за плечо.

— Господин майор!

Кастор позвал шепотом, но Марселен был из тех, что спят, как кошки. Он открыл глаза, сразу же сел и спросил так же тихо:

— В чем дело?

— Есть новости, господин майор.

— Ну?

Окончательно проснувшись, Марселен в упор смотрел на Кастора. Он видел, как по взволнованному лицу юноши пробегают отблески пламени.

— Ну?— настойчиво повторил он.

— Немцы нарушили перемирие,— сказал Кастор.— Вся Франция оккупирована. Флот... флот потопил себя в Тулоне...

— Не может быть!— выдохнул Марселен.

Кастор никогда раньше не думал, что можно шепотом крикнуть. Но у Марселена это получилось именно так.

— Флот! Все наши корабли! Не может быть!

— Я сам слышал, господин майор... Флот в Тулоне...

Марселен поднялся. Стоя среди спящих, возвышаясь над все еще сидевшим на корточках Кастором, он казался гигантом. Он медленно пошел к двери, открыл ее и остановился на пороге, словно не чувствуя хлеставших его по лицу хлопьев снега.

Готовый в любую минуту вскочить, Кастор спрашивал себя, что сделает майор. Вдруг Марселен обернулся, закрыл дверь и подошел к окну. Он впился взглядом в летное поле; на востоке сквозь пелену снега пробивалась узкой розовой полоской заря.

— Не буди их, Кастор,— произнес Марселен.— Они еще успеют узнать это.

— Здесь тоже неважные вести,— сказал Кастор.— Русские держатся, но немцы вышли к Волге.

Они шепотом продолжали разговор. Старый солдат подбросил в печку новую охапку дров. Яркий красноватый свет озарил комнату. Они увидели лица друг друга. И им стало страшно. Флот! Марселен представил себе стальные остовы трагически потопленных в Тулоне кораблей, поднявших к небу носы... Если вода прозрачная, наверное, видны искореженные мостики, сдвинувшиеся с мест орудия. Прощайте, дорогие корабли, морские крепости со стальными башнями!

«Значит, и его можно ранить в самое сердце»,— подумал Кастор. И в эту минуту он почувствовал себя накрепко связанным с этим человеком, способным так страдать за свою родину.

— Ну что же,— проговорил наконец Марселен,— по крайней мере никто не сможет сказать, что мы явились помочь тому, кто берет верх.

Летчики по-прежнему спали. Снег все валил. Стоя плечом к плечу, они смотрели, как занимается утро.

IV

На тот же запасной аэродром прибыл «дуглас», чтобы доставить их на базу в Иваново. Отныне это будет их база. Всего час полета от Москвы. Огромная тыловая база, узловой пункт. Там начнутся серьезные дела.

«Дуглас» должен был приземлиться в Иваново через несколько минут. В конце посадочной полосы его поджидали три советских офицера: генерал Комаров — командир дивизии, в которую французы войдут как самостоятельное национальное подразделение, полковник Синицын — командир полка, вместе с которым им пред-

стоит сражаться, и капитан Сарьян — инженер. Комаров и Сеницын, казалось, отдохали, чего нельзя было сказать о Сарьяне. Хмурый, он в отчаянии без конца листал словарь.

— Думаешь, за пять минут ты много выучишь?— с улыбочкой спросил Сеницын.

Сарьян ответил лишь движением плеч, выразившим безнадежность, и нечленораздельным ворчанием, которое должно было означать: «Отстань от меня!» или: «Хотел бы я посмотреть на тебя, будь ты на моем месте».

— Кто полетел встречать французов?— спросил генерал.

— Лейтенант Зыков, товарищ генерал,— ответил Сеницын.

— Он опять будет выкидывать свои фортели?

— Он обещал мне не дурить.

Тон Сеницына давал все основания отнестись к его словам скептически.

— Будем надеяться,— сказал генерал и добавил:— Впрочем, знаем мы его благоразумие.

Он обернулся к Сарьяну.

— Ну, как дела?

Капитан бросил на него загнанный взгляд, собрался с духом и мужественно, но со множеством ошибок залпом выпалил по-французски:

— Самолет «ЯК» вооружен двумя пулеметами и одной пушкой, стреляющей через винт...

— Bravo,— сказал Комаров.— Я тебя понял.

— Да,— ответил Сарьян,— но теперь меня должны еще понять французы.

Чуть в стороне собралась группа летчиков. Механики вдруг решили, что и им необходимо быть поблизости. С не меньшим рвением отнесся к своему долгу и обслуживающий персонал — словом, вся или почти вся база ожидала «дуглас». Комаров исподтишка наблюдал за ними.

— Никакой политики с французами,— обернулся он к Сеницыну.— Все они добровольцы и прибыли бог знает откуда, чтобы сражаться вместе с нами. Это, только это и следует принимать во внимание. Ясно?

— Ясно,— ответил Сеницын.

— Совершенно ясно,— сказал Сарьян.— А вот как они возьмутся за дело — это не совсем ясно. Ведь вы знаете, откуда они прибыли. Северная Африка, Эритрея, Индокитай, Англия... А при минус тридцати, увидите,

ни один не выдержит! Поднимется метель — все разбегутся!.. Хотел бы я знать, имеют ли они хоть понятие о том, что такое снег? И как они будут на него садиться? Хороши станут у нас машины! А кому отвечать? Ясно — не им, а мне.

Комаров мягко улыбнулся:

— Конечно, тебе. Ты инженер, ответственный за материальную часть... А ты, Сеницын, что скажешь?

— Подожду. Вот посмотрю на них, тогда и выскажу свое мнение.

— Ждать недолго, вот они. И Зыков... Ах, сукин сын!..

Сеницын и Сарьян подняли глаза. В небе показался «дуглас» в сопровождении истребителя лейтенанта Зыкова — того самого, что обещал «не дурить». Увы, самолет Зыкова был похож на задорную девчонку, которая пристаёт к бесчувственному увальню. Он кружился вокруг «дугласа», почти задевая его крыльями, уходил, возвращался, выделял пируэты — одним словом, все это отнюдь не походило на почетный эскорт, высланный навстречу союзникам.

— Пять суток ареста! — разразился Комаров. — Десять! Щенок!

Тем временем Зыков приземлился на хвосте у «дугласа». Высунувшись из кабины, он бросил на генерала полуомоляющий-полувосхищенный взгляд. Комаров угрозил ему кулаком и быстрым шагом направился к трапу, на котором уже показался Марселен в сопровождении Кастора.

«На этот раз уже настоящий контакт, — думал Марселен. — Этот генерал — наш генерал. Этот полковник — наш полковник. И капитан с оттопырившимся, — несомненно от словаря, — карманом тоже будет иметь к нам какое-то отношение. Наша авантюра переходит в область реальности, она перестает быть авантюрой».

— Честь имею, господин генерал, — произнес он.

— Я счастлив позжать вашу руку, — ответил Комаров по-французски.

Сеницын и Сарьян в свою очередь тоже обменялись рукопожатиями с Марселем.

— Лейтенант Кастор, наш переводчик...

Затем, обернувшись, Марселен указал широким жестом на своих товарищей, стоявших около «дугласа».

— А это группа «Нормандия».

«Нормандия» — так назвали они свою группу. В ка-

честве эмблемы они взяли герб Вильгельма Завоевателя: два леопарда на алом фоне. А эскадрильям дали названия трех больших городов: *Руан*, *Гавр* и *Шербур*. Это принесло капитану Сарьяну новые непреодолимые затруднения, поскольку он не мог правильно произнести ни одного из этих названий. Но Кастор его утешил:

— Ничего,— сказал он ему,— важно, что это леопарды, они кусаются!

Пятнадцать летчиков выстроились рядом с «дугласом». Генерал Комаров говорил с паузами, чтобы Кастор мог переводить.

— Надеюсь, это не затянется,— шепнул Шардон Бенуа.— Я замерзаю.

Бенуа ничего не ответил, у него не было настроения шутить. Замечание Шардона ему не понравилось, хотя он тоже ненавидел приказы, официальные речи и лозунги. Рядом с ним стоял Перье, с застывшим лицом, словно Жанна д'Арк, услышавшая Голоса. В обычное время его вид вызвал бы у Бенуа желание выкинуть какую-нибудь глупость — из тех дурацких фокусов, которые во французской армии можно было выкидывать, если имеешь на своем счету немало «мессершмиттов». Но здесь, как ни странно, у него такого желания не появилось.

— От имени советского командования,— говорил Комаров,— я приветствую летчиков сражающейся Франции. «Вперед за то-то и за то-то!» — подумал Бенуа.

Но Комаров продолжал, сделав паузу, чтобы Кастор успел перевести:

— Ночью мне сообщили о том, как вы одеты. Поэтому вместо того чтобы приготовить для вас речь, я приказал приготовить экипировку. Вольно!

— Вольно!— заорал Кастор.— И пошевеливайтесь!

В нескольких метрах от них, здесь же, на летном поле, остановился грузовичок. Солдат, который его привел, оказался девушкой. Две другие девушки, в кузове, приглашали французов подойти, размахивая сапогами и полушубками на козьем меху. Они называли предметы одежды по-русски и громко хохотали. Началась настоящая свалка!

— Как видите, переводчиков не требуется, господин майор,— сказал Кастор Марселену.

Тот молча улыбнулся. Синицын и Сарьян смеялись от всей души. Лейтенант Зыков, видя общее оживление,

считал ситуацию благоприятной. Выйдя из тени грузовичка, он направился к Марселену с летным комбинезоном и унтами в руках. Не заметив предостерегающего знака Синицына, смущения Сарьяна и яростного взгляда Комарова, он протянул свои подарки французскому майору. Потом, повернувшись к Комарову, застыл в безупречной стойке «смирно».

— Товарищ генерал, разрешите мне преподнести майору Марселену комбинезон и унты. Мой личный подарок.

— Ах ты!..— побагровел Комаров и вдруг рассмеялся.— Позвольте представить вам лейтенанта Зыкова. Одиннадцать сбитых машин. И пять суток ареста за лихачество.

— Товарищ генерал,— жалобно взмолился Зыков,— ради франко-советской дружбы...

— А, бандит!.. Хорошо. Ради франко-советской дружбы скину твое суток! Но двое отсидишь.

Зыков делал достойные похвалы усилия сохранить пристыженный и смущенный вид. Искорки в глазах Кастора убедили его, что это ему не удалось. А Комаров тем временем говорил Марселену:

— Это ради вас.

Кастор перевел и добавил:

— Личный подарок!

Марселен переложил из правой руки в левую обмундирование, переданное ему Зыковым. Затем он дружески пожал лейтенанту руку.

— Спасибо, унты великолепны!

Зыков стиснул протянутую ему руку, улыбнулся, что-то быстро пробормотал, еще раз пожал руку французам, отдал честь генералу и отправился под арест, который, видимо, не был слишком уж суровым наказанием.

— Что он сказал?— спросил Марселен.

— Русский обычай,— ответил Кастор.— Он сказал: от всего сердца.

...Вильмон примерял шапки. Он выбрал одну, которая ему понравилась, но в это время к нему подошла девушка-солдат. Решительным движением она сдвинула шапку на его голове чуть набок.

— Вот так!— сказала она по-русски.

Вильмон не понял, что она сказала, но это и не имело значения. Он вытащил из кармана два значка Свободной Франции. Один — чтобы приколоть на шапку, другой — подарить девушке. Она покраснела и награ-

дила его ослепительной улыбкой. Девушка отошла, и Вильмон увидел, что старшина эскадрильи Лирон пытается придать своей шапке такой же крен, как у него. Он подошел к нему и спросил:

— На кого я похож?

Лирон, оглядев его полушубок, шапку и сапоги, ответил:

— На русского.

Вильмон вспомнил вопрос, который он задавал себе, слушая речь генерала. Он уже знал первую часть ответа. Лирон невольно подсказал ему вторую. Простота Комарова его подкупила, и он вспомнил слова Марселена: «Там, куда мы отправляемся, лицо командира имеет большое значение». Лицо генерала тоже много значит, особенно когда выпадает случай на него посмотреть. Лицо Комарова ему нравилось. Вильмон всегда ненавидел высокопарность, и сейчас ему было очень неприятно думать, что — хотя бы они того или нет — для этой охваченной войной страны, оккупированной почти до самой Волги, с заводами, вывезенными на восток, с партизанами в тех районах, которые в учебниках географии называли Европейской Россией, — хотя бы они того или нет — для нее они олицетворяют Францию. Как это трудно — нести на своих плечах тяжесть ответственности за родину! Как это волнует!

— Бенуа, — обратился он к товарищу, — ты не задумывался над тем, что для всех этих людей мы представляем Францию?

— Я думал об этом, — ответил Бенуа. — Нелегкая работа!

Майор Марселен надел подаренный Зыковым комбинезон. Он очень хорошо знал, что ему нужно делать. Он понимал связанный с этим риск, но в то же время и оценивал его необходимость.

Русские были очень приятны, просто очаровательны. Но французы пока походили на группу туристов, которых возят из города в город, из гостиницы в гостиницу. Майор Марселен считал необходимым определить их намерения более точно. С этой мыслью он подошел к самолету Зыкова и осмотрел его с живым интересом.

— Ваш «ЯК» похож на наш «девуатин», — заметил он. — Мне бы хотелось ознакомиться с ним по-настоящему... Вы позволите, господин генерал?

Генерал Комаров позволил. Точнее, он приказал капитану Сарьяну объяснить французу все, что тому могло показаться неясным в управлении самолетом. Еще точнее — он улыбнулся Марселену совсем мальчишеской улыбкой, улыбкой заговорщика. А капитан Сарьян остался невозмутим. Взобравшись на крыло, он закрыл фонарь над устроившимся в кабине Марселеном. Затем обернулся к Комарову.

— Мне кажется, он разбирается, но...

— Пошел,— приказал генерал.

Сарьян побледнел.

— Но если...

— Хватит,— сказал Комаров.— Завтра за все «если» будешь отвечать ты, а сегодня — я!

И не допуская возражения тоном повторил:

— Пошел!

Марселен вырулил к старту и оторвался от дорожки. Он был совершенно спокоен. «Вы показали нам себя. Отлично! Вы нам понравились. Теперь мы покажем, чего стоим мы. То, что я сделаю, будет сделано не ради хвастовства, а просто потому, что я командир. Если я разобьюсь, будет новый командир. И я знаю, так или иначе, но он сделает то же, что и я. Для того, чтобы хорошо вместе сражаться, нужно хорошо знать друг друга,— я сейчас познакомлю вас с нами».

На земле воцарилась тишина. Французы следили за самолетом своего командира. Около грузовика стояли, задрав головы к небу, девушки-солдаты. Смотрели вверх и советские летчики. Рядом с Комаровым — Синицын и Сарьян. Зыков чувствовал себя именинником. Конечно, он находился под арестом, но ведь Марселен летел на его самолете. И он, как знаток своего дела, оценивал фигуры, выполняемые французским майором, его риск, ловкость, умение владеть самолетом, на котором он летит впервые. А когда майор сделал особенно низкую бочку, он с восхищением пробормотал:

— Мне кажется, не я один буду праздновать «на губе» день франко-советской дружбы!

Комаров обернулся и бросил на него убийственный взгляд.

— Скажешь французу, что, если он повторит...

— Можете на меня положиться, товарищ генерал,— ответил Зыков,— я отлично знаю, что нужно говорить другим.

У французов тревога рассеялась. Они впервые виде-

ли Марселена в воздухе и с радостью отметили его мастерство. Командир вовсе не обязан быть лучшим пилотом, но если он оказывается им, то при известных обстоятельствах это вовсе не плохо!

— Орел!— пробормотал Буасси.

— Их «ЯК» тоже орел,— сказал Бенуа.

И, повернувшись к русским летчикам, он в знак восхищения показал большой палец.

— «ЯК» — карашо!— крикнул он.

Ему ответил генерал Комаров. Он услышал слова француза и, повторив его жест, сказал:

— Ваш командир — тоже хорошо!

Это был медовый месяц. Однако свадебные путешествия никогда не затягиваются, да и капитан Сарьян не отличался романтическим характером. Он превосходно понимал, чего сто́ят советскому правительству самолеты. Когда он вспоминал, какими были доверенные ему самолеты и какими они стали теперь, ему становилось грустно. Не все французы были такими мастерами, как Марселен. Первые же дни тренировочных полетов принесли много поломок. Сарьян знал, что они неизбежны. И все же он тяжело переживал каждую аварию, словно ранили его самого.

Мюллер зацепил за что-то крылом, чудом не перевернулся... Виньетел сел на брюхо, самолет пропал...

— Он ранен?— спросил Сарьян.

— О нет!— ответил механик, докладываявший, как было дело.— И он начнет сначала...

Что до Перье... Перье был чемпионом происшествий. Если бы ему позволили, он гробил бы по самолету в день. Сарьян сначала был к нему снисходителен: такой молодой! Но это чувство быстро прошло. Когда у летчика триста летных часов, можно ожидать, что он имеет хоть какие-то навыки. А у Перье их было немного. Он систематически разбивал самолеты и каким-то чудом сам отделывался очень легко. Но зато ремонтникам работы хватало. Сарьяна раздирали глубочайшие внутренние противоречия. Для него самолет — это не только летчик. Это еще и рабочие далекого авиационного завода в Средней Азии, строящие самолеты для фронта; это драгоценное горючее, которое дают для самолетов, но которого не хватает для танков, или это валюта для покупки самолетов за границей. Поколение Сарьяна зна-

ло, что такое бремя импортных закупок... И что такое немцы на Волге! Самолет не игрушка.

Сколько молодых летчиков осваивают новые самолеты, и, конечно, при этом не обходится без поломок. Он знал, что они неизбежны, и мирился с этим. Но число аварий у Перье переходило все границы. И если вдуматься в последние данные, то у Виньелета тоже...

Но среди французов были блестящие летчики. Разумеется, Марселен. Потом Леметр, Вильмон, Бенуа, Буасси, который для своего механика Иванова стал просто кумиром. Иванов выучил французскую фразу: «Мой француз — чемпион!» Это защищало Буасси от любых нападков. Дюпон тоже летал неплохо. В общем почти все они были хорошие летчики. Сарьян отлично ужился бы с ними, если б ему не приходилось отвечать за каждый погнутый болт. Но всякий раз, когда какой-нибудь учебный самолет разбивался при посадке из-за неопытности летчика, он не мог заставить себя не думать о вывезенных на восток цехах, об эвакуированных рабочих, живущих в бараках, и особенно о положении на Волге...

V

Наконец настал день, когда эскадрилья получила первое задание.

Все проходит, даже время. Зима сменилась весной, пришел март со своими оттепелями. Первые подснежники и, вероятно, где-то девушка, первой решившаяся снять платок, встречая теплые дни.

Утро было погожее, но в воздухе чувствовалась влажность — весна не была ясной и сухой. Томительно пахло травой. Учеба закончилась, небо теперь стало дорогой на фронт. Впереди их ждал враг. Со вчерашнего дня они на фронтовом аэродроме. Шесть «ЯКов», пилотируемых шестью французами, должны были сопровождать группу советских бомбардировщиков. Мюллер, Симоне, Буасси, Дюпон, Леметр, Марселен. Остальные — на земле — тревожно ожидали конца операции.

Одно дело последовать огромному порыву сердца, другое дело — превратиться в ученика, учиться — день за днем, шаг за шагом — пользоваться превосходным, но незнакомым оружием. Они шутили, ругались, ворчали, скандалили; они говорили, что это чудовищно, невозможно, бессердечно, недопустимо; они работали; иной раз им хотелось выпить, и они напивались, когда пред-

ставлялся случай. Знакомясь с «ЯКами», они пережили всю гамму чувств: любопытство, восхищение, энтузиазм, отчаяние и, наконец, чувство мастерства. И вот — первое задание!

Двадцать огромных бомбардировщиков уже прошли над их новым аэродромом у самого фронта. Взлетев парно, к ним безупречно пристроились все шесть «ЯКов». Вскоре самолеты скрылись в западном направлении.

— Можно сказать, историческая дата,— заметил Вильмон, все еще глядя в опустевшее небо.

— Ты, должно быть, рад, что присутствуешь при этом?— спросил Бенуа.— Уже потому хотя бы, что твои предки отсутствовали четырнадцатого июля...

— Они немного задержались,— парировал Вильмон.

Медленно печатая шаг по размокшей земле, они возвращались в помещение.

— Все-таки это что-нибудь да значит,— сказал Бенуа.

Вильмон промолчал. Что он мог сказать? Он знал только, что очень любит Бенуа.

Они летят. На земле все маскируются, не зная, ни кто они, ни куда направляются. Может быть, они возвращаются из рейда на Москву, может быть, летят из Москвы бомбить немецкие линии... Нужно привыкнуть, чтобы безошибочно распознавать звук мотора.

Они летят. Под ними простирается русская земля. Разве это их земля или земля, завоеванная ими? Крестьянин видит в сером небе нынешней дождливой весны эскадрилью и думает: «Это наши или он?» Крестьянин думает о хлебе, закопанном в саду, о партизане, спрятанном в погребе. В конце улицы он видит немецкого часового. Он очень боится, этот крестьянин. Но, насвистывая, он продолжает стругать новый черенок для вил.

Они летят. И когда их встречают немецкие зенитки, крестьянин понимает, что это *наши*. Это понимает и партизан в погребе. Идет дождь. Впрочем, что же удивительного? Весна...

...Леметр только что вернулся. Он закурил самую сладкую сигарету — сигарету посадки. Теперь «Нормандия» ежедневно получала боевые задания. Они включились в изнурительный ритм, который проклинали вслух, а втайне обожали. В точно определенных местах немецкая военная машина работала с перебоями. И в этом была доля их участия. Отныне они знали свое место в войне. Считаются только с теми, кто действует. И они

действовали!.. Думая об этом, Леметр усмехнулся. Реванш имеет совсем особый вкус. Как чистый спирт, если его выпьешь залпом, — нечто среднее между горьковатым апельсином и сладким ликером! Как далеко оно, недавнее безделье на пляже! Алжир, Гибралтар, их побег на такой крошечной лодочке. Тегеран, защищенный от мира горами надежнее, чем морем. Все это совсем недавнее прошлое стало почти нереальным. Теперь он живет только сегодняшним днем. Плох табак — кричим! День рождения товарища — желаем ему счастья! Сбили фрица — вписываем единицу на доску! Он думал: что сейчас, в этой, какой-то временной жизни волнует их? Все проблемы относились к данному часу. Когда он летал, смерть бывала вторым пилотом. До сих пор каждый раз, когда он возвращался невредимым, он видел, как она вылезала из самолета и исчезала в конце аэродрома, слегка покачивая головой, — смерть, сухая и хрупкая, как ветка вишни в вазе. Но когда смерть силою вещей становится соседкой, она утрачивает свой трагический облик — теперь она лишь один из заполняющих жизнь рисков, не больше. Леметр любил это без всякой романтики. Любил просто-напросто потому, что смерть — это для других.

...Смерть никогда не бывает там, где ее ждут...

На доске эскадрильи мелом была отмечена победа Дюпона; имя Перье было стерто...

VII

Потом была битва за Орел.

Русские решили любой ценой вернуть Орел. Немцы решили любой ценой Орел удержать. Это уже само по себе делало обстановку чрезвычайной. Советская армия больше не отступала. Она прорывала немецкий фронт. Дни и ночи, без отдыха, без передышки сражались люди в этом перевернутом вверх тормашками мире, в котором не было ничего, кроме огня, стали, воплей войны и воплей смерти. Многие погибали.

Было лето. Вместе с Восемнадцатым гвардейским полком «Нормандия» помогала удерживать небо.

...О эта битва за Орел! Как быстро в те дни гибли люди! В один и тот же день у вокзала были сбиты Мюллер и Симоне, а Виньет и Леви — над аэродромом. Перье опередил Виньетета лишь на несколько недель.

Сражение шло уже три дня. На земле русские со-

бирались, как муравьи, бросались на противника и снова перегруппировывались. Если удавалось отвоевать сотню метров, это считалось огромной победой! Стелясь по земле, зарывшись в нее по самую шею, пробиваясь через поля несжатого хлеба — жать было некому, — они порой подымали взоры к небу. Там шла такая же жестокая битва, как и у них на земле. Небо никогда не бывало пустым. Перед ними — Орел. Над ними — небо Орла. Орел... Орел, который нужно было отобрать у противника. Имя города может стать таким же милым, как имя женщины. Орел, сердце мое, моя мечта, ты будешь нашим. Над Орлом гудели «ЯКи» «Нормандии». Виньет и Леви, Мюллер и Симоне — так умирали под Орлом люди!

— Мы будем помнить Орел, — говорил Марселен.

Он сидел на боевом аэродроме у самой линии фронта, укрывшись под крылом своего самолета вместе с повисшим на телефоне капитаном Лироном. Лирон был самым молодым в эскадрилье. Он был похож немного на печального журавля, все время хлопающего крыльями. Ему никогда не удавалось проникнуться общим настроением. Он был здесь, хотя ничто не вынуждало его к этому. Он приехал через Мадагаскар и Сирию, совершив почти фантастическое путешествие, однако он как-то не слился с группой. Он ни с кем не был откровенен. Для него не существовало тех простых товарищеских отношений, которые давно установились между остальными. «Он что-то утаивает от нас, — думал Марселен. — Он не хочет быть с нами. Он делает дело, не любя его». Лирона ни в чем нельзя было упрекнуть, он был крайне вежлив. Почему же под Орлом майор находил его почти невыносимым?

— Вызов, — сказал Лирон.

Марселен взглянул на него. Его глаза были будто подведены.

— Что там еще им нужно?

— Патруль, шесть самолетов, — ответил Лирон.

— Куда?

— К аэродрому.

Аэродром — это Виньет и Леви. Марселен в изнеможении покачал головой.

— Скажи, что люди устали.

Лирон склонился над аппаратом. С переводом разговор занял много времени.

— Ну, — спросил Марселен, — что они говорят?

— Что русские тоже устали,— ответил Лирон.
— Шесть,— подумал вслух Марселен.— Что ж, надо найти шесть!

Столовую оборудовали как могли — временную столовую на временном аэродроме. Бесконечные перемещения, не успеешь обжиться — снова в путь...

Где-то мы будем завтра: впереди или позади? В комнате царил беспорядок — временное жилье, в котором по-настоящему не жили. Нагроможденные друг на друга ящики, столы на козлах, керосиновые лампы.

Растянувшись во весь рост на одном из столов, Вильмон спал; в таких же позах лежали каменные фигуры в его фамильных склепах. В углу доктор за отсутствием партнеров обыгрывал сам себя в карты. «Бубновой дамой короля пик... червовый туз... Ох, надо было трефовой семеркой! Сколько еще будут умирать без моего участия? Девятка бубен на десятку пик... Я люблю всех карточных королей: Юдифь, Аржин, Паллас, Рашель. Пятую даму зовут Орел. Поскольку карты всегда врут, а я потеряю эту даму,— значит мы выиграем битву за Орел».

В другом углу отдыхал Бенуа. Он только что вернулся с задания. Рядом Казаль, Дюпон, Леметр — все с одинаково усталыми лицами. Теперь их жизнь стала какой-то механической и предельно простой. Столовая перестала быть местом веселья, где они любили собираться в свободное время. Она стала каким-то зловещим залом ожидания, напоминающим провинциальный вокзал.

— Артиллерия,— раздался голос Бенуа.— А что делает артиллерия?

Он был на пределе, даже больше чем на пределе. Он чувствовал себя грязным, злым, готовым сцепиться со всем миром.

— Ничего! Все авиация и авиация! А ну-ка снова туда, мальчишки!

Он с силой поддал ботинок Дюпона. Ботинок исчез в груде ящиков.

— Ты что,— заорал в ярости Дюпон,— озверел, что ли?

— Хватит с меня,— Бенуа новым ударом ноги отправил туда же второй ботинок.— И уж если я говорю, что с меня довольно, так это действительно так! Понял?

Казаль сидел, облокотившись на стол, зажав руками голову. Он поднял пустой взгляд.

— Орел — это узел всей обороны немцев. Они никогда его не отдадут.

Он повторил с отчаянием:

— Никогда, никогда,— и уронил голову на руки.

— Да,— заметил Леметр,— это узел. Поэтому русские и бросают против него сконцентрированные силы.

Дюпон полез разыскивать свои ботинки. Он нашел один, но второй как сквозь землю провалился.

— Если кто мне осточертел, так это ты, Бенуа,— сказал он.

Затем обернулся к Леметру:

— А ты, уж больно ты надоел со своей всегдашней защитой русских.

— Нечего спорить,— сказал Леметр.— Все мы слишком устали.

— Сегодня сбили четверых наших, это важнее усталости,— продолжал Бенуа.— Если так пойдет и дальше, от «Нормандии» к концу недели ничего не останется.

Казаль вмешался снова:

— Останется! Доктор останется... Один... Он возьмет Орел, взломает фронт и погонит бошей в Берлин, поддавая им под зад ногой.

Леметр смотрел на Бенуа. «Всегда, когда гибнет один из наших, ты страдаешь. Я знаю тебя, суровый из суровых, это было каждый раз, начиная с гибели Перье! Из всех нас тебе одному эскадрилья вьелась в душу. Но смерть товарища — с этим ты не справляешься».

— Что же вы не смеетесь?— спросил доктор.— Разве не забавно то, что сказал Казаль!

Никто не ответил. Доктор покрыл бубновую восьмерку семеркой пик.

— Если такие тонкие шутки уже никого не могут рассмешить, значит, дело в самом деле плохо!

— Не могу же я до конца войны ходить в одном ботинке!— ворчал Дюпон.

— Тебе не придется долго мучиться. Для нас война окончится здесь,— сказал Бенуа.

Вильмон по-прежнему спал, даже ни разу не пошевелился. «Я должен что-то сказать,— думал Леметр,— но что я скажу им? Если бы я послушался своего внутреннего голоса, я присмотрел бы себе стол и тоже заснул бы. Орел... что это за штука — Орел? В один прекрасный день мы вступим в Орел и, если там останутся кро-

вати, поспим. Но от Орла ничего не останется, кроме разрушенных стен. Тогда мы выспимся на земле...»

— Ты спишь, Леметр?— спросил Бенуа.

— Нет,— ответил тот,— не сплю...

И тут же заснул.

Входя, Марселен увидел такую картину: Леметр и Вильмон спали. Казаль сидел с совершенно ошарашенным видом; Бенуа ругался, не сводя мутного взгляда с ботинка, который Дюпон злобно совал ему под нос. Доктор, держа в руках три последние карты, о чем-то глубокомысленно размышлял. Лирон следовал за Марселеном. Они обменялись печальными взглядами. Марселен повел плечом и начал:

— Только что звонил полковник Синицын. Он требует патруль.

Дюпон перестал размахивать ботинком. Казаль встал, Бенуа медленно размял папиросу.

— Куда?

— Аэродром,— произнес Марселен.

— Там остались Виньелет и Леви,— сказал Казаль.

— Жаль, что они не вернуться... Они могли бы нам рассказать кое-что о том, что там происходит.

Голоса разбудили Леметра. Слово сквозь пелену он увидел: Марселен стоит у двери. Он очень печален и очень суров, глаза занимают все лицо. «Интересно, немцы устали так же, как мы? Самым секретным оружием сейчас было бы лекарство против сна».

— Русские утром потеряли девять бомбардировщиков,— произнес Марселен.— Они идут снова.

Доктор покрыл три последние карты. Теперь он, тихонько смешав их, стал строить карточный домик на шероховатой поверхности ящика, служившего ему столом.

«Странно думать, что в наше время настоящие каменные дома столь же хрупки, как это сооружение. Что осталось от вокзала в Орле? Он, должно быть, безобразен, как все вокзалы. Интересно: русские тоже субботними вечерами набивались в поезда и устремлялись за город? Наверное, так же, как у нас, продавали газеты, папиросы, была почта, сияющая буфетчица за стойкой... Каким был вокзал в Орле, до того как его превратили в пепелище?»

— Я хорошо знаю, о чем вы думаете,— сказал Марселен.— Но это приказ. Надо!.. Вас поведет капитан де Лирон.

Капитан Лиرون вздохнул. Он был согласен. Он никогда не нарушал приказ. Единственным чрезвычайным актом в его жизни было решение не подчиниться правительству Виши и присоединиться к Свободной Франции. Он сделал это с таким же самым скромным вздохом. Жизнь не слишком весела, тем более когда приходится выбирать такой невероятный путь. Капитан де Лиرون целую ночь бродил по улицам, прежде чем отважился на этот шаг. Сам того не подозревая, он пережил те же муки, что и его предок, советник де Лиرون, когда после провозглашения Нантского эдикта¹ он решил остаться протестантом.

Верный своему королю, исполненный инстинктивной и профессиональной ненависти к беспорядку, советник де Лиرون все же стал мятежником. Читая условия перемирия, его праправнук решился скрепя сердце сделать такой же шаг. С тех пор его меланхолическую фигуру можно было видеть на фронтах союзников. Он и сам не понимал, почему, ненавидя англичан — ведь были Наполеон и Жанна д'Арк, презирая американцев-скотов, которые не вынимают изо рта жевательную резинку и хлещут виски, не любя русских, — он их представлял себе не иначе, как с ножом в зубах, восхищаясь немцами, — они добились большого патриотического подъема, — он оказался у русских, стараясь вместе с американцами и англичанами помочь им разбить немцев!

— Надо, — повторил Марселен.

Он никогда еще не встречал такого сопротивления. Под этими направленными на него, будто соединившимися в один взглядами он чувствовал себя не очень-то хорошо. И так как его нервы тоже были на пределе, он все же надеялся, что они избавят его от необходимости подкреплять свои слова приказом. Молчание нарушил Дюпон:

— Надо так надо... Вот и все... Извините, Лиرون, я думаю, вы поймете... Мы предпочли бы, чтобы нас вел Бенуа.

Лиرون и бровью не повел; он по-прежнему стоял, повернув голову к перегородке и полузакрыв глаза. Впрочем, никто не осмеливался поднять на него взгляд.

¹ Нантский эдикт — законодательный акт, изданный в 1598 году во французском городе Нанте королем Франции Генрихом IV и признававший господствующей религией страны католицизм.

Марселен знал, что решение должно быть принято немедленно. Орел не мог ждать. Орлу было наплевать на переживания, чувствительность и субординацию. Война не кончится в Орле. Нужно, чтобы «Нормандия» существовала и после Орла. Будет ли война выиграна или проиграна — Орел лишь ее эпизод. Как бы то ни было, нельзя разлагать эскадрилью. Назначение Лирона было грубой ошибкой, которой он никогда бы не допустил, если бы не был так измотан. В чем заключается долг командира? Упорствовать в своей ошибке? «Король не может ошибиться», — говорят англичане. Или смотреть на вещи здраво, оценить обстановку и поступить в соответствии с ней?

Слабый, осторожный кашель прервал его размышления. С улыбкой, которая лишь подчеркивала его огорчение, Лирон проговорил:

— Господин майор, я тоже предпочел бы... я бы чувствовал себя спокойнее.

Марселен взглянул на Лирона, и ему показалось, что он видит его впервые. Человек, оценивающий себя по своей действительной ценности, — никаких иллюзий. Несколько часов хорошего отдыха рассеяли бы усталость Бенуа, Вильмона и других. Усталость Лирона не пройдет никогда. Он был здесь потому, что понимал свой долг, потому что это то место, где пристало быть Лирону, но пружина лопнула. Если бы ему пришлось умереть, он умер бы за то, во что он верит. С его лица навсегда исчезла радостная улыбка. О, не сразу, а постепенно, по мере того как разрушалась столь любимая им цивилизация.

— Это благодаря моим глазам, — сказал Бенуа.

Он не был так проницателен, как Марселен, потому что на нем лежала меньшая ответственность. Но, как и Марселен, он уже знал, что возглавит этот патруль. Минуты кризиса не должны длиться бесконечно. Слишком много дела. И все же трудно было вынести улыбку покорной жертвы: он повернулся к Лирону.

— Вы понимаете, господин капитан, всему причиной мои глаза... Вдаль я вижу лучше, чем кто-либо другой. Поэтому очевидно...

Он говорил невпопад. Но Лирон сделал вид, что не замечает этого. Он еще раз горько улыбнулся.

— Несомненно, — сказал он, — так будет лучше для всех.

«Довольно, — подумал Марселен, — если я дам им во-

лю, все они будут считать себя смешными, и я тоже». Он взглянул на часы и объявил твердым голосом:

— Хорошо! Решено. Поведет Бенуа. А теперь не могу ли я попросить вас поторопиться?

Все, толкаясь, вскочили и начали собираться. Механизм сработал еще раз; сомнамбулы протрезвели. Один Вильмон продолжал спать на столе. Казаль склонился над ним.

— Вильмон!

Вильмон поморщился, как ребенок зимним утром, когда за окном еще совсем темно, но уже пора вставать и идти в школу.

— Вильмон!— повторил Казаль, довольно грубо встряхивая товарища.

Вильмон открыл один глаз, затем второй, увидел над собой голову в фуражке, приятно улыбнулся и снова закрыл глаза. Но не надолго. Казаль наполовину стащил его со стола. Тогда Вильмон встал, провел рукой по волосам и спросил голосом пьяного:

— Что такое?

— Мы летим туда,— сказал Казаль,— нам оказывают особую честь.

— Куда?— спросил Вильмон.

— Не спрашивай ничего,— ответил Казаль,— пусть это будет для тебя приятным сюрпризом.

Он протянул ему летную куртку, шлем и перчатки. Вильмон машинально стал одеваться. Остальные были уже на улице. Он догнал их нетвердым шагом. Приятный ветерок ласкал лица: моторы шести самолетов уже работали. Они поднялись в воздух парами. Стоя в дверях, Марселен слушал удаляющийся гул моторов.

...Они полетели. Не все, но многие. Прорвали немецкий заслон, и перед ними открылся аэродром. Они атаковали его на полном газу, поливая пулеметным огнем все на своем пути, охватывая единой страстью уничтожения. На земле пылали фашистские самолеты, в воздухе время от времени какой-нибудь «ЯК» словно спотыкался, как смертельно раненный зверь. Смерть была достаточно разнообразна. Иногда самолет взрывался в воздухе; бывало, что он падал на землю, сопровождаемый траурным шлейфом черного дыма. Летчики видели, как погибают их товарищи, но у них не было времени отдавать почести мертвым. Траурные церемонии будут потом: сожаления, печаль и, как всегда, аукцион. А сейчас — убивать и не дать убить себя. Пройти на бре-

ющем полете над землей, стрелять, стрелять, смотреть, как горят самолеты и падают люди, подниматься свечой вверх, закладывать вираж, чтобы вновь спикировать на аэродром. Факелом вспыхнуло какое-то укрытие. Слово обезумевшие муравьи, из него выскакивали люди; лететь на них, стрелять, стрелять, стрелять. Если там есть бензин, получится неплохой костер!

Затем, оставив за своей спиной апокалипсический пейзаж — стонущих раненых и страшное молчание мертвых, сирены санитарных машин и бесплодные усилия огнетушителей, — они снова выстраиваются и возвращаются на базу, и только здесь становится точно известно, сколько погибло товарищей.

Продвигаясь по окраинам Орла, захватывая дом за домом, давая каждой улице новое название в честь победы, солдаты Красной Армии на секунду поднимают голову. Они видят, как над ними пролетают самолеты, видят звезды на крыльях, вырывают у войны время на то, чтобы улыбнуться: «Наши! Видал? Это наши!»

От Орла уже ничего не осталось. Но на земле Орла отныне не было немцев...

VIII

Они часто меняли аэродромы, и всегда была одинаковая сутолока. Фронт отодвинулся на сто километров, и все тронулись за ним. Грузовики и «виллисы», бесконечные колонны пехотинцев, огромные орудия... Русские вступали на отнятую у врага свою территорию. Они входили в давно оставленные деревни. То, что они там видели, порождало в них стремление как можно скорее дойти до Германии.

Каждый раз, когда освобождали какой-нибудь город, Москва салютовала в честь одержанной победы залпами своих батарей. Трассирующие пули и цветные ракеты бороздили по вечерам темное небо над Кремлем. Это были салюты разрушенным городам, измученным людям. Фашисты думали, что захватили эти земли навсегда. Теперь, когда они вынуждены были уходить, каждый дом становился свидетельством их преступлений. Отступая, они сжигали за собой деревни, оставляли виселицы и трупы, изнасилованных девушек, замученных пытками мужчин. Они отступали. Они непреодолимо откатывались к границам своей страны. Им нужно было перей-

ти еще много границ... Наступление шло уже в обратном направлении — не на Москву, а на Берлин!..

IX

Наступившая осень не принесла ничего нового. Жизнь текла в русле своей обычной повседневности. За несколько месяцев фронт почти не продвинулся. Укрепив свои позиции, немцы пытались помешать продвижению. Советский Союз шел на них, как бульдозер, неотвратимо отбрасывая их и уничтожая тех, кто пытался ему сопротивляться. Это была не армия, изгоняющая другую армию, это была вся страна со своими женщинами, детьми, тыловыми городками, со своей Историей и со своим Будущим. Никогда в анналах войн ни одна нация не защищала свою жизнь так яростно. Речь шла не о том, чтобы потерять несколько областей и заплатить выкуп,— ставка была гораздо выше. На другом конце света, на океанских островах, тоже шла смертельная схватка. Шло сражение и в пустынях Африки. На планете Земля пылали все континенты.

Здесь женщины валили лес и подтаскивали бревна к саням. Лошадей, которых вермахт не убил, он украл. Глядя на то, как женщины, согнувшись в неимоверном напряжении, медленно и упорно тянут втроем огромные бревна, Марселен всегда чувствовал себя немного виноватым перед ними. Так же, как перед женщинами, водившими легкие бомбардировщики полка, специализированного на ночных полетах. Немцы называли их ночными колдуньями. Каждый вечер они улетали к вражеским позициям, еще совсем молодые, почти все красивые, ставшие красивыми благодаря своему героизму, волшебницы смерти и огня. На земле они любили музыку и танцы; им случалось болтать ни о чем, мечтать в тишине, склонясь над письмом или фотографией. Они хохотали до упаду, как школьницы, ребячились, капризничали. В полете они становились стремительными, четкими, негибкими. Если бы те, кого они убивали, могли видеть их лица, они подумали бы, что против них сражаются валькирии. Марселен вспомнил, как однажды одна из них на рассвете сделала посадку. Это было в тот самый день, когда он узнал, что ему присвоили звание полковника. Спрыгнув с самолета на землю, она сняла шлем — длинные светлые волосы рассыпались по плечам. Чисто женским движением она собрала их в пучок.

Заметив, что Марселен смотрит на нее, улыбнулась ему таинственной улыбкой женщины, знающей, что она красива, но что она любит не вас! И ушла, закалывая волосы шпильками, которые вынимала из кармана мужского комбинезона.

Новый аэродром был на разоренной земле. Фронт продвинулся, но все следы войны остались. Дорога вдоль аэродрома была усеяна зловещими останками: подбитые танки, опрокинутые грузовики, покореженное железо. Телеграфные провода безжизненно свисали со столбов. На перекрестках еще виднелись наполовину вытасщенные из земли немецкие дорожные указатели, по которым больше уже не шли войска. Если находили нетронутый дом, это приводило в восторг. Обуглившиеся дома по краям дорог напоминали театральные декорации.

Леметр и Вильмон смотрели, как проходят пленные. Их жалкие колонны тянулись целыми днями. Оборванные, изнуренные существа с небритыми щеками, по колена в грязи. Здесь были перемешаны все рода войск — сплошная серо-зеленая масса. Они шли как-то механически, шли по тем же дорогам, по которым они уже проходили раньше, через города, которые они сожгли, мимо виселиц, где больше не висели тела партизан. Они возвращались к Москве, которую надеялись захватить, к той самой Восточной России, в просторы которой они намеревались войти победителями. От них ускользала эта чудовищная ирония судьбы: у них не было ни мыслей, ни надежд. Тащились и раненые, иногда кто-нибудь опирался на плечо товарища. Колонны пленных охранялись партизанами...

— У них недурной видик, у этой расы господ! — сказал Вильмон, глядя на процессию пленных. — Настоящее стадо баранов.

— Один из этих баранов сбил Буасси, — отозвался Леметр...

Леметр раскурил свою трубку. Он не любил русского табака, но другого не было.

— Я был пацифистом, — сказал он, задувая спичку. — Да, старина! Я верил в братство всех людей и во многое другое. А затем как-то один нацист заявил: «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет!» Помнишь?

— Нет, — ответил Вильмон, — я не занимался политикой.

— Я знал, что произойдет. И я решил сделать все, чтобы стать летчиком-истребителем.

Он ткнул своей трубкой в сторону продолжавших шагать немцев.

— С людьми нужно говорить на том языке, который они понимают...

...В этот день все-таки прилетело пополнение: вот они и спешили встретить прибывших, шагая по февральскому снегу. Впереди шел Марселен. За ним остальные летчики. Все. На посадочной полосе уже останавливался транспортный самолет.

— Остается узнать, сколько их,— сказал Вильмон. Бенуа скептически поморщился.

— Держу пари, что трое.

— А я за пять,— вмешался Шардон.

Он тоже был здесь. Его трудно было узнать. За несколько месяцев он постарел лет на десять. Глубоко врезавшиеся морщины, горькие складки у рта, безжизненный взгляд придавали его юношескому лицу трагическое выражение. В самом деле, по его виду трудно было сказать, сколько ему лет. Он был похож на юную статую старости.

— Ты за пять?— проговорил Казаль.— Что ж, ты всегда рискуешь, старина!

Шардон вздрогнул и побледнел еще больше. Казаль понял свой промах. Он сказал это без всякой задней мысли, но, когда имеешь дело с глубоко травмированным человеком, надо быть осторожнее. Все в «Нормандии» знали, что Шардон постоянно идет на бессмысленный риск. Он настойчиво искал смерти. Но находил только победу и каждый раз возвращался все в большем отчаянии.

На трапе показался первый летчик, затем второй, третий, четвертый...

— Ты оспорил, Бенуа!— улыбнулся Вильмон.

Тот не ответил. Не отрывая взгляда, он смотрел на вереницу летчиков. Пятый, шестой, седьмой...

— Господи,— сказал он наконец.— Их не меньше двадцати!

Все летчики были в летнем обмундировании и шли, неловко скользя по утоптанной тропке. Снег набивался в их легкие полуботинки, ветер трепал смешно выглядывшие здесь макинтоши, открытые уши их покраснели.

Ветераны эскадрильи созерцали новичков, застыв в безмолвии. Им казалось, что они видят кинофильм о своем собственном прибытии,— так действительность была похожа на воспоминание.

— Я, кажется, не совсем проснулся,— раздался неуверенный голос Колена.

Бенуа проворчал:

— В летней форме! Нет, это не сон! У интендантов все еще не нашлось времени разобраться, где находится Россия. Они так заняты, бедняги!

Внезапно громко залаял Тарзан. Навострив уши, подняв хвост, он бросился к прибывшим, прыгнул на одного из них, с нежностью лизнул в лицо и стремглав умчался.

Бенуа обратился к Вильмону:

— Твой пес гениален. Чего же ждем мы?

И он устремился вперед. Секунду спустя все они смешались в одну тесную кучу. Новички и ветераны хлопали друг друга по спине, без конца задавали вопросы, на которые никто не отвечал, говорили о том, о чем никто не спрашивал,— царил бурный энтузиазм, лишенный какого-либо смысла.

Бенуа преобразился. Он ходил от одного к другому, одинаково усердно пожимал руки знакомым и тем, кого никогда прежде не видал, краснел от радости, находя старого товарища, говорил всем «ты» и был совершенно счастлив. Вильмон, потрясенный и восхищенный, упал в объятия Ле Гана, того самого Ле Гана, по-прежнему кругленького и по-прежнему взъерошенного.

— Ле Ган! Это невероятно! Откуда ты взялся?

Ле Ган смеялся, щуя глаза.

— Сидел во французской тюрьме... Бежал. Испанская тюрьма... Бежал. Вот и задержался, понимаешь...

— Они заставили тебя расплатиться за других, да?— сказал Вильмон.

Ле Ган беззаботно махнул рукой.

— Пустяки! Как Шардон?

— Сбил девять.

— Вот это да!

— Неплохо.

Что-то в его голосе встревожило Ле Гана. Он бросил на приятеля быстрый вопросительный взгляд, но Вильмон сделал вид, что не заметил этого.

— Я расскажу тебе о нем после,— сказал он сухо, более сухо, чем хотел.

Это прозвучало странно. Он любил Ле Гана, уважал

его, знал, что не по своей вине тот не приехал раньше, но ему почему-то не хотелось раскрывать тайны «Нормандии»...

Бенуа не видел Ле Гана. Он только что пережил одно из самых больших потрясений в своей жизни. В группе новичков, согнувшись, как и другие, под тяжестью чемодана, утопая в снегу, шел человек, появление которого здесь могло только присниться Бенуа. Дрожа от холода русской зимы, этот человек оставался таким же безупречным, как и тогда, когда он изнемогал от жары под африканским солнцем.

— Господин капитан!..— сказал Бенуа, не веря своим глазам.— Шутки в сторону!

Это был капитан Флавье из Алжира! Тот самый Флавье, который не желал вступить в сделку с дисциплиной, Флавье, угрожавший ему тюрьмой, если он когда-нибудь попадет при попытке «дезертировать».

— Господин майор,— уточнил Флавье.— Рад вас видеть снова, Бенуа. Поздравляю. Кажется, четырнадцать побед? Это хорошо.

Бенуа посмотрел на новую нашивку Флавье. В этот момент удивление взяло верх над всеми другими его чувствами. Флавье держался превосходно. Можно было подумать, что прилетел Бенуа, а встречал Флавье.

— Поздравляю с нашивкой!

Флавье непринужденно улыбнулся:

— Спасибо!— сказал он тоном майора, разговаривающего с лейтенантом.

Пришлось сделать огромную приставку к столу. Кастор заботливо выводил мелом на доске фамилии прибывших. Новички уже не выглядели больше средиземноморскими туристами, высаженными на Северном полюсе. Их переодели в подходящую одежду, и они слушали Леметра.

— О том, что стерто, говорить нечего. Первая колонка — выполненные задания, вторая — количество сбитых самолетов.

— Сколько же всего сбили?— спросил Ле Ган.

— Не беспокойся, старина,— проговорил Казаль со снисходительной усмешкой ветерана,— здесь тебя научат понимать, что выполненное задание более важно, чем личная победа.

Ле Ган задорно выпятил вперед подбородок.

— Хочу фрица!

— Каждому по фрицу,— раздался голос парня с лицом цвета кофе с молоком. Это был мулат Лафарж.

— Не меньше,— уточнил Ле Ган.

Кастор обернулся, все еще с куском мела в руках. Он грустно улыбнулся Леметру и снова принялся за работу.

— Это ничего тебе не напоминает?— спросил он.

— Напоминает,— ответил Леметр,— все начинается сначала. Эти ребята пока еще все равно что в детском саду.

В эскадрилье любили, когда Леметр начинал говорить намеками. Между Леметром-человеком и Леметром-учителем не было видимой границы. Он проявлял в обоих этих качествах одни и те же недостатки и достоинства, одни и те же привязанности, одну и ту же волю к исполнению своего долга. И его теперешняя работа не порождала в нем ни малейших противоречий. Напротив, он видел в ней главную причину своего душевного равновесия. Для него переход в эскадрилью был всего лишь этапом. Фашизм должен потерпеть военное поражение. Хорошо! Его работа неприятна, но необходима. Он мечтал о том дне, когда окончится война и он вернется в свою школу, к своим сорока ученикам, о волнующем и тонком счастье объяснить им, почему нужно любить французский язык. Мечтал о радости открыть перед ними двери Истории, показать им поступь народов — с отступлениями, скачками вперед, с яркими зорями и очень долгими сумерками. Сделать так, чтобы сквозь карту мира пробился в их сознание настоящий мир, сделать так, чтобы вот это желтое пятно стало дельтой Ганга, а та оранжевая кривая — Скалистыми горами, заставить их мечтать о нашей планете. Сделать цифры учебников умными и доступными пониманию, открыть тайны жизни растений и их собственного тела, а в день выпуска сказать себе: «Теперь жизнь должна дополнить мои уроки. Я сделал все, что мог». Он никогда не говорил об этом. Но где-то внутри, в глубине души он знал, что сражается в этой войне только для того, чтобы подготовиться к миру.

Дверь кабинета Марселена открылась, и на пороге появился Бенуа. Настроение у него, по-видимому, было неважное. Он сухо позвал:

— Леметр!

— Я,— ответил Леметр.

— Зайди, полковник хочет поговорить с тобой.

Входя, Леметр увидел сначала Марселена. Затем Лирона — примостившись в углу, тот разглядывал свои ногти. И, наконец, Флавье: свежесбрившийся, он прямо сидел на стуле, холодный, как айсберг.

— Вот и Леметр,— сказал Марселен.— Я говорил о том, что отныне нас достаточно для сформирования трех эскадрилий. Бенуа будет командовать первой — эскадрилей ветеранов.

Леметр утвердительно кивнул. Это решение он находил естественным.

— Вторую я предложил капитану де Лирону. Но он отказался.

Все взоры обратились к Лирону. Кроме Флавье. Всей своей позой он выражал предельное негодование. Бенуа знал, о чем он думает: в армии не соглашаются и не отказываются — в армии выполняют приказ.

Лирон поднял голову. Он был похож на деревянное распятие в очень старой церкви. Глубоко врезанные морщины и потухшие краски на лице, еще заметные следы благородства, но уже и признаки некоторого упадка.

Его голос казался идущим издали: приглушенным, без интонаций, как если бы он доносился через ватные стены.

— Я полагаю, что этой чести более достоин Леметр.

Леметр взглянул на него с любопытством, в его глазах светилось дружелюбие.

— Это очень любезно, господин капитан, но почему вы всегда стараетесь остаться в тени?

Лирон вновь углубился в созерцание своих ногтей. Он улыбнулся своей обычной улыбкой — печально и покорно.

— Я не справлюсь с этой задачей,— спокойно сказал он.— До сих пор я старался делать как можно лучше. Предстоящие бои будут гораздо более жестокими. Вы, Леметр, должны воспитывать новичков в духе «Нормандии».

Леметр хотел что-то сказать, но Лирон прервал его жестом, живость которого странным образом противоречила его размеренной медлительности.

— Леметр, прошу вас,— сказал он.

Глаза Леметра были слишком черными и блестящими для нормандца. Он остановил их на темно-серых глазах капитана де Лирона. Тот не сделал попытки отвести взгляд. Один бог знает, что прочел Леметр под этими

отяжелевшими веками. Но, повернувшись к Марселену, он сказал:

— Пусть будет так!

Марселен никак не реагировал на его слова. Лишь официальным тоном объявил:

— Командиром третьей эскадрильи будет, естественно, майор Флавье.

Бенуа неуловимо напрягся. Леметр очень не любил, когда Бенуа усмежается. Горькая складка у рта, запавшие глаза. Он не мог удержаться, чтобы не взглянуть на него.

«О!— словно говорил Бенуа.— Ну и публика!» И вдруг, к своему огромному смущению, Леметр почувствовал себя соучастником, застигнутым на месте преступления. Он видел, что Флавье также напряжен, как и он, а Бенуа готов просто взорваться. Разум Леметра был против такого взрыва, а инстинкт желал его.

За перегородкой гремела «Нини-По-де-Шьен». Головами пятидесяти легчиков, из которых только двое или трое не перевирали мотив, она воспевала праздничное веселье на площади Бастилии, народные балы и девушек со смелым взглядом. Это была ужасная какофония, однако Марселен улыбнулся:

— Отлично, дело улажено... Я считаю, что ветераны и новички быстро установили контакт.

Флавье не шевельнулся. Один Бенуа заметил легкое подергивание его пальцев. Флавье заговорил совершенно бесцветным голосом:

— Вы в этом сомневались?— спросил он.

Марселен решил держать себя в руках. Если бы он дал себе волю, между ним и Флавье возникла бы страшная драка. Он — лично он — считал, что всегда лучше поставить точку над «i». Они были одного роста и, очевидно, одного веса... Он решительно отклонил эту сладкую мысль. Флавье был ему неприятен, это факт. Что он, Марселен, командир «Нормандии» — это другой факт. А то, что сегодня Флавье, превосходный летчик, является частью эскадрильи «Нормандия», — это третий факт, не менее важный!

— Нет,— медленно ответил он, выигрывая время, чтобы подобрать нужные слова,— я просто рад. Когда я вспоминаю наше прибытие... Мы прибыли в тот день, когда наш флот потопил себя в Тулоне. Мы узнали об этом на крошечном запасном аэродроме... трещал мороз,

— Казалось, все было потеряно,— сказал Леметр,— все пропало!

В нарушение всякой дисциплины он перебил Марселена — не для того, чтобы просто прервать,— чтобы поддержать его. Если бы пришлось в самом деле рассказывать эпопею «Нормандии», это было бы песней многих голосов. Но есть ли смысл говорить о «Нормандии» этому застегнутому на все пуговицы офицеру, который слушал их без тени улыбки и без жеста одобрения? Что мог он понять в воспоминаниях о той первой ночи, когда они спали на полу, о тех первых днях, когда они положили столько самолетов на глазах у огорченного Сарьяна, о первой победе, о первом погибшем... Майор по званию, Флавье, очевидно, в курсе дела!.. Он проник в их Историю, перешагнув через имена, даты, боевые донесения. Он должен стать частью эскадрильи, и, может быть, в один прекрасный день о нем тоже заговорят! Леметр постарался взять себя в руки. Ему было неприятно, что он позволил себе дойти до такой злости. Но, пытаясь совладать с собой, он возненавидел того, кто вынудил его к этому! Если бы Флавье хотя попытался быть немного человечнее! Если бы он сделал хоть один шаг навстречу, вместо того чтобы оставаться неподвижным, как пень, замкнутым, как тюрьма...

Не двигаясь, ни на кого не глядя, вдруг заговорил Бенуа — каким-то странным голосом, словно это был меч, который вкладывали в ножны, револьвер, который разряжали. Тогда Леметр увидел, как чуть изменился Флавье. Почти незаметно, просто какой-то новый оттенок во взгляде. Секунду спустя к нему вернулась прежняя бесстрастность. Но Леметру и этого было достаточно, чтобы понять, что между этими двумя людьми не может быть ничего более надежного, чем перемирие. Он еще не знал причин их конфликта; он даже допускал, что сами они не оценивают его как следует.

— Это было время,— говорил Бенуа,— когда тех, кто ехал в Россию, считали дезертирами или сумасшедшими, вешивающимися в дела, которые их не касаются! Я надеюсь, господин майор, что вы по крайней мере оцените это в новой ситуации.

Флавье застыл. Но прежде, чем он смог ответить, встал Марселен. Он взглянул на всех четверых: на Бенуа, готового к схватке, но сохраняющего внешнее спокойствие; на Флавье, находящегося на грани взрыва; на Лирона, решившего оставаться в роли зрителя; на Ле-

метра, спокойного и ясного, озабоченного лишь тем, чтобы не выйти из себя.

— Итак, мы договорились,— сказал Марселен твердым голосом.— Предлагаю приступить к формированию эскадрилий... Леметр, дайте мне точный список.

— Я должен остаться?— спросил Лирон.

— Нет,— сказал Марселен.— Спасибо, Лирон, не нужно.

Лирон вежливо и меланхолично кивнул, словно желая сказать: «Я понимаю, не беспокойтесь, я очень хорошо понимаю»,— и вышел из комнаты. Марселен проводил его взглядом, беспомощно развел руками и придвинул к себе список, положенный Леметром на стол.

— Приступим,— сказал он.

XI

...Неман — река длиной восемьсот пятьдесят километров, несущая свои воды через Россию, Польшу и Пруссию, впадающая в Балтийское море. Неман можно было бы назвать континентальной рекой. Воды его должны пройти длинный путь через разные страны, прежде чем достигнуть моря, которое в свою очередь тоже нелегким путем соединяется со свободными водами океана.

В Тильзите, на пароме посреди Немана, Александр встретился с Наполеоном. Во время первой мировой войны Неман служил русским защитой после поражения под Танненбергом и исходным пунктом для последующих контратак; воевала ли Россия или вела мирные переговоры — Неман являлся ключевой позицией.

Нормандия — провинция на крайнем западе Европы. Она находится напротив Англии и Америки. Там сочные травы, тучные хлеба, плодovitый скот. Белокурые девушки, выращенные на свежем мясе, на молоке, сливках и сидре, собирают яблоки и разглядывают стоящие в атлантических портах огромные пароходы, которые уходят к Новому Свету.

Нет ничего общего между восточной рекой, медленно текущей вдоль пологих берегов, и этой упершейся в океан западной землей с ее прибрежными скалами и пляжами. И тем не менее эскадрилья, названная «Нормандией», сражалась за то, чтобы Неман стал свободной рекой.

Вода... Настоящее море! Деревянный мост, перекинутый с берега на берег, далеко-далеко, мост над самой водой, хрупкий и качающийся, словно сходни корабля, и по нему провозят тонны железа и стали. Вокруг, в воде, все было в движении, волновалось... бесконечная масса людей перебиралась через реку вплавь, передних торопили плывущие сзади, оружие переправлялось на руках людей, на плотках, на лодках, ненадежных, опрокидывающихся, качающихся на волнах... Армия шла на тот берег, на немецкий берег Немана, чтобы встать на нем твердой ногой.

Кастор неотступно следил за разворачиванием операций и оценивал их размах. Если русские форсируют Неман, они сделают бросок вперед более чем на двести километров. Немецкий фронт в Белоруссии будет прорван, фрицы отступят к Литве и к Восточной Пруссии. Советская территория будет почти полностью освобождена.

В его ушах все еще стояли слова приказа командующего Первой воздушной армией, который им только что зачитали: *«Товарищ солдат, перед тобой район, оскверненный и разграбленный немецкими фашистами. Он ждет освобождения! Взгляни на многострадальную землю своей Родины и на карту: сотни деревень стерты с лица земли. Их сожгли фашисты...»*

Артиллерийские залпы стали глуше. Теперь пошли танки. Надежно защищенные броней, они двигались вперед, как чудовищные насекомые, уничтожая все на своем пути гусеницами и огнем орудий. Раньше стреляли тысячи пушек и летели тысячи самолетов, а сейчас шли тысячи танков, и по сторонам дремучий лес стоял в почетном строю, пропуская лес металла, сотни тысяч людей!

Они шли в страну, пейзаж которой вызывал представление о пейзаже на Луне. Земля была изрыта бомбами, обожжена; люди шли, и в эти часы все они походили друг на друга. Будь они из Киева или Казани, из Крыма или из Сибири, узбеки, киргизы или москвичи,— у всех было одно выражение глаз, одна усталость была отпечатана на их лицах, одна решимость укрепляла их силы. Перед этим гигантским бульдозером, перед этой камнедробилкой, принявшей размеры целой нации, катились на запад остатки вермахта.

Кастор наблюдал возвращение группы Флавье. Они прикрывали бомбардировщики, бомбившие немецкие укрепления на берегу реки. Затем им нужно было вернуться на базу, ведя бои по своему усмотрению,— свободная охота. Свободе-то «старички» и не были рады. Это была свобода для Флавье показать им, чего он стоит. Хотя Кастор и оставался на земле, он был достаточно близок к летчикам, чтобы разделить их волнения. Чтобы вызвать к себе уважение, Флавье прибавит им заботы. Вдруг Кастор вспомнил, как в момент вылета Тарзан прыгнул в самолет Вильмона. Тот выгнал его отсюда — не грубо, но решительно.

— Не надо никогда сюда залезать,— грозил пальцем, сказал он псу.— Это очень опасно для щенят!

Кастор раздраженно поморщился. «А как с людьми? С этим майором, который, возможно, захочет блеснуть...»

— Вот они!— закричал Лафарж. Вместе с несколькими новичками он стоял около Кастора.

Кастор почувствовал, как сжалось его сердце. Это группа или только то, что от нее осталось? Он тихо начал считать:

— Один, два, три...

И вдруг закричал радостным голосом:

— Девять! Все возвращаются!

Он был прав! Ни один не промолчал в ответ на его вызов. Один за другим они безупречно сели на площадку.

— Вот и мы, старина Кастор!— закричал Вильмон, высовываясь из кабины.

Он сиял почти детской радостью. Он готов был смеяться, без конца болтать, бегать как мальчишка, играя с Тарзаном. Леметр со свойственной ему сдержанностью тоже явно был доволен, однако в глазах его светился лучик мягкой иронии, особенно когда он смотрел на Бенуа. У того вид был несколько обескураженный. На герметически замкнутом лице Флавье нельзя было прочитать ничего.

Бенуа поколебался один момент, затем решительно подошел к майору.

— Господин майор!

Не говоря ни слова, Флавье повернулся к нему, снимая шлем.

— Господин майор,— повторил Бенуа,— перед нами, как на ладони, только что были два фрица. Почему мы не атаковали их?

— Потому что они вызвали бы два десятка других,

те летели на полторы тысячи метров ниже и не видели нас. Ради двух легких побед я не имел права так рисковать.

— Bravo,— воскликнул Бенуа.— Я поступил бы точно так же!

И совершенно непосредственным движением он протянул Флавье руку. Тот не пошевелился и, не приняв данной ему руки, посмотрел на Бенуа:

— Если меня не трогали ваши упреки, Бенуа, то не трогают и ваши комплименты.

И, оставив позади себя оцепеневших летчиков, он направился к баракам. Бенуа опустил руку. Теперь он был совсем обескуражен. К нему быстро подошел Леметр. Но Бенуа не сердился. Единственный раз за все время он казался растерявшимся.

— Ты понимаешь?— сказал он немного дрожащим голосом.— Я его искренне поздравил, а он послал меня к черту...

Леметр оставил его в замешательстве и быстрыми шагами направился за Флавье. Тот остановился и обдал его ледяным взглядом:

— Вы тоже хотите мне что-то сказать, Леметр?

— Да,— ответил Леметр.

— Хорошо, но покороче, Леметр.

— Почему вы отказались пожать руку Бенуа?

Флавье слегка улыбнулся, сухо и горько:

— Он очень добр! Я не совершил никакой ошибки, которую он мог бы мне простить, и не нуждаюсь в его великодушии...

— Вы не сделали ошибки, господин майор. Вы только опоздали...

Флавье хотел что-то сказать, но Леметр не дал себя прервать:

— О! Опоздали не по отношению к «старичкам», опоздали по отношению к самому себе... Но поскольку вы наверстали это опоздание... Разве у меня нет оснований так говорить?

На обычно невозмутимом лице майора что-то дрогнуло... Подобно льду на реке, когда весной он вдруг дает трещину... Флавье протянул Леметру руку:

— Спасибо, Леметр,— сказал он. И улыбнулся.

Наступление имело успех. Неман был форсирован. Но за это было заплачено дорого.

Мертвые, мертвые, мертвые... На доске «Нормандии» стерли много имен. Задания выполнены, одержаны победы... И столько товарищей навсегда уснули вдали от своих родных городов...

Во время одного из этих боев полковника Синицына вытащили из горящего самолета. Возможно, он мог бы вовремя прыгнуть... Но он надеялся, что сможет посадить самолет, спасти его... И вот... Колосс, казавшийся неуязвимым, полковник Синицын стал теперь всего лишь каким-то предметом, разлетевшимся на тысячи кусков. Товарищи сделали все, что можно сделать на месте, затем его положили на носилки — без сознания, без признаков жизни, — чтобы погрузить в самолет и отвезти в Москву. Возможно, там у него окажется больше шансов на спасение... Все летчики, которые не были в воздухе, выстроились в ряд, провожая носилки, словно это был уже гроб... Зачем нужно было куда-то везти этот труп, вместо того чтобы опустить его в землю?

Но совершилось чудо... Когда носилки поднимали в самолет, Сарьян, шагавший сбоку, увидел, как дрогнули губы Синицына...

— Коля, — спросил Сарьян, — Коля, тебе что-нибудь нужно?

— Поставьте меня на ноги! — прошептал Синицын.

Взволнованные санитары опустили один конец носилок и, оперев другой в трап, придали им почти вертикальное положение... И труп заговорил. Он сказал четким, сильным голосом:

— Я вернусь, товарищи, я обещаю вам, я вернусь, чтобы продолжать сражаться... обещаю вам.

Его глаза закрылись. Сарьян отвернулся. Он умер, его друг Коля? Французы смотрели, как полковник Синицын, товарищ их боевых дней на земле и в воздухе, исчезал в кабине самолета... Его воля заставила его сказать: «Я вернусь...» Но жить — это не всегда вопрос воли.

Их постигла еще одна катастрофа...

Июньским утром Флавье отправился в деревенскую больницу, расположенную за аэродромом. Ему предстояло выполнить долг, который сегодня был превыше всего.

Когда он вошел, было абсолютно тихо. Доктор, склонившись над кроватью, делал инъекцию. Вокруг молча

стояли летчики. На кровати лежало что-то до такой степени забинтованное, что невозможно было узнать, кто это.

Доктор выпрямился.

— Ну?— спросил Флавье.

— Я ничего не могу сделать,— устало сказал доктор.— Он уже не отвечает.

— Он слышит?

— Этого нельзя установить,— сказал доктор.

— Нужно, чтобы он слышал! Есть одна очень важная новость, которую он должен узнать.

Флавье стоял у кровати рядом с Бенуа и Зыковым. В этот миг, когда смерть стучалась в дверь, он чувствовал, что тот, кто лежит сейчас перед ними, полусгоревший заживо при взрыве самолета, был для них больше, чем товарищ или друг. Он был их братом, потому что всегда поступал по-братски.

Флавье настаивал:

— Он должен знать.

И, склонившись над человеком-мумией, он позвал:

— Леметр, ты слышишь меня?

Леметр не отвечал. Можно было подумать, что он мертв, если бы не почти неощутимое дыхание, выскользавшее из его опухших губ.

— Разве вы не видите, что его нужно оставить в покое?— сказал Вильмон.

Флавье не обратил на его слова никакого внимания.

— Леметр,— снова позвал он. Голос его зазвучал громче,— Леметр, покажи мне, что ты слышишь меня. Слушай хорошенько, Леметр, слушай. По радио только что объявили, что союзники высадились сегодня утром в Нормандии... Слышишь, Леметр, у тебя в Нормандии...

И он внезапно закричал:

— Они высадились, Леметр... Огромный флот! Полное небо самолетов!.. Они в Нормандии... Ты слышишь? Если можешь, Леметр, дай мне понять, что ты слышишь!

Сжав кулаки, обливаясь потом, он кричал по слогам:

— *Они высадились! Они высадились!*

Его голос вдруг оборвался — так лопаются струны у инструмента. Изнуренный, задыхающийся, он не был больше тем холодным и корректным Флавье, которого они знали.

— Они высадились,— повторил Флавье тихо, едва слышно.

И тут они увидели, как дрогнули лишенные ресниц веки. На одну секунду на лице трупа сверкнул невероятно живой взгляд. Дрогнули губы, и потом все застыло. Навсегда.

...Аэродром был совершенно пуст. Ни механиков, ни летчиков. Лишь вдаль он увидел одного человека. Шардон узнал Кастора — он был какой-то странный, взволнованный, он бежал ему навстречу, размахивая руками и выкрикивая что-то нечленораздельное,— Шардон слишком устал, чтобы пытаться понять, что.

Стояла августовская жара. Совсем близко ухнула пушка, потом еще две — в спокойном послеполуденном небе раскатывался отзвук залпов. Шардон, лучше, чем кто-либо, знавший, где сейчас проходит линия фронта, в изумлении прислушался. Подбежал запыхавшийся Кастор.

— Это салют артиллеристов, старина!— закричал он.

Только тогда Шардон понял, насколько все было странным. Пустынный аэродром, ликующий Кастор, непонятная стрельба из пушек...

— Что же произошло?

— Париж, Шардон... Освобожден Париж!

— Париж!— повторил Шардон.

И вдруг наконец понял, в чем дело:

— Бог мой! Так ведь я же из Бельвиля!..¹

Кастор ответил не сразу. Вид Шардона позволил ему убедиться, насколько это потрясающая новость. Больше недели «Нормандия» жила, буквально повиснув на радио, следила за восставшим Парижем. Все разговоры по вечерам носили стратегический характер. Обсуждали пути от Эколь Милитэр до Сената, от Пер-Лашез к Опере. Названия парижских улиц становились также названиями боевых операций. Дивизия Леклера, не останавливаясь, двигалась к столице.

Откуда бы ни были летчики — из Лилля или Марселя, из Бреста или Страсбурга,— у всех в сердце был этот город... Его баррикады были их баррикадами, его тревоги — их тревогами. Когда им говорили, что нацистские знамена все еще развеваются на комендатуре предместья Сент-Оноре, они впились ногтями в ладони. Фашистские танки кружились по Парижу, словно

¹ Бельвиль — один из парижских кварталов.

мухи, стремящиеся вырваться из паутины. Веселый ветер веял над «Нормандией»...

Собрание состоялось посреди каких-то страшных развалин. Остатки стен утопали в гирляндах и бумажных цветах, были украшены флажками и лозунгами на русском и французском языках. «Слава нашим французским боевым товарищам!» — было написано на одном из полотнищ.

Здесь были все: русские и французские летчики, механики, персонал столовой и различных служб базы. В глубине стоял генерал Комаров, а рядом с ним — полковник Синицын! Полковник Синицын, с подвешенной на шарфе рукой, с посеревшими скулами, но живой, стоящий на ногах! Словно он воскрес специально для того, чтобы приветствовать освобождение Парижа.

...Теперь пели «Марсельезу». «Марсельеза» по-русски — это странно звучало для французского уха... Французы присоединились к голосам русских. Синхронизировать эти голоса было трудно. Французы пели гораздо быстрее. Русские вкладывали торжественную серьезность в те места песни, где у французов слышались ноты бурной радости.

Шардон смотрел на Кастора, который полным голосом произносил грозные слова своего гимна. В этот час кровавое знамя тирании вышвырнули из его Бельвиля, вместе с защитниками Бельвиля сражалась милая свобода, и умирающие враги видели его триумф. Все эти фразы, эти заученные с детства слова старой революционной песни обретали свой смысл...

Пение закончилось. Комаров поднял руку.

— Господа, — сказал он по-французски.

Синицын сел. Ему было трудно стоять столько времени. Сарьян с нежностью смотрел на него. Если Синицын оборел, да еще так сильно, то это потому, что он хотел любой ценой спасти свой самолет и не прыгнул с парашютом. В тот день у Сарьяна невольно вырвался крик, который поразил всех, особенно потому, что исходил от Сарьяна:

— Надо было плевать на самолет!..

— ...Решением Советского правительства, — говорил Комаров, — в честь наших славных боевых действий при форсировании Немана...

«Слава... — думал Вильмон, — что такое слава? Мы живем в такое время, когда вопрос стоит не о том, быть или не быть героем, а о том, быть или не быть вообще».

— ...ваш полк будет отныне именоваться «*Нормандия — Неман*»!

Громовое «ура» раскатилось среди развалин. Бенуа кричал вместе с другими. Он не очень-то анализировал, почему, но это название доставляло ему удовольствие. Прямо перед ним стоял Зыков. Он озорно подмигнул ему. «Когда-нибудь,— думал Бенуа,— я отвезу Зыкова во Францию... Когда кончится война...»

Комаров поднял руку, все затихло.

— Указом Президиума Верховного Совета СССР трое из ваших товарищей удостоены высшей военной награды.

Он передохнул, как делал всегда, переходя на французский язык.

— Лейтенант Марсель Бенуа! Лейтенант Ролан де Вильмон!

Напряженным шагом они вышли из рядов и остановились перед столом, на котором лежали красные футляры. Под маской официальности в глазах Комарова плясал луч радости.

— Марсель Бенуа, Указом Президиума Верховного Совета СССР вам присваивается звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Ролан де Вильмон, Указом Президиума Верховного Совета СССР вам присваивается звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Он неторопливо пожал им руки и вручил каждому футляры с наградами и грамоты Героев.

Снова раздались крики «ура». «Если я так же бледен, как Вильмон,— думал Бенуа,— мы оба отлично подошли бы на роль Пьеро!» Он чувствовал комок в горле. И так как подобное волнение он всегда переносил с большим трудом, он, возвращаясь на место, подошел к Вильмону:

— Маркиз Ролан де Вильмон — Герой Советского Союза!.. Все увидят...

— Тетушка Аделаида лишит меня наследства,— вздохнул Вильмон.

И, сохраняя стойку «смирно», он доверительно добавил:

— Но мне на это наплевать!

Комаров взял еще три футляра. Он держал футляры так, что все могли видеть их.

— Такой же награды достоин лейтенант Леметр...—

Его голос чуть дрожал. После небольшой паузы он добавил:— Посмертно.

На этот раз не было никаких «ура», стояла полная тишина. Генерал обернулся к Флавье.

— Я вручаю эту награду командиру эскадрильи «Нормандия — Неман».

Флавье взял награду Леметра, кавалера Золотой Звезды и ордена Ленина. На этом опасном переходе, который вел их к победе, Леметр погиб, как те корабли с высокими бортами, погружившиеся в пучину и поглощенные жестоким морем. Леметр погиб! Леметр, который так хорошо умел помогать людям жить! Флавье смотрел на свою эскадрилью. До Берлина еще много дорог, они отомстят за Леметра...

Война продолжалась. Союзные армии продвигались на всех направлениях. Войска нацистов отступали. В один прекрасный день французы перешли Рейн. В один прекрасный день русские и американцы встретились на Эльбе. Окруженные, преследуемые, немцы теряли почву под ногами, умирали, сдавались в плен, бежали, прятались...

Эскадрилья «Нормандия — Неман» вместе с Красной Армией продвигалась на запад. Пейзаж на ее пути менялся, менялись язык, жилища и нравы людей... Не менялся лишь ужас, охватывающий их при виде руин, трупов, виселиц, всеобщего горя, человеческого унижения и сверхчеловеческих страданий...

В один прекрасный день пал Берлин. Освобожденные города, освобожденные люди, открывшиеся двери тюрем и лагерей... Победа!

С того дня, когда шестнадцать французских летчиков прибыли на маленький запасной аэродром где-то недалеко от Каспийского моря, девяносто шесть пилотов эскадрильи провели четыре тысячи триста пятьдесят четыре часа своей жизни над вражескими позициями, выполнили пять тысяч двести сорок боевых заданий, провели восемьсот шестьдесят девять боев, потеряв около половины своего состава.

* * *

Товарищи по оружию в последний раз собрались на аэродроме. Здесь были все, кто дожил до этой минуты,— французы и русские. Сегодня то, что осталось от эскадрильи «Нормандия — Неман», возвращалось во

Францию. Штаб генерала Комарова и Восемнадцатый гвардейский полк, который сражался вместе с эскадрильей «Нормандия — Неман», в полном составе выстроились на аэродроме, на отвоеванной земле. Пришел великий день, эскадрилья возвращалась на родину.

Они не были больше ни «беглецами», ни «дилетантами», ни «дезертирами». Они были летчиками эскадрильи «Нормандия — Неман». Они героически представляли свою страну в другой далекой стране... Пилоты заняли места в своих «ЯКах» — советское правительство подарило им эти самолеты. Советские друзья в последний раз собрались на аэродроме, чтобы увидеть, как они уходят в небо, на этот раз не в бой, а к себе на родину. Друзья, товарищи смотрели, как «ЯКи» взлетали в голубое небо, и в слезах этих людей, переживших так много, не проронив ни одной слезы, преломлялся свет солнца, и им виделась радуга славы.

* * *

Они улетали к миру, к счастью, к жизни, к иным делам, к иным событиям... Но те, кто улетал, и те, кто оставался, при всем разнообразии судеб, которые их ожидали, навсегда сохранили в сердце память о том, что было. Неугасимый огонь, узы дружбы, тесные узы, порвать которые не дано никому.

1960

Симона ТЕРИ

Тери, Симона (1897—1967) — французская писательница и журналистка. Член ФКП. Сотрудничала в «Юманите» и в других прогрессивных изданиях Франции. Автор публицистических книг о борьбе испанского народа против фашизма и о прогрессивных силах в послевоенном греческом обществе.

Отрывки из очерковой книги «Француженка в Советском Союзе» печатаются по тексту: Иностранная литература, 1972, № 10.

ФРАНЦУЖЕНКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

(Отрывки из книги)

В первый раз я побывала в Москве в 1935 году и собственными глазами увидела, что такое советская действительность. Оттуда я послала свою первую статью в «Юманите». Она была посвящена памяти нашего доброго Анри Барбюса, который до последнего дня призывал народы к борьбе за мир, хотя и чувствовал, что новая война стоит на пороге. В Москве я приняла решение вступить во Французскую коммунистическую партию.

Я намеревалась вернуться в Москву следующим летом. Но в 1936 году разразилась война в Испании, и я отправилась в Мадрид, где стала свидетельницей того, как силы реакции задушили Испанскую республику. После падения Мадрида мировая война стала неизбежной...

С тех пор прошло шестнадцать лет, и вот я снова в Советском Союзе. Еще в самолете я спрашивала себя: «Узнаю ли я Москву после этой войны?» И я в самом деле ее не узнала.

Но не война, не бомбежки сделали Москву неузнаваемой: она преобразилась в результате довоенного и послевоенного мирного строительства. Ведь советский народ пользуется миром не для того, чтобы готовить агрессивные войны, а для того, чтобы сделать свою жизнь богаче и счастливее.

Первым делом я решила пойти на Красную площадь, посетить Мавзолей великого Ленина.

— Я хочу отнести Ленину букет цветов.

— К сожалению, это не разрешается, — ответили

мне.— Если каждый принесет хотя бы по одному цветку, через полчаса в Мавзолей нельзя будет войти!

Но мне так не хотелось идти с пустыми руками, тем более что весь мой номер в «Национале» был полон цветов. Ни слова не говоря, я выбрала пару самых красивых алых гладиолусов. Там будет видно...

Мы выходим из «Националя». Что за чертовщина! Ведь я отлично помню, что для того чтобы попасть на Красную площадь, нужно пересечь лабиринт узеньких улочек с двух-трехэтажными домами. А теперь передо мною простирается огромная новая площадь, похожая на площадь Согласия!¹

— Старые улочки мешали движению,— объясняет мне переводчица,— поэтому их и решили снести. Теперь вы можете любоваться Красной площадью из окна гостиницы.

Я оглядываюсь по сторонам. Справа новую площадь замыкает прекрасное здание Манежа, налево высится огромное массивное строение в четырнадцать или пятнадцать этажей. Это гостиница «Москва». В 1935 году я видела, как ее начинали возводить.

Мы огибаем площадь. Отсюда, как я помню, начинается улица Горького, самая оживленная, самая деловая магистраль города. Но где же она? Я застываю в недоумении. Моя переводчица заливается смехом.

— Улица Горького на месте. Вы на ней стоите!

Чтобы понять мое изумление, вообразите, что, придя, скажем, на улицу Риволи², вы обнаруживаете вместо нее проспект, похожий на Елисейские поля!³

Вы помните сказку о Золушке, которая из замарашки превратилась в принцессу? Вот так же и старая Москва, с ее средневековыми улочками и грязными лачугами, словно по мановению волшебной палочки стала самой современной, самой просторной, самой грандиозной столицей мира, бережно сохранив при всем этом культурные ценности прошлого!

Вот мы и на Красной площади. Еще издали я замечаю длинную процессию, которая змеится по брусчатке вдоль Исторического музея, вдоль кремлевских стен. Ей не видно конца, она теряется в садах, окружающих

¹ Площадь Согласия — площадь в центре Парижа, одна из красивейших в городе.

² Улица Риволи — одна из улиц в центральной части Парижа.

³ Елисейские поля — крупнейшая магистраль Парижа.

Кремль. Я приближаюсь к Мавзолею, любуюсь его строгими и чистыми линиями. По сторонам небольшой двери застыли два юных солдата Советской Армии.

Люди входят в эту дверь медленно, в почтительном молчании. Это рабочие, интеллигенты, крестьяне, солдаты. Некоторые пришли сюда прямо с вокзала. Вот старая крестьянка с загорелым, изборожденным морщинами лицом, за ее юбку цепляется внук. Она украдкой смахивает набегающие слезы.

Уже двадцать шесть лет движется эта процессия. В июльскую жару, под осенними дождями, в январскую стужу люди часами ждут своей очереди, чтобы на несколько мгновений оказаться рядом с Лениным, чтобы взглянуть в лицо того, кто разбил цепи рабства и создал первое в мире социалистическое государство.

Я вхожу вместе со всеми, поворачиваю налево, спускаюсь по лестнице. Процессия затаила дыхание. Слышен только легкий шорох подошв по мраморным ступеням. Мы в сердце Мавзолея, в усыпальнице. Я устремляю взгляд на возвышение, по углам которого стоят четверо часовых. Там лежит товарищ Ленин.

Кажется, что он спит после рабочего дня, спокойно сложив натруженные руки. Ждешь, что вот-вот он вздохнет, проснется и заговорит с нами.

Я тихо кладу свои гладиолусы на край гроба. Спасибо тебе, товарищ Ленин, за то, что ты открыл всем нам великую дорогу к будущему!

* * *

Я в изумлении застываю перед огромной цветочной клумбой в форме звезды, подлинным шедевром садово-паркового искусства.

— Здесь девяносто видов различных цветов,— с гордостью объясняет мне садовник.— Не верите? Можете пересчитать!

Эта клумба, похожая на драгоценный ковер, находится в центре прекрасного парка. Вручая мне пышный букет только что сорванных цветов, садовник продолжает:

— Да это же мелочь, пустяки! У нас тут триста тысяч деревьев и кустарников. Что же говорить о цветах!

Сколько цветов! Какие они красивые, какие ухоженные! Где я? В городском саду? В поместье какого-нибудь богача? Нет. Я на окраине Москвы, на заводе «Калибр», выпускающем точные измерительные прибо-

ры. Может быть, это образцово-показательное предприятие? Отнюдь. Это самый обычный завод, к тому же довольно старый: он был построен еще в 1932 году, во время первой пятилетки.

В Советском Союзе, где каждый месяц вступают в строй десятки новых заводов, 19 лет — это огромный возраст, так что «Калибр» называют теперь заводом-дедушкой. В 1932 году СССР только начинал создавать тяжелую промышленность, чтобы догнать развитые капиталистические страны. Теперь новые технические средства позволяют строить куда более мощные и современные предприятия.

Я не инженер по профессии и поэтому должна признать, что больше всего меня поразили на этом заводе именно цветы. Вообразите себе завод, стоящий посреди парка! Выйдя из цеха, в котором грохочут машины, попадаешь на лужайку, усеянную кустами роз. Такие деревья, такие цветущие заросли обычно связываются в нашем сознании с днями юности, с весной, с порой отдыха, с прогулками по парку в воскресный день. Здесь же вся эта красота всегда перед глазами самого скромного труженика. Он может наслаждаться ею, едва покинув заводские корпуса, не успев еще вытереть ладоней, почерневших от мазута.

Здесь тоже зарабатывают свой хлеб в поте лица своего, но труд перестал быть проклятием, наказанием, наложенным на человека злобным богом. Здесь понятия «труд» и «красота» стали неразделимыми.

Новые условия труда породили новое отношение к труду. Советские рабочие знают, что трудятся не ради обогащения частных предпринимателей, а ради процветания всего общества, ради самих себя. Отсюда их законная гордость своим трудом, их воодушевление, их благородное стремление к соревнованию.

Центральная аллея, ведущая к заводу «Калибр», аллея Почета, украшена огромными портретами. Я решила, что они призваны увековечить память героев, погибших на войне. Но мне объяснили, что это портреты лучших рабочих и инженеров завода. У нас газеты полны статей о гангстерах, убийцах или королевах красоты. А в Советском Союзе самая большая честь воздается передовикам производства, известным артистам, крупным ученым. Их фотографии публикуются в газетах, о них пишут статьи, у них берут интервью. Это и есть подлинная слава!

Уровень жизни в Советском Союзе повышается из года в год. Советские люди все лучше питаются, все красивее одеваются, к их услугам все больше библиотек, театров, школ, стадионов, детских садов, Дворцов культуры, кинотеатров, домов отдыха.

И однако, чем глубже знакомишься с их жизнью, тем больше убеждаешься, что все эти баснословные достижения — не самое главное из того, что принесла им Октябрьская революция.

Теперь даже самые оголтелые враги Советского Союза не в силах отрицать, что эта страна, которая всего каких-нибудь три десятка лет назад тащилась в хвосте большинства капиталистических государств, стала могучей мировой державой. Они уже не могут закрывать глаза на ее фантастические успехи, на все убыстряющиеся темпы ее производства, которые оставляют позади даже темпы развития Соединенных Штатов. Они уже не могут не считаться со всем тем, о чем свидетельствуют как статистические данные, так и рассказы очевидцев, побывавших в Советском Союзе.

Вот почему апостолам антисоветизма, всем этим добросердным «гуманистам» и «моралистам», остается лишь язвительно восклицать: «Допустим, что эти достижения, которыми нам прожужжали все уши,— правда. Но что они, в сущности, означают? Выходит, что советские люди только и думают о том, как бы им посытнее поесть, получше одеться. Все они превратились в низменных материалистов. При чем же тут Человек с большой буквы? Индивидуум? Душа? Человеческое сердце?»

Заметьте прежде всего их поразительное, чудовищное равнодушие к насущнейшим человеческим нуждам. Какое дело этим салонным моралистам, привыкшим сладко есть и мягко спать, до того, что миллионы людей вырвались наконец из нищеты, избавились от безработицы, от неуверенности в завтрашнем дне, какое им дело до того, что все советские граждане, многие из которых были до революции безграмотными крестьянами или полудикими кочевниками, могут теперь есть досыта, имеют возможность отдавать своих детей в школу, пользуются бесплатным медицинским обслуживанием, имеют право на обеспеченную старость? Ведь каждый человек нуждается прежде всего в удовлетворении своих

материальных нужд: без этого он просто не смог бы существовать. Чтобы быть свободным, ему нужно сначала освободиться от голода. А что стоит «свобода» по-американски, когда одним предоставлена свобода накапливать миллиарды, а другим — ночевать под мостами и подыхать с голоду?

Теперь невозможно отрицать социальные и экономические победы советского строя. Потому-то клеветники всех мастей, припертые к стенке неопровержимыми данными, и пытаются отыгаться, разглагольствуя о Человеке. Что может быть проще! Ведь Человека, с его моральными качествами, с его душой, с его сердцем, не втиснешь в статистические отчеты, не выразишь на языке цифр!

И тем не менее моим самым поразительным открытием в СССР было именно открытие советского человека. Новый человек, его моральные качества составляют самую необыкновенную, самую удивительную, самую высшую победу советского строя.

В конечном счете рождение нового человека не является ни чудом, ни случайностью. Вполне естественно, что, предоставив в распоряжение всех граждан накопленные совместным трудом богатства, открыв им доступ к сокровищам культуры, коренным образом изменив условия их жизни, преобразовав их отношения между собой, их отношение к труду, их отношение к правительству, ставшему подлинно народным, советский строй тем самым мало-помалу преобразил и самих людей.

Лишь благодаря этим социальным завоеваниям стало возможным рождение нового человека. Каждый советский гражданин получил возможность день ото дня развивать все лучшее, что в нем заложено, год от года становиться все более достойным благородного звания человека.

Какими словами определить этого нового человека, эти новые моральные качества? Здесь мы находимся в области, к которой неприменимы обычные мерки. Можно сфотографировать Дворец культуры, но не человеческую душу. Можно выразить в цифрах продукцию той или иной фабрики, но где отыщешь цифры, которыми измеряются доброта, отвага, благородство, бескорыстие? Говорить обо всем этом трудно еще и потому, что советские люди, так охотно показывающие гостям свои города, заводы, новостройки, предпочитают помалкивать, как только разговор переходит на эту тему.

Почему? Прежде всего, очевидно, потому, что не могут же они, в самом деле, сказать иностранцам: «А теперь поглядите на нас: видите, какие мы хорошие!» Но главным образом потому, что в подавляющем большинстве они даже не отдают себе в этом отчета. И в этом нет ничего удивительного. Ведь процесс перерождения свершался медленно, постепенно, незаметно для них самих. К тому же он охватил одновременно всех советских людей, так что у них не было никаких критериев для сравнения. Разве человек удивляется тому, что он таков, каков он есть?

Но путешественнику, прибывшему из-за границы, сразу бросается в глаза разница между тем, что он видел у себя дома, и тем, что видит здесь.

Здесь все иначе, здесь совсем иная атмосфера. Как ее описать? Первое, что поражает вас на улице, это ощущение счастья. У прохожих открытые, довольные, приветливые лица.

Побывав в Советском Союзе, замечательный художник Жан Эффель остался в восторге от всего увиденного. Его не замедлили упрекнуть в том, что он позволил «заморочить себе голову», стали уверять, что он видел то, что было «угодно властям». На все это Эффель ответил с лукавой улыбкой: «Выходит, что ради меня власти приказали миллионам людей притворяться, будто они счастливы».

* * *

Впервые в жизни я еду в Ленинград. Знаменитая «Красная стрела» отправляется из Москвы поздно вечером и прибывает в Ленинград утром. Как следует выспавшись на мягкой кушетке, я встаю и отдергиваю занавески, чтобы полюбоваться пейзажем. Поезд мчится сквозь сосновые рощи и березовые перелески, мимо полей, лугов, озер, мимо огородов с подсолнухами, которые весело тянут к солнцу свои золотые головки.

Здесь шли ожесточенные бои, все вокруг было разрушено захватчиками. А теперь вдоль всего полотна, во всех городах, городишках, деревнях идет стройка. Повсюду растут новые дома. Мимо окон то и дело проносятся надписи, старательно выложенные из камешков на покрытых травой откосах: «СССР — оплот мира во всем мире»...

Ленинград! Я вспоминаю Марию, переводчицу с французского, с которой мы подружились в доме отды-

ха имени Серафимовича, где она проводила свой отпуск. «Я из Ленинграда!» — с гордостью заявила мне она, едва мы успели познакомиться. Впрочем, кто из жителей Ленинграда не гордится своим городом? Между москвичами и ленинградцами издавна существует трогательное соперничество: они стараются убедить друг друга, что их город самый лучший на свете.

И ленинградцам есть чем гордиться. По пути в Ленинград я не уставала расспрашивать Марию про блокаду, про эти страшные девятьсот дней непрерывных бомбежек. Целые кварталы были разрушены снарядами и бомбами. В городе не осталось ни одного дома, который не пострадал бы от обстрела. Канализация не работала, воды не было — приходилось продалбливать проруби в невском льду. Не было ни электричества, ни отопления. И самое главное — не было хлеба. Ужасной зимой 1941/42 года хлебный паек составлял всего 125 граммов в сутки на человека. 125 граммов! И больше ничего! По льду Ладожского озера — единственной дороге, связывавшей Ленинград с Большой землей, грузовики, преследуемые немецкими истребителями, доставляли в изнемогающий город муку. Дома рушились под градом снарядов. Бомбежки, пожары, холод, голод... Люди умирали тысячами...

— Но что же говорили люди, жившие в этом аду?

— Они стискивали зубы и умирали.

— Так ничего и не сказав?

— Говорили мало. Берегли силы, чтобы выжить, чтобы помочь выжить родным, соседям, чтобы выстоять, чтобы победить!

— А не было ли в городе беспорядков? Никто не говорил о сдаче?

Когда я задала Марии этот вопрос, мы прогуливались по коридору вдоль купе. Она остановилась и ошеломленно посмотрела на меня. Потом с возмущением воскликнула:

— Никто!

Таков Ленинград, город Ленина.

Все это может служить лишним доказательством того, какие высокие моральные качества, какое величие духа мог воспитать в своих гражданах советский строй. В какой еще стране отыщутся примеры такого единодушия и героизма? Разбить врага помогло не только оружие, не только мужество — ведь и немецкие солдаты не были трусами, — но прежде всего величие духа совет-

ского народа. Это оно сделало его непобедимым. И если потребуется, оно вновь поможет ему одержать победу над любым захватчиком.

На следующий день по приезде в Ленинград я отправилась в Петергоф, загородную резиденцию Петра Великого.

Здесь проходила линия фронта. Немецкие окопы отделяло от советских укреплений несколько сот метров «ничейной земли». Но теперь уже почти не отыскать следов разыгравшейся титанической битвы. Все было убрано, расчищено, приведено в порядок. Лишь изредка натыкаешься на куски колючей проволоки, торчащие из земли, словно стебли чертополоха.

А вот и сам Петродворец, жемчужина архитектуры XVIII века, приводившая в восхищение туристов всего мира. Я вхожу в парк и замираю на месте. Сердце разрывается на части от скорби, гнева и негодования. Как они осмелились на это? Подумать только, эти человекообразные чудовища, эти вандалы и дикари утверждали, что защищают европейскую цивилизацию от азиатского варварства! Чтобы понять мои чувства, представьте себе, что, приехав в Версаль, вы видите вместо дворца только обломки стен, почерневшие от пожара. Перед тем как уйти из Петергофа, фашисты тщательно, методично, аккуратно заминировали великолепный дворец Петра Великого и взорвали его. Потом облили развалины бензином и подожгли их.

Ленинградцы намереваются восстановить Петродворец таким, каким он был раньше. Это потребует огромных усилий, а сейчас есть задачи более неотложные. Но парк уже приведен в порядок, уже бьют знаменитые фонтаны, уже струится по прекрасным ступеням французского мрамора большой каскад.

Перед тем как покинуть Ленинград, я отправилась на Марсово поле. Здесь, в центре города, недалеко от Невы, похоронены участники Октябрьского переворота. Рядом с видными революционерами покоятся безымянные герои: петроградские рабочие, солдаты и матросы, под руководством Ленина сражавшиеся против юнкеров и белогвардейцев. Я пришла поклониться их праху, прочесть высеченные на камне надписи. Они были сделаны еще тогда, когда молодая Республика Советов отражала агрессию четырнадцати государств.

Вот одна из этих надписей:

«Со дна угнетения, нужды и невежества поднимая ты, пролетарий, себе добывая свободу и счастье; все человечество ты ошастливишь и вырвешь из рабства».

А вот другая:

«1917—1918 гг. вписали в анналы России великую славу — скорбные светлые годы. Посев ваш жатвой созреет для всех, населяющих землю».

* * *

Под крылом самолета, насколько хватает глаз, простирается бесконечная голая равнина, выгоревшая под солнцем. Кое-где, словно волны на море, на ней вздуваются пологие холмы. Это степь. Следы войны отпечатались на этой нагой земле отчетливей, чем следы босых ног на песчаной отмели. Мне уже приходилось пролетать над полями сражений, но никогда я не видела ничего подобного. Равнина изрыта бомбами, усеяна огромными воронками. Она похожа на покрытое оспинами лицо. Вдоль каждой складки рельефа, вдоль каждого бугорка тянутся запутанные лабиринты траншей. Кажется, что вся земля перепахана здесь исполинским плугом.

А ведь до Сталинграда еще далеко. Что же нас ждет в самом городе? Где взять мужество, чтобы без содрогания взглянуть на его священные руины?

Но едва очутившись на веселом зеленом аэродроме, я спросила себя: уж не ошиблась ли я? Неужели это и вправду цель нашего путешествия, а не какая-нибудь промежуточная посадка? Передо мной вставал не трагический Сталинград военных лет, а город, подобный тем, которые могут только пригрезиться в счастливом сне. И когда я вошла в этот сон, он не рассеялся. Это был город, каких мне еще не приходилось видеть: волшебный город белых дворцов, ослепительно сияющих под бледно-голубым небом. И, увидев этот Сталинград, наш Сталинград, за который отдали свою жизнь тысячи героев, я уже не смогла удержаться: слезы радости потекли по моим щекам...

Мне понадобилась бы целая книга, чтобы описать все, что я видела в этом лучезарном городе, описать встречи с его защитниками, с его строителями. Меня возили по городу, показывали то, что уже сделано, рассказывали о том, что еще предстоит сделать. Но в моем сердце слово «*Сталинград*» связано с иными образами,

и поэтому я всякий раз просила, чтобы мне показали те места, где разыгрались эпизоды великой битвы, о которых я знала по книгам.

Я видела дом Павлова. Он знаменит вдвойне. Во-первых, потому, что здесь сержант Павлов с шестнадцатью бойцами отражал натиск целого немецкого батальона. Немцам так и не удалось прорваться к Волге, от которой их отделяла всего какая-нибудь сотня метров. Во-вторых, потому, что именно с этого дома началось восстановление Сталинграда. Однако в память о подвиге советских воинов этот дом не восстановлен до конца: он остался неоштукатуренным. На изрешеченной пулями стене сохранилась надпись, сделанная сержантом Павловым в одну из ночей битвы: *«Мы защитим тебя, Сталинград!»*

За домом Павлова высится скелет здания из красного кирпича, зияющий пробоями, опаленный пожаром. Это все, что осталось от огромной мельницы, в которой находился штаб одного из полков. Эти развалины решено сохранить в неприкосновенности, чтобы, глядя на них, будущие поколения советских людей могли представить себе Сталинград, каким он был после войны. На мемориальной доске начертано: *«Здесь стояли насмерть герои-красногвардейцы. Пусть их подвиги послужат для вас примером».*

В центральной части города разбит великолепный сад с цветочными клумбами. Здесь идет реставрация памятника героям Царицына. За ним — огромная братская могила, где покоятся защитники Сталинграда. А чуть подальше — еще одна могила, покрытая цветами. В ней погребены три Героя Советского Союза: испанец Рубен Ибаррури, сын Пассионарии, русский Каменщиков и татарин Фахтадинов. Этот могильный холм — символ братства народов всей Земли с народами Советского Союза.

На Мамаев курган, самую высокую точку города, где разыгралась решающая битва, меня сопровождает Евгений Грушенков. До войны он работал токарем на Тракторном заводе, но его подлинным призванием была, как он мне сам сказал, история. Он окончил заочное отделение исторического факультета педагогического института, потом четыре года сражался. А теперь работает в Историческом музее. Его основное занятие — сбор и изучение документов, относящихся к Сталинградской битве.

Мамаев курган — это совершенно голый холм, перепаханный снарядами до такой степени, что, кажется, на нем никогда больше не вырастет трава. Хотя основная масса искореженного железа уже убрана, здесь еще осталось почти столько же металла, сколько земли. Стоит лишь нагнуться, чтобы подобрать осколок или пустую гильзу. Я взяла на память несколько осколков, а также горсть священной сталинградской земли, пропитанной кровью героев, которые отдали свою жизнь за освобождение Европы и моей родины — Франции.

Отсюда открывается восхитительный вид на Волгу. Возле Сталинграда она достигает ширины двух с половиной километров. Это уже не река, а настоящее море. Вдалеке, на пологом противоположном берегу, золотится полоска пляжа...

На вершине Мамаева кургана высится обелиск, воздвигнутый самими бойцами в честь их павших товарищей. На нем начертано: *«Вечная слава бессмертным героям»*.

Отсюда мы отправились во Дворец культуры Тракторного завода. Это и впрямь настоящий дворец! А ведь это — всего-навсего заводской клуб, в котором отдыхают простые металлисты. Издалека он сияет под луной, как светильник, высеченный из алебастра. Когда я посмотрела вниз с высоты его террасы, мне показалось, что я на берегу Средиземного моря. Но это неподвижное водное пространство было, разумеется, Волгой, от которой нас отделял только разбитый вокруг дворца сад. На черной воде дрожали серебряные лунные блики. Дул теплый ветер, благоухали цветы, искрились фонтаны. Все вокруг дышало невыразимым миром...

Этот клуб оказался целой вселенной! В нем шесть тысяч квадратных метров площади, сорок шесть великолепных залов, в наименьшем из которых могла бы без труда поместиться добрая сотня человек. В одном из них, полном мольбертов, палитр и ящиков с красками, металлисты под руководством опытных преподавателей обучаются живописи. В другом — пению. В третьем — танцам. Музыкальный кружок с внушительной батареей духовых и струнных инструментов. Драмкружок для актеров-любителей. Шахматная секция. Библиотека в 50 тысяч томов. Курсы кройки и шитья. «Рабочему стоит только пожелать, — объясняет мой гид, — и он может заняться чем угодно». Вот еще один зал, где проходят занятия по технике безопасности. Их посещение обязатель-

но для всех недавно пришедших на завод рабочих. Ведь человек — это самый драгоценный капитал...

И все это, разумеется, предоставлено рабочим бесплатно, платит за все завод, отчисляя средства из фонда, предназначенного на культурные нужды.

Прежде чем покинуть Дворец культуры, я останавливаюсь перед копией репинских «Бурлаков», висящей в конце коридора, украшенного фотографиями лучших рабочих завода. Копия выполнена настолько мастерски, что ее трудно отличить от оригинала. Босые, одетые в лохмотья люди с измученными лицами тянут вверх по течению баржу. И я думаю о том, что теперь сыновья и внуки горемык изучают живопись, играют на скрипках и танцуют в этом Дворце... Я смотрю на эту трагическую картину недавнего прошлого, и мне становится еще понятней порыв металлистов Сталинграда, которые своими телами останавливали фашистские танки. Они знали, за что сражаются, за что умирают: чтобы отстоять все то, что дала им социалистическая Родина...

1952

Анри ЛАНГЛУА

Ланглуа, Анри (р. в 1905 г.) — киновед, кинокритик, организатор и руководитель французской Сinemатеки — одной из крупнейших фильмотек мира. А. Ланглуа внес большой вклад в дело пропаганды советской киноклассики во Франции и в других странах.

Письмо Александру Довженко печатается по тексту: Искусство кино, 1984, № 9. Статья «Талант, обращенный в будущее» печатается по тексту сборника «Пламенная жизнь». Киев, Дніпро, 1973.

«ВЫ ОДИН ИЗ САМЫХ ВЕЛИКИХ МАСТЕРОВ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

(Письмо Александру Довженко)

*Париж, 15 октября 1956 года
Господину Александру Довженко.
Можайское шоссе, 36/50, кв. 92,
СССР, Москва*

Дорогой мастер!

По случаю двадцатилетия со дня своего основания Французская синематека организует чествование крупнейших режиссеров нашего времени: Чарлза Чаплина¹, Эрика фон Штрогейма², Луиса Бюнюэля³, Рене Клера, Роберто Росселлини⁴ и других, многие из которых уже дали свое согласие приехать в Париж по этому случаю.

Что касается советских кинематографистов, Французская синематека решила избрать Вас, так как Вы рассматриваетесь во Франции как один из самых великих мастеров нашего времени, а после смерти Эйзенштейна, Пудовкина и Дзиги Вертова являетесь единственным представителем группы великих основоположников, которые создали славу советскому кинематографу.

¹ Чаплин, Чарлз Спенсер (1889—1977) — американский актер, кинорежиссер, сценарист, композитор и продюсер. Классик мирового кино. В 1954 году был награжден Международной премией мира.

² Штрогейм, Эрик (1885—1957) — американский кинорежиссер и актер.

³ Бюнюэль, Луис (р. в 1900 г.) — испанский кинорежиссер.

⁴ Росселлини, Роберто (1906—1977) — итальянский кинорежиссер.

Для нас будет большой честью принять Вас во Французской синематеке. К нам присоединяется Комиссия исторических исследований, которая сообщает Вам, что будет счастлива по этому случаю принять Вас в Сорбонне, как некогда это имело место с Эйзенштейном.

Прошу Вас рассматривать это письмо как официальное приглашение и в адрес мадам Довженко¹.

Ваше чествование было намечено на февраль, но перенесено на первую неделю декабря, ибо мы узнали, что в конце этого года Вы приступаете к работе над новым фильмом², а наше желание приветствовать Вас в нашем музее необычайно велико.

Мы будем бесконечно благодарны Вам, если Вы соизволите принять наше приглашение. Все расходы по Вашему пребыванию мы берем на себя.

Чествование, которое мы посвящаем Вам, состоится с 2 по 6 декабря. Мы были бы счастливы встретить Вас в Париже в конце ноября, чтобы Вы имели возможность присутствовать и на празднествах в Сорбонне.

Надеясь на положительный ответ³, прошу Вас, дорогой мастер, принять выражение моих самых искренних чувств.

*Генеральный секретарь
Анри Ланглуа*

¹ А. Ланглуа имеет в виду Ю. И. Солнцева. Солнцева Юлия Ипполитовна (р. в 1901 г.) — советская киноактриса и кинорежиссер, народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии. Жена и соратник А. П. Довженко. Принимала участие в создании всех фильмов А. П. Довженко, начиная с «Земли», как ассистент режиссера, второй режиссер и сорежиссер. После смерти А. П. Довженко поставила по его сценариям художественные фильмы «Поэма о море», «Повесть владенных лет», «Зачарованная Десна», «Незабываемое». Является автором фильма-эссе о жизни и творчестве А. П. Довженко «Золотые ворота». Ю. И. Солнцева вела и продолжает вести большую архивную, музейную и издательскую деятельность по увековечению памяти великого кинорежиссера и писателя. Ю. И. Солнцева провела большую работу по восстановлению и сохранению авторских экземпляров всех довженковских фильмов.

² Речь идет о фильме «Поэма о море».

³ На приглашение А. П. Довженко послал следующий ответ: «Я принимаю Ваше любезное предложение и приеду к Вам в Париж с женой Юлией Солнцевой в конце ноября или начале декабря, о чем извещу Вас дополнительно телеграммой». Однако поездке осуществиться не удалось — 25 ноября 1956 года А. П. Довженко скончался.

Пьер ГАМАРРА

Гамарра, Пьер (р. в 1919 г.) — поэт, прозаик, публицист. Член ФКП, Участник движения Сопротивления. Директор журнала «Эроп». Автор романа о Парижской коммуне «Семьдесят два солнечных дня» (1975).

Очерк «Образ матери» печатается по тексту: Иностранная литература, 1957, № 11.

Статья «Солнце» печатается по тексту: Иностранная литература, 1970, № 4.

Статья [Их путь был озарен искрами] печатается по тексту сборника «Друзья Октября и мира», 2-е изд. М.: Прогресс, 1977.

ОБРАЗ МАТЕРИ

Гляди, с флагом! В руке-то — флаг!

Максим Горький. «Мать»

Моя бабушка была совсем простая и наивная женщина. Она пришла в город из деревенской глуши; всю жизнь она работала не покладая рук, и ей были ведомы лишь самые скромные радости. Любовь к родным наполняла ее счастьем, и она радовалась, видя, как ее дети, а затем внуки набирались сил и вырастали на ее глазах. И конечно же, она надеялась, что они узнают лучшую жизнь, то есть будут здоровы, и у них всегда будет работа, кров над головой и тесто в квашне. Но она никогда не задавалась большими вопросами — о судьбах мужчин и женщин, о тех средствах, с помощью которых они могли бы изменить свой удел, покончить с несправедливостью, с великими муками и страшными бойнями.

В представлении этой старой женщины с ласковым лицом, изрезанным множеством морщин, как и в представлении той молоденькой служанки, какой она некогда была, жизнь нельзя было изменить: она шла раз и навсегда заведенным порядком. Надо было работать и снова работать, если удавалось — откладывать грош, если удавалось — сберегать краюху хлеба, улыбаться и петь как можно чаще.

Она стоит перед мной глазами такой, какой была в конце своей жизни. Прожила она очень долго, и подчас ей изменяла память. Я беседовал с нею. Она пела мне песни, какие певали в ее краях. Я забрасывал ста-

рушку вопросам, пытаюсь пробудить в ее памяти обстановку и события далекого прошлого, которые, как я чувствовал, смутно витали в ее воспоминаниях, готовые ускользнуть навсегда. И меня несколько раздражала неуверенность ее ответов; раздражала меня также и ее покорность судьбе. До конца дней своих она оставалась боязливой и скромной, простой и незаметной: она походила на муравья, маленького трудолюбивого муравья... Конечно же, она не могла многого знать, конечно же, она не знала, что грядущее не будет походить на прошедшее и что это грядущее уже подготавливается и ее бедными морщинистыми руками...

Я сохранил к ней огромную привязанность и никогда не забуду ни доброго улыбающегося лица, ни светлых, выцветших глаз, в глубине которых мне виделась вся ее многотерпеливая жизнь.

Когда я перечитываю «Мать» вашего, нашего Горького, я вспоминаю о своей бабушке. Не для того, конечно, чтобы уподобить друг другу двух этих женщин. Я вижу в них много общего, хотя у них немало и различного. Но образ моей бабушки сообщает образу Матери черты, роднящие его с моей страной, с моей душой. Суровая, огненная музыка незабываемых строк постоянно звучит в моей памяти:

«...Ищут дней светлых. Хотят другой жизни, в правде, в справедливости... добра хотят для всех!

У нее рвалось сердце, в груди было тесно, в горле сухо и горячо. Глубоко внутри ее рождались слова большой, все и всех обнимающей любви и жгли язык ее, двигая его все сильнее, все свободнее».

Я дохожу до этого места — и вижу, как рассеивается мрак, и мне ведом гнет мрака и мне ведомы заслуги тех, кто ускорил зарождение дня. Я думаю о всех матерях мира, о множестве скромных женщин, у которых в тот или иной час их жизни на устах трепетали слова бесконечной любви. Они не всегда умели или могли их произнести. Не каждой из них представлялся случай броситься с бьющимся сердцем в гущу схватки и подобраться знамя. И однако многие среди них или, вернее, все — каждая на свой лад — держали в руках лоскут знамени. Они передали нам человеческую доброту и достоинство, истинное благородство.

Разрешите мне поделиться с вами этим весьма скромным воспоминанием, неотъемлемым от бессмертного образа, созданного Горьким. В великих произведениях

каждый находит для себя нечто новое, они волнуют каждого по-своему. Для великой годовщины, которую мы празднуем, образ незаметного, трудолюбивого муравья, образ женщины, чей силуэт почти неразличим на бесконечных дорогах прошедшего, — подарок малозначительный. Но значение и сила этого образа возрастут, если разглядеть за ним лики других женщин, матерей, чьи сердца уже трепещут сегодня, но чьи уста еще не умеют произносить нужные слова.

Мы должны быть упорными, терпеливыми, исполненными достоинства, подобно незаметным женщинам прошлого; мы должны действовать с той прозорливостью, которая была достигнута в результате самоотверженной борьбы множества героев — и тех, кто снискал себе громкую славу, и тех, кто остался в неизвестности. Мы должны добиться, чтобы все матери мира, которых день ото дня становится все больше и больше, вторгались бы, подобно Ниловне, в самую гущу схватки и поднимали знамя «добра для всех».

Желая прославить сороковую годовщину Октября, желая передать вам привет и засвидетельствовать мою привязанность, я мог бы обратиться ко многим дорогим моему сердцу книгам, фактам и образам. Я избрал образ Матери, одной матери, всех матерей. Справедливость, братство, счастье — все, что завоевала Революция, все, что мы еще завоеваем, борясь за мир во всем мире, — все это будет особенно ярко сверкать во взоре матерей.

Луиза МАМИАК, Андре ВЮРМСЕР

М а м и а к, Л у и з а — французская журналистка, жена Андре Вюрмсера.

В ю р м с е р, А н д р е (1899—1984) — французский писатель, журналист, литературовед. Член ФКП. Участник движения Сопротивления, организатор антифашистской подпольной прессы в Тулузе. Брошюра Андре Вюрмсера «Что нужно знать об СССР» была конфискована гестаповцами и увидела свет лишь после освобождения Франции. В послевоенные годы А. Вюрмсер — вице-президент Национальной федерации французской прессы, постоянный сотрудник «Юманите». Его комментарии, опубликованные в «Юманите», составили публицистический сборник «Но... говорит Андре Вюрмсер». Автор монографии о жизни и творчестве Бальзака «Бесчеловечная комедия». В результате поездки в СССР в 1959 году Л. Мамиак и А. Вюрмсер написали очерковую книгу «СССР открытым сердцем» (1960).

Главы и фрагменты из этой книги печатаются в переводе А. А. Тарасевича-Скрыльникова и А. И. Кристаловского по тексту: М а м и а к Л у и з а, В ю р м с е р А н д р е. СССР открытым сердцем, М.: Госполитиздат, 1961.

СССР ОТКРЫТЫМ СЕРДЦЕМ

(Главы и фрагменты из книги)

Предисловия

к советскому изданию

Помимо клеветнических и злопыхательских, во Франции есть немало и других книг о Советском Союзе. На протяжении более сорока лет многие теоретики, экономисты, историки, социологи, политические деятели, писатели, журналисты, туристы описывали Советский Союз со своей точки зрения, в меру своего таланта, своих знаний, своего темперамента. За последние годы особенно резко возросло число добросовестных книг: в этом одно из замечательных доказательств успехов социализма.

Какими бы недостатками ни обладали эти книги, как бы ни была ошибочна интерпретация тех или иных вопросов, можно только радоваться умножению их количества. Познакомиться с Советским Союзом стремятся самые разные люди, поэтому любое высказывание представляет какой-то интерес, любое высказывание не является совершенно бесполезным. К тому же сам СССР настолько многообразен, что в нем всегда можно уловить один... тысячу новых аспектов, да и меняется он с такой быстротой, что идеальной книгой о нем было бы

нечто вроде вахтенного журнала путешествия, которому не будет конца.

Каждая новая искренняя книга— это новая черта, новый луч света, новый цветовой оттенок, новое эхо, новый отблеск, помогающие увидеть и понять великое явление, образ которого в человеческом восприятии всегда остается неполным и устаревшим.

Но следует признать, что данные о миллионах тонн, миллионах гектаров и киловатт немного говорят массе французов. Во Франции между производством и гражданами стоят тресты и акционерные общества со всеми своими международными и национальными комбинациями — все эти хитросплетения труднодоступны пониманию французов, ибо многие из них просто плохо информированы; психологически же в условиях нашего строя это приводит к тому, что французы мало интересуются цифровыми данными, поскольку цифры никогда не касаются их непосредственно, не оказывают логического, конкретного влияния на их жизнь. Естественно, что цифровые данные о Советском Союзе интересуют их еще меньше. Они слишком астрономичны, чтобы быть доходчивыми, убедительными для французов. Возможно даже, что они мешают им разглядеть более живую и осязаемую действительность и тем самым лучше понять социалистический мир, как если бы за лесом цифр им было трудно разглядеть дерево — человека.

Многие французы хотели бы «войти в Советский Союз» через менее монументальную, чем цифры, дверь. Большинство тех, кто стремится посетить СССР, далекий СССР, поездка куда обходится в немалую сумму старых или новых франков, желают прежде всего познакомиться с людьми, увидеть жизнь в ее самых повседневных, общечеловеческих проявлениях. Предосудительно ли это?

Конечно, на таком пути есть свои опасности. Нет сомнения, что советский гражданин, лучше знакомый с большими проблемами, потому что они имеют для него и личный характер, сможет, основываясь на глубоком знании основных принципов и закономерностей, охватить французскую действительность полнее, чем если бы его взор был прикован к калейдоскопу обманчивых внешних проявлений повседневной жизни. Но, обладая необходимыми основными познаниями, можно проникнуть в сущность вещей, идя от частного к общему,— такой метод в данном случае не хуже любого другого.

Именно под таким углом зрения, описывая самые простые, конкретные факты, приводя рассказы самых разных, но отнюдь не исключительных людей, каких мог бы встретить в СССР любой из французских читателей, мы стремились пробудить мысль французов и подвести их к восприятию более общей истины, к более правильному пониманию советской действительности.

В парижском метро случается видеть пассажиров, пытающихся читать газету в руках у своих визави. Так и ты, советский читатель, будешь читать с изнанки книгу, которая предназначалась не тебе; в ней ты увидишь портрет, который — во всяком случае, мы к этому стремились — является твоим портретом, десятки раз набросанным в записной книжке путешественника, который хочет, чтобы его поняли, и поэтому внимательно фиксирует каждую деталь, позу, выражение лица. Конечно, может статься, что тот, с кого написан портрет, не узнает какой-нибудь свой жест, свою улыбку, свой взгляд на жизнь, ставший для него настолько естественным, что он уже и не отдает себе в этом отчета. Может быть, именно этой своей стороной наша книга неволью даст пищу для размышления даже советскому читателю.

Может быть и так, что портрет окажется неудачным, то ли потому, что путешественник плохо смотрел, или же просто плохо рисует: об этом судить оригиналу.

И, наконец, возможно, что наша книга, написанная французами для французов, будет интересна для читателя в русском переводе тем, что поможет ему нарисовать себе портрет читателя из капиталистического мира.

Мы будем рады, если эта игра в двойное зеркало хотя бы немного развлечет советского читателя.

Луиза Мамиак

* * *

Во время нашей дружеской беседы с иркутскими журналистами один из них спросил нас: «Не помешает ли вам написать задуманную книгу ваше незнание русского языка?»

Вопрос был вполне естественный. В Париже его могли бы нам задать с совершенно иным намерением: какой-нибудь скептик намекнул бы нам, что, собственно, нам нельзя верить: ведь без знания языка нас было легко обманывать... Не останавливаясь на спорности утверждения о пресловутой легкости обмана путешественника, — мы не нуждались в переводе на французский язык

того, что мы видели: Юго-Западный район, строительство гидростанции в Братске, Московский университет или ферганский колхоз,— заметим только, что никому и в голову бы не пришло, если бы мы возвратились из Анкары, Бенареса или Рио-де-Жанейро, хихикать по поводу нашего незнания турецкого, бенгали или португальского языка. Следовательно, в устах некоторых французов такая постановка вопроса означала бы, что они априорно считают обманом все, что есть в Советском Союзе, что для них эта «таинственная» страна лишь рекламный плакат в избирательной кампании, к которому нельзя не относиться с недоверием.

Разумеется, наш иркутский товарищ вкладывал в свой вопрос совершенно иной смысл. Было бы смешно утверждать, что наше незнание русского языка не доставило нам никаких неудобств; с другой стороны, мой ответ был бы неполным, если бы я ограничился ссылкой на то, что гораздо больше неудобства испытал по этой причине журналист из «Правды», который, сопровождая нас, в течение двух с половиной месяцев вынужден был говорить в четыре раза больше каждого из нас. И я ограничился тем, что заверил нашего друга из Иркутска, что, несмотря на полное незнание русского языка, мы довольно бегло и уже давно говорим на советском языке, языке, изучению которого нет пределов и который станет универсальным в XX веке, и что благодаря этому понять мысли советских людей и тот урок, который содержится в их истории, нам легче, чем какому-нибудь социал-демократу, не нуждающемуся в услугах переводчика, например Жюлю Моку. Наш иркутский собрат по перу охотно согласился с этим.

Мы стремились облегчить понимание Советского Союза не посредством цифр, имеющих, конечно, решающее значение, но известных в Париже почти в такой же степени, как и в Москве, а описывая встреченных нами людей, людей, занятых повседневным созидательным трудом. Да и так ли важны были бы для нас эти потрясающие цифры, если бы они оставались чем-то самодовлеющим, если бы они служили рычагами только для подъема мира, а не для того, чтобы человек достиг тех высот, которых он может и должен достигнуть. Индивидуализм, который лежит в основе общества старого мира и является идеологией конкуренции, заботы только о себе, борьбы человека против человека, одновременно затушевывает и оправдывает эгоизм.

Социал-утопист Пьер Леру похвалялся тем, что он первый употребил слово «социализм» «в противопоставление индивидуализму». Наши враги и попавшиеся им на удочку заключают из этого, что социализм подавляет личность. Они не понимают, что настоящее «я» — это «мы», в то время как восхваление «Я» с большой буквы прямо противоположно восхвалению человека; впрочем, религия и капитализм насаждают и культивируют презрение к человеку параллельно «культу своего я», который проповедовался в начале нынешнего века одним реакционным французским писателем.

Мы хотели показать разнообразие судеб при неуклонном улучшении жизни людей, перешагнувших за рубеж индивидуализма. Вот почему в нашей книге читатель встретит такое множество портретов, биографий и даже признаний. Между тем — говорю это в адрес французских скептиков — недоверие не самый краткий путь от одного ума к другому. Слепление — также, возразят они нам. Конечно, но может ли быть слепота более страшная, чем невежество, и разве, чтобы понять эволюцию этих умов и их страны, не следует ли прежде всего ознакомиться с их методом мышления, проведение в жизнь которого — констатировать это было главной целью нашей поездки — приводит к таким успехам.

Некоторые страницы нашей книги неизбежно вызовут удивление у советского читателя: трудно выдумать занятие более комичное, чем обучение рыб плаванию. Добавим — не с целью уйти от ответственности, а чтобы выразить свою глубокую признательность, — что эта книга является результатом сотрудничества не только нас двоих, но и многочисленных друзей, которые есть теперь у нас в Киеве, Иркутске, Ташкенте, Ленинграде, Москве.

Благодарим их за это — с открытым сердцем!

Андре Вюрмсер

Если бы я была гидом

Если бы я, Луиза Маммак, была гидом Интуриста и встречала на аэродроме француза, впервые приехавшего в СССР, то сразу, как только он спустился с самолета, я завязала бы ему глаза.

Когда бы я сняла повязку, то, стоя среди ухабов, он увидел бы перед собой, позади себя, словом, со всех сторон беспорядочно расположенные бревенчатые дома, одни из которых радуют взор красиво обрамленными окнами, а другие же совсем обычны или просто неказисты; все дома того темно-серого цвета, который принимает дерево, долго находящееся под открытым небом. Ни улицы, ни дворов. Пройдя через этот густо застроенный участок, мы вышли бы к другим домам, тоже деревянным, но выстроившимся в одну линию вдоль единственной улицы, за которой расположено еще несколько таких скоплений деревянных домов.

— Это что, Москва?— спросил бы с удивлением мой путешественник.

— Нет. Такой она была раньше.

И, нарочно помолчав, я бы добавила:

— Такой была Москва привилегированных.

— Что?

— *Половина московских рабочих совсем не имела жилья.* Они ютились при заводах в так называемых каморках, где каждый был отделен от своего соседа тряпичной занавеской. «Один стул и один стол на десять человек — мужчин, женщин, детей, смешавших воедино свои голоса, запахи, недуги, споры и примирения».

— Это те, которые жили в самых худших условиях?..

— Нет. «Жившим в каморках завидовали обитатели бараков. В бараках деревянные нары были вплотную придвинуты друг к другу, без всяких перегородок. Часто они стояли даже в несколько ярусов, причем самый верхний находился в 60 сантиметрах от потолка. Рабочие стирали свое белье прямо в комнате и сушили его на веревках, протянутых между стен». А «оконные переплеты были старательно заколочены и промазаны замазкой!»

— Но,— воскликнул бы мой путешественник, если бы он хоть немного был знаком с историей жизни рабочих во Франции,— вы цитируете доклад Вилерме, или исследование доктора Гепена, или Вилленев-Баржемона, или же, наконец, книгу Фрежье — социологическую работу времен Луи-Филиппа!

— Нет, это выдержки из книги г-на Анри Труайя, члена Французской академии, «Повседневная жизнь в России во времена последнего царя»¹.

¹ Издательство «Ашетт». (Примечание авторов.)

Чтобы утешить своего подопечного, я попросила бы его занять место в машине и... не стала бы завязывать ему глаза.

— А теперь куда вы везете меня?

— На аэродром.

«Ну и повезло же мне, у нее явно не все дома»,— подумал бы мой путешественник, пока не догадываясь, что гид у него — себе на уме!

Мы едем вдоль столь же широких, а иногда и более широких, чем Елисейские поля, проспектов; высокие дома, деревья, автомобили, зеленые и красные огни, высотный дом (видимо, в будущем они будут представлять собой достопримечательность — их больше не строят, так как их содержание обходится слишком дорого). Вон золоченые купола Кремля, Красная площадь, чуть дальше — многоцветный храм Василия Блаженного, потом бульвар...

— Остановитесь,— сказала бы я шоферу. И, обратившись к моему путешественнику, попросила бы его взглянуть на спидометр.

«Ну вот, снова начинается»,— с тоской подумал бы мой клиент, вежливо наклоняясь к щитку приборов.

Мы находимся на большой площади, имеющей форму полукруга, у основания которого стоят излишне вычурные дома с колоннами и башенками, как строили десятью годами раньше.

— Всего лишь несколько лет тому назад здесь кончалась Москва и начинались поля и леса. А теперь поехали дальше!

Громадный, совершенно новый проспект — два центральных и два боковых проезда. Его пересекают под прямым углом столь же красивые и, я бы сказала, все более и более юные улицы, если бы стоило проводить различие в возрасте между столь молодыми домами. Можно ли назвать районом эту часть города, в которой новоселов больше, чем в Бордо жителей? Проезжаем дома, где на всех окнах уже висят новые занавески; дальше идут дома, у которых с так называемых «грузовых такси» выгружают мебель на тротуар; затем начинается зона покрытых мелом оконных стекол с выведенными на них надписями — международная стенография рабочих-строителей; за нею строй еще не оконченных, с 4, 3, 2 этажами, и, наконец, зона, где царствуют бульдозеры. По обе стороны магистрали, насколько

обозревает глаз, открывается перспектива новых улиц, строящихся домов, строительных площадок. Как церковь Сакре Кёр¹ над Парижем, над Москвой — на радость любителям символики — возвышается университет. И на самом краю — чистое поле, где геодезисты готовят новое наступление строителей.

— А теперь, пожалуйста, взгляните на спидометр.

Мы проехали от подковообразной площади *шесть километров*, то есть половину диаметра Парижа.

— Хорошо, — скажет мне мой путешественник, успокоившись относительно состояния моей психики, — но ведь избы, которые вы мне показали сначала, были характерны для Москвы сто лет тому назад!

— Ш-ш!.. Не называйте эти дома избами; в избах живут крестьяне, а это просто деревянные дома. Вы говорите «сто лет»? В 1924 году, в год смерти Ленина, в Москве, *население которой увеличилось с тех пор в пять раз*, было всего сто шестизэтажных домов.

Шестизэтажных — это, по-нашему, пятиэтажных, так как в Советском Союзе счет этажей ведется не с бельэтажа, как у нас, а с самого низа.

Анатолий не понимал...

Чтобы помочь моему путешественнику-новичку понять советских людей, я рассказала бы ему про Анатолия, фотографа, который сопровождал нашу делегацию 10 лет тому назад.

— Анатолий, — говорили мы ему, — смотрите, здесь можно сделать отличный снимок!

Над доживавшим свои последние дни деревянным домом виднелись верхние этажи прекрасного здания, возводимого с помощью гигантских кранов. Среди муравейника грузовиков лошадь тянула старую телегу с кирпичами. Мы очертили рукою этот изумительный кадр. «Да, да», — кивал Анатолий головой, добродушно улыбаясь и в то же время усиленно ища глазами такую точку съемки, чтобы телега и деревянный дом не попали в кадр. В конечном итоге он все же сделал свой снимок на фоне одного нового дома, выстроив нас, как лук на грядке, по примеру свадебных фотографов. Мы пытались протестовать — контраст прошлого с настоящим...

¹ Сакре Кёр — церковь на Монмартре, самой высокой точке Парижа.

— Нет,— ответил он,— в стране сколько угодно таких деревянных домов и телег, а интересно то, что зарождается, развивается. Вот когда останется только один деревянный дом, одна телега, тогда другое дело...

Вот почему ни один гид не станет завязывать вам глаза на московском аэродроме. В одной из поэм Маяковского говорится:

Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.

Советские люди смотрят вперед. Каждый день они берут новые рубежи. Они смотрят вперед, после того как 7 ноября 1917 года страна, в которой 60-летние родились еще во времена крепостного права, возглавила прогресс человечества.

Они

Ты смотришь в окно — вот они, иногда совсем рядом, иногда вдалеке, вытянув руку, балансируют на своих железных ногах. В Киеве из окна такси мы насчитали их 13. Они господствуют над пейзажем будущего, самым человеческим из пейзажей, пейзажем нового города.

Они — это подъемные краны.

Их лошадиные головы возвышаются над всеми городами. Если бы нам предложили нарисовать самый типичный образ советского человека на различных стадиях истории его страны, то для 1917 года мы выбрали бы рабочего с винтовкой в руке и пулеметной лентой на поясе; для 1930 года — сталевара, для 1945 года — солдата, водружающего ленинское знамя над гитлеровским рейхстагом; для 1959 года — крановщика, поднимающего в воздух ванную комнату.

Краны... Они могли бы фигурировать на гербах всех республик. На гербах всех городов мог бы быть изображен «серебряный экскаватор на лазурном фоне» с девизом: «Я построю». Как в балете — семь с одной стороны улицы, семь с другой. В Москве сейчас строятся столько же жилой площади, сколько было во всем городе в 1913 году.

Улицы разделены одним или двумя рядами деревьев (в Средней Азии — цветников). Сажают, конечно, не столетние деревья. Мы видели, как на новых улицах ко-

лышутся на ветру веточки сотен тысяч маленьких саженцев. Посадкой занимаются не только городские власти. Нужно выиграть время. Город — это наш город. И живущие в нем юноши и девушки, рабочие и студенты в украинских рубашках или в тубетейках на затылке копают землю и сажают деревца.

Самые новые дома не имеют орнаментальных колонн и статуй, которых было слишком много у их старших братьев. Они строги, светлы, гигиеничны и, как правило, насчитывают не более семи этажей. Каждый дом, в котором больше пяти этажей, снабжен лифтом. Телевизионные антенны (одна на секцию) устанавливаются при строительстве дома. Нет квартир без ванных комнат.

В 46 советских городах запрещено строить новые промышленные предприятия. В отношении Москвы это означает, что дома строятся не для приезжих, а для улучшения жилищных условий двух с половиной миллионов москвичей — почти половины населения столицы. В масштабе всего Советского Союза каждый третий житель будет переселен в новую квартиру.

Один французский журналист, посетивший Москву в 1959 году, мило заметил: «У нас предпринимаются такие же усилия...»

Это доказывает, что юмористы имеются не только в Англии!

Мир, в котором строят

Однажды мы провели в новом районе целое утро. Блоки домов то наступают на пустыри, то идут навстречу друг другу, и все это соединяется, склеивается, как микробы, когда разглядываешь их в микроскоп.

Наша машина мчалась по широким, просторным магистральям, какими и должны быть улицы современного мира. По сравнению с тем, что видишь здесь, строительство в наших пригородах похоже на выставку образцов... Мы были знакомы с цифрами, видели фотографии, фильмы, но ничто не могло дать нам правильного представления об облике, об истинном размахе строительства. Так бывает с обоями, которые подбираешь по куску величиной с тетрадный лист, а по-настоящему оцениваешь лишь тогда, когда обклеишь ими стену.

Остается только представить себе, какая здесь будет красота, когда посаженные в землю тоненькие прутики станут взрослыми деревьями.

Монументальный, неустойчивый, величественный, этот район продвигается вперед, разглаживая складки неровной, изрытой местности, стирая скопления покосившихся домишек, которые, как наросты на коже, местами гнездятся у его ног. И так как за время нашего путешествия по стране мы пять раз останавливались в Москве, то пять раз мы вели счет новым этажам... Строительство ведется и днем и ночью.

Ночью над новым городом, над фасадами домов, все окна которых освещены, над лесами строек с прожекторами мы увидели лозунг «*Миру мир!*»

— Здесь эта надпись ни к чему. Ее можно было бы поместить под фотографией этой панорамы.

— Да,— пошутил один сопровождавший нас товарищ,— это последнее архитектурное излишество.

* * *

Воскресенье. Один из первых весенних дней. Один из самых новых районов. Необъятные перспективы, гигантские масштабы и самая простая, самая индивидуальная, самая скромная человеческая деятельность. У подножия огромных блоков домов, на тротуарах громадных проспектов — мир маленьких проворных муравьев: простые люди используют свой выходной день, этот первый погожий день, для переезда в новые квартиры. Во дворах, где на еще перемешанной со щебнем земле, которая завтра станет тротуаром или газоном, местами сохранились пожелтевшие кустики прошлогодней травы, бабки вывешивают сушить пеленки, вытряхивают ковры, проветривают зимнюю одежду. У мебельных магазинов мужья грузят — кто на машины, кто на тележки — открытые разблестящим лаком шкафы. В окнах люди видны не на уровне подоконника, не до пояса, а во весь рост: взобравшись кто на что придется, мужчины в майках вбивают в стену гвозди, на которые будут повешены фотографии новобрачных, детей, погибших и умерших, а женщины с тряпкой в руке протирают окна. Весна, переезд, воскресенье — все смешалось.

Для засыпки ям самосвалы привезли сюда много чернозему. Женщины наполняют им ведра и несут к цветочным ящикам на балконы, где уже сидят деды, удобно устроившись на плоских подушках из поблекшего кретона. Им, наверное, придется идти за семенами цветов на колхозный рынок.

...Изображения высотных домов на почтовых открытках, снимки Кремля в красивых альбомах, гиганты индустрии с дымящимися трубами и даже ты, соседний университет, — вы говорите не обо всем, вы говорите не о всех победах...

Москва с высоты Сакре Кёр

Турист, приезжающий в Париж после долголетнего перерыва, огорчается, узнав об исчезновении какой-нибудь грязной, но живописной улочки. Он хочет, чтобы Париж сохранял тот облик, который запечатлен у него в памяти. В его глазах Париж — законченный мир, и было бы непростительным варварством менять его облик. Такому туристу не часто приходится возмущаться. И это хорошо, если иметь в виду красивые улицы или очаровательные набережные Сены. Но плохо, если говорить о многочисленных кварталах столицы, которые являются Парижем только для парижан, улицах рабочих и мелких торговцев, ветхих и далеко не изящных домах. А наши пригороды? Увы...

Турист, вновь приезжающий в Москву хотя бы через несколько лет, был бы удручен, если бы нашел ее облик неизменившимся. «Так это все, что вы построили нового?» — разочарованно подумал бы он. Он ожидает увидеть в Москве, Ленинграде и в Иркутске нечто совсем непохожее на то, что сохранилось в его памяти, но это лишь подтверждает его мысли. В его глазах СССР был, есть и всегда будет развивающимся миром, для которого движение вперед — неотъемлемый признак цивилизации.

Я не забыла Москвы, которая открылась мне с Ленинских гор в один из зимних дней, когда двадцать пять лет тому назад я добралась туда на тряской бричке. Мне говорили, что в ясную погоду оттуда открывается прекрасный вид на весь город. Но было пасмурно. Все же я разглядела позолоченные купола Кремля. Москва-река пересекала город, делала петлю у подножия холма, где я стояла, и вновь шла к Москве. В этом месте ни один мост не был перекинут через ее воды. Да и куда бы он здесь вел? В унылый и грязный пригород, где не было ничего, кроме нескольких барачков и ветхих домишек?

Вниз спускался заросший кустарником склон. За рекой, покрытой тускло поблескивавшим льдом, на обширном заболоченном пустыре, который опоясывала излу-

чина, виднелись лишь штабеля дров и жалкие хибарки. А кругом канавы и лужи...

И вот я точно на том же месте, где была в 1934 году. От балюстрады из красного мрамора, на которую я опираюсь, и до самой Москвы-реки спускаются аллеи, заполненные играющими детьми. Позади меня монументальный университет — он возвышается над Москвой.

Ибо теперь это уже Москва. Передо мной громадный стадион с летним и зимним бассейнами и другими спортивными сооружениями.

Стадион называют Лужниками — так раньше назывался этот район. Вместе с ним пришел город. Гигантскими шагами продвигалась Москва к строившемуся ею университету; она выиграла битву и овладела местностью. Из конца в конец выстроились новые дома, а за этим первым рядом идут проспекты, улицы. Справа от меня двухэтажный мост: внизу метро, сверху автомобили и троллейбусы. Мост имеет довольно причудливый профиль — нижний план расположен горизонтально, а верхний — дугой. Я не узнаю его, хотя только вчера видела его в кино. Впрочем, ничто не устаревает так быстро, как советские документальные фильмы: в прошлом году, когда производилась съемка, этот мост еще строился. Он ведет к громадному району, который заселяется раньше, чем открываются магазины и выстилаются тротуары, к новому городу, все улицы которого выходят в поле, напоминающее пейзаж после землетрясения. Кое-где сохранились еще старые домишки — если бы их хозяева могли поделиться с нами воспоминаниями! — домишки, которые будут поглощены раньше, чем я покину Москву.

Вокруг нас — сегодня воскресенье — прогуливаются туристы, дети, студенты университета, просто москвичи.

— Нацистские дозоры были в 20 километрах отсюда, — говорит один из наших спутников.

Москва, или Настоящее

Если бы я был гидом...

Если бы я, Андре Вюрмсер, стал гидом Интуриста, то я приступил бы к исполнению своих обязанностей еще в аэропорту Бурже. На борту «ТУ-104», преспокойно летящего на высоте 10 000 метров со скоростью 1000 ки-

лометров в час, я обратился бы к туристам с краткой вступительной речью:

— Страна, которую вы собираетесь посетить, дамы и господа,— социалистическая страна. Три четверти ее обитателей не знали никакого другого режима. Это означает, что советский гражданин сорока лет от роду не помнит ни локаутов, ни забастовок, ни экономических кризисов, ни массовых увольнений, ни сокращения кредитов на народное образование, ни колониальных экспедиций. Это означает также, что изменились отношения между людьми, психология каждого человека, перспективы, надежды, образ жизни и сама суть ее. Удивляйтесь, но стремитесь понять. Ничто вам так не поможет, как память о том, что страна, которую вы собираетесь посетить,— социалистическая страна.

Если вы забудете это, то, возвратившись на родину, скажете: «Что касается жилищного строительства, подготовки технических кадров, научно-исследовательской работы, профилактической медицины, то в Советском Союзе предпринимаются большие, чем в нашей стране, усилия; однако в отношении личных автомобилей мы ушли намного вперед». И тогда ваш вывод будет сделан по принципу подсчета очков при игре в теннис: 30:15 в пользу Франции, или 40:30 в пользу СССР. Если же вы будете помнить, что СССР — социалистическая страна, то есть страна, строй которой отвечает *интересам громадного большинства*, то вы скажете: «Советские люди действуют в логической последовательности: сейчас они хотят покончить с недостатком жилья, от которого страдают всюду в мире, и в особенности наименее обеспеченные. Это более срочное дело, чем использование средств, получаемых от совместного труда, для удобств и развлечений меньшинства, которое, каким бы многочисленным оно ни было, все равно остается привилегированным меньшинством».

Более того: если вы забудете, что СССР — социалистическая страна, то, узнав, что из каждых трех советских автомашин две используются в общественно полезных целях (грузовики, автофургоны и пассажирский транспорт), вы скажете: «Советские люди еще не достигли того уровня обеспеченности, который имеем мы». А если не забудете, то поймете, что в Советском Союзе «все» — а транспортные средства, используемые в общественно полезных целях, находятся на службе у всех — важнее, чем «каждый» в отдельности.

Я вижу, дамы и господа, что вы хмурите брови: как это «все» важнее «каждого»? Вам кажется, что это и есть та самая обезличка, о которой вам прожужжали все уши, и поэтому вы сразу же заговариваете о «достоинстве человеческой личности», слишком многих из рьяных адвокатов которой мало трогает достоинство личности безработного, нищего, неграмотного. Но разве вам, как и мне, неизвестны многие французы, которые, обладая маленькой собственной машиной, живут в отвратительных квартирных условиях? Не кажется ли вам, что давать преимущество жилищному вопросу перед автомобилем — значит действовать в интересах «каждого»?

...В СССР же миллиарды рублей, полученные трудом всех, превращаются в школы-интернаты, в университеты, в студенческие стипендии; инженеры, выпуск которых благодаря этому увеличивается, отдают обществу страницей, с их помощью ускоряется прогресс страны и, следовательно, быстрее сокращается рабочий день, удлиняется срок обязательного обучения в средней школе, расширяется жилищное строительство и т. д. Найдется ли среди вас, дамы и господа, хоть один юморист, который стал бы утверждать, что, чем выше будут прибыли компаний Кюльманн¹ или Юзинор², тем меньше придется трудиться их рабочим? Или что прибыли г-на Буссака³ идут главным образом на нужды министерства просвещения?

В связи с этим сравнением я хотел бы предостеречь вас от того, чтобы к вашей реакции на мои объяснения не примешивалось законное чувство национального самолюбия. Когда я обращаю ваше внимание на какое-либо *различие*, вы не должны автоматически усматривать в этом намерение подчеркивать *превосходство*: то обстоятельство, что в Москве, как и в Париже, движение правостороннее, а не левостороннее, как в Лондоне, не имеет политического или социального значения; в Советском Союзе, как и во многих несоциалистических странах Центральной Европы, есть женщины, в основ-

¹ Заводы Кюльманн — крупнейшие химические предприятия Франции.

² Заводы Юзинор — крупнейшие металлургические предприятия Франции.

³ Буссак, Марсель — текстильный король Франции и владелец газеты «Орор», одной из реакционных парижских газет. Купленная монополистом Р. Эрсаном в 1978 году, два года спустя газета прекратила свое существование.

ном пожилые, которые работают лифтершами и имеют одну-единственную обязанность: открывать и закрывать двери подъемника, — однако это не доказывает ни обоснованности, ни беспочвенности марксизма-ленинизма. Точно так же не надо возмущаться, когда я буду рассказывать о каком-нибудь советском достижении, которое само по себе непримечательно и неново. Прочитав, что в Москве строятся подземные переходы, пожалуйста, не приписывайте мне идиотского намерения сказать тем самым, что, мол, «в капиталистических странах не производят столь важных работ»! Ведь говорю я об этом исключительно для того, чтобы подчеркнуть, что когда я приехал в Москву, то мне сообщили о существовании проекта подземных переходов, а уже 10 недель спустя два из них вступили в строй; это строительство ведется, не дожидаясь, пока движение на улицах Москвы станет таким же затруднительным, как в Париже: профилактика предпочтительна лечению.

Итак, вам предстоит ознакомиться с жизнью социалистической страны, и именно с этой точки зрения вы должны судить о Советском Союзе. Я не хочу этим сказать, что вам следует подходить к нему в свете того или иного определения слова «социализм». Я хочу только показать, насколько *несообразны* следующие строки одной писательницы: «Чтобы близко познакомиться с Москвой, самое лучшее — это без конца бродить по ее улицам. Остановливаясь перед стеной Китай-города, оставшейся от старинных укреплений, перед старой церковью, вход в которую заколочен, а от купола уцелел один остов» — и т. д. Мне бы хотелось, чтобы вы смогли осмотреть фрески кремлевских соборов, но бродить среди остатков укреплений и старинных церквей — это отнюдь не наилучшее средство для «близкого знакомства» с Москвой. Нельзя постигнуть творчество Расина, ограничившись самым внимательным изучением макетов декораций к его трагедиям. Любая попытка «близко» познакомиться с Москвой, игнорируя социализм, бессмысленна. Забвение основного принципа этой страны: удовлетворять постепенно растущие материальные и культурные потребности всего населения — может стать источником бесконечных ошибок в оценке.

И, поскольку я так настойчиво прошу вас не забывать, что вы собираетесь посетить социалистическую страну, позвольте напомнить также, что враги социализма на протяжении целого века объявляли социализм

утопией. Враги советского строя в течение 40 лет предсказывали, что в ближайший понедельник его ждет неминуемая гибель. Они много смеялись над «неким Поповым, русским ученым, который все изобрел». Как может расцветать наука в стране, живущей под властью тирании?— вопрошали они. Советская наука? Сама гипотеза о ее существовании, говорили они, так же нелепа, как попытка достичь Луны. Да, Луны, именно Луны...

Советский Союз доказал, что эти люди были не правы, что они не переставали обманываться и обманывать...

Напомню, что за 42 года никому не удавалось обнаружить в Советском Союзе миллиардера, имеющего свой завод или свою газету. Я говорю об этом различии между двумя мирами только потому, что, по-моему, было бы неплохо, дамы и господа, если во время предстоящей поездки вы попытались бы выяснить для себя: кто стремился и стремится очернить Советский Союз и почему?

Это очень помогло бы вам понять Советский Союз.

Однако начнем с знакомства с ним. Мы проведем на борту самолета три с половиною часа. Точно такое же время понадобилось бы вам для полета из Москвы в Ташкент, не самый южный город СССР; в два раза больше времени вы затратите, чтобы долететь из Москвы, отнюдь не самого западного города страны, в Иркутск, не самый восточный ее город. Если бы СССР был опоясан единым кольцевым шоссе, на котором можно было бы провести велогонку «Тур СССР» темпами «Тур де Франс», то она продолжалась бы 20 месяцев. Выставка достижений народного хозяйства СССР по своему размаху может сравниться со всемирной выставкой. В этом нет никакого преувеличения: Белоруссия граничит с Польшей, Казахстан — с Китаем. Поэтому совершенно невозможно написать об СССР полный и одно-времененно актуальный репортаж: пока вы будете ездить по стране, все, что вы напишете о районах, которые вы посетите в первые недели путешествия, окажется совершенно устаревшим. Слишком велики размеры страны!

Теперь о разнообразии: в разговоре вы не проводите различия между Советским Союзом и Россией. Вы не правы: Россия — всего лишь часть Союза Советских Социалистических Республик, который является организацией — и замечательной — объединенных, действительно объединенных наций. Это братский союз бывшей метрополии и ее бывших колоний, союз белых, желтых и смуг-

лых граждан православного, католического, мусульманского происхождения...

Поговорив о пространстве, перейдем ко времени. Социалистическая революция восторжествовала 42 года тому назад. Огромное большинство населения страны было безграмотным. Всюду в ходу была соха.

Промышленность была слабой, сосредоточивалась в немногочисленных районах, была плохо оснащена; половина акций промышленных предприятий находилась в руках иностранцев. 42 года — это немногим более половины жизни Виктора Гюго. Но можно ли сказать, что социализм господствует в стране на протяжении всех этих 42 лет? Поль Вайян-Кутюрье рассказывал, как 10 лет спустя после революции таджики приносили охапки сена в руках кормить... автомобили, которые они видели в первый раз. А сколько лет ушло на восстановление того, что было разрушено войной? Первая мировая война, гражданская война, иностранная интервенция (с участием США) настолько разорили Россию, что только в 1927 году СССР достиг уровня промышленного производства царской России 1913 года. А Соединенные Штаты Америки, которые не испытали войны на своей территории, в 1926 году в два раза превзошли предвоенный уровень своего промышленного производства.

После гитлеровской агрессии камня на камне не осталось от Харькова, на две трети был разрушен Киев, — а ведь каждый из этих городов крупнее Марселя. Не было больше Севастополя. В Ленинграде, где жителей почти столько же, сколько в Париже, была уничтожена третья часть всей жилой площади. Только в 1948 году советская экономика достигла уровня 1939 года. А Соединенные Штаты Америки, которые не испытали войны на своей территории, в 1948 году вдвое превысили довоенный уровень своего промышленного производства. По сути дела все то, чем вы будете восхищаться в СССР, было построено за 20 лет. Но такова уж сила социализма, и таковы, с другой стороны, кризисы и пороки капитализма, что в 1950 году объем промышленного производства в Советском Союзе был в 15 раз выше, чем в 1913 году, в то время как американская промышленность выросла лишь немногим более чем в 3 раза. Это о времени и о темпах.

Постарайтесь как следует понять, дамы и господа, что это означает.

Чисто по-человечески это выразится в том, что если вам доведется поговорить со сколько-нибудь значительным числом советских людей, то вы будете поражены тем, что от очень многих из них в возрасте 40, 30, 20 лет вы услышите: «Я не помню своих родителей... Я стал сиротой, когда мне не было и шести лет... Меня вырастила тетя... сосед...» Дело в том, что с 1917-го по 1920-й и с 1941-го по 1945 год возможностей осиротеть в этой стране было более чем достаточно. Соболаговолите вспомнить, дамы и господа, особенно если вы ощущаете в себе звучание европейско-атлантическо-западной струны, что причиной этого огромного индивидуального и коллективного горя была враждебность, с которой первая социалистическая страна была встречена так называемым свободным миром.

С материальной точки зрения это означает, что вы едете не на торжественную церемонию открытия социализма, не на вернисаж выставки, не в земной рай. Возможно, что вы обнаружите «существенные» неполадки: обслуживают в московских ресторанах пока еще медленнее, чем в парижских, витрины на улицах Горького пока еще не столь изысканны, как на улице Фобур-Сент-Оноре; проселочные дороги Западной Сибири пока еще содержатся не так хорошо, как в департаменте Сена-и-Марна. Всему свое время. Советские люди начали с ликвидации самого отвратительного: финансовой олигархии, безработицы, безграмотности — и со строительства основ своего общества: школ, тяжелой индустрии, энергетики. Что касается витрин и расторопных официантов, то это и менее решающее и менее трудное дело. В Советском Союзе вас ждет не картинная галерея, а стройка.

Нет ничего гармоничнее, спокойнее и умиротвореннее лица спящего, если не считать лицо трупа. Страна, которая медленно и спокойно движется вперед шагом старых людей, являет взору успокоительное равновесие своих городских пейзажей. Однако вид сносимых кварталов трущоб не имеет очарования старинных эстампов, изображающих живописные улочки с этими трущобами. Строительство нового мира — это глубокая перепашка деревни, опрокинутые пейзажи, гигантское землетрясение, непрерывно пересматриваемые планы, скачки вперед, ошибки. Помните и то, что столь стремительный рывок не означает одинаково быстрого развития всей техники, всех наук, всех искусств, всех людей. Все они

делают большой шаг вперед, но в разной мере. Эта неравномерность дает возможность недобросовестным и недоброжелательным наблюдателям заострять внимание лишь на тех мероприятиях, которые были признаны ошибочными, и, говоря о прогрессе, брать только те области, где он наименее заметен. Они подхватывают отдельные, не всегда типичные факты и обобщают их, говорила об их предшественниках Надежда Константиновна Крупская.

Можно не сомневаться, что перед отъездом в СССР вам наверняка говорили: «Знаем, они покажут вам только то, что сами хотят показать». Можно со всей определенностью сказать, что вам не хватит времени осмотреть все то, что они с гордостью могли бы показать. Быть может, вы посетите только Москву. Знайте же, что во всех советских городах есть свои стройки, чаще всего окрещенные по примеру Москвы «Юго-Западным районом», порою вопреки стрелке компаса. Одна из конечных станций Ленинградского метрополитена названа Автово, по имени деревни, поглощенной городом после войны. В СССР есть две Ферганы, три Киева...

В любом случае вы не увидите многого, хотя никто ничего не будет от вас скрывать. Знаком ли вам Ижевск? Нет? Это столица Удмуртской Автономной Республики, раньше местечко, а теперь город с 300 тысячами жителей. Можете ли вы показать на карте Волжск? Нет? Этот город находится в Марийской Автономной Республике. Вам это ничего не говорит? Это не мешает Волжску выпускать в два раза больше целлюлозы, чем в прошлом вся промышленность царской России. Вы знакомы с Череповцом? Нет? По словам секретаря экономической комиссии ООН г-на Юнга, это один из самых современных городов в мире, который насчитывает 100 тысяч жителей — в четыре раза больше, чем *четыре года тому назад*; в прошлом году там было выстроено *пятнадцать* школ.

А что вы знаете о Чистополе? Ничего? Не надо краснеть! Когда мы осматривали Московский часовой завод № 1 (а вы, наверно, знаете, что ни в России, ни до 1930 года в СССР не было самостоятельного часового производства), в числе 17 городов, в которых были построены часовые заводы, был назван Чистополь; два советских журналиста, сопровождавшие нас, впервые услышали об этом городе. «Где это?» — спросили они у главного инженера. Он ответил: «*По-моему, на Урале*».

Мы не проверяли, где находится Чистополь (правильно ли мы произносим это название?), на Урале или нет. Но знайте, что в 1933 году все инженеры часового завода № 1 были иностранными специалистами, что еще в 1945 году один швейцарский промышленник, владелец весьма известного станкостроительного завода, посетив это предприятие, снисходительно заявил: «Возможно, что внуки этих людей научатся делать часы...» — и что в 1956 году один из членов делегации английских часовщиков поведал на прощанье следующее: «Я сказал первому секретарю английского посольства, что мы видели в Пензе самый большой в мире часовой завод, а он не смог найти Пензу на карте!» Если в 1960 году, задолго до того, как «эти люди» станут дедами, вы попадете на завод № 1, то в кабинете директора вы обязательно обратите внимание на вышитое знамя, врученное советским часовщикам их китайскими товарищами в знак благодарности за техническую помощь, оказанную ими зарождающейся часовой промышленности Китая.

Дамы и господа, вы едете в страну, где, как и повсюду, люди разнятся в зависимости от своих индивидуальных способностей и где в то же время они неравны менее, чем повсюду, потому что образование там развито более широко, а причины оглупления — алкоголизм, дурацкие иллюстрированные журналы, предрассудки и многое другое — ослаблены или сведены на нет. Но вы обязательно отметите *равенство детей* — подлинных властелинов страны. Никто из вас не выступит против этого утверждения — это был бы первый случай в истории посещения СССР иностранцами. Вы увидите, что в различных пропорциях женщины представлены во всех профессиях — как в самых тяжелых, где их становится все меньше и меньше, особенно после последних мероприятий, предпринятых в этой области, так и в самых привилегированных: вы увидите женщин — инженеров по гидроэлектротехнике, председателей колхозов, ученых. Позвольте дать вам совет: независимо от возраста, пола и профессии ваших собеседников не забудьте осведомиться об их социальном происхождении.

Дело в том, дамы и господа, что если мирному строительству Советский Союз смог посвятить всего лишь 20 лет, то за 42 года он успел вырастить людей, которые в своем большинстве являются сейчас руководителями страны.

В прошлом году «Комсомольская правда» решила выяснить, кем стали за 25 лет члены одного пионерского отряда. Вы, конечно, знаете, кто такие пионеры: это массовая организация, которая воспитывает советских детей. Так вот, все эти школьники стали в самых различных областях знатными гражданами, руководителями, работниками искусств, инженерами и техниками.

В театре, в метро, на улицах вы смешаетесь с толпой советских горожан. Знайте же, что имеется семь шансов из десяти, что каждый человек в возрасте свыше 40 лет, которого вы встретите, родился в семье, где никто не умел читать и писать, и что, независимо от возраста, один шанс из двухсот за то, что вы видите перед собой избранника народа: депутата, члена районного Совета, народного судью, профсоюзного делегата; один шанс из двадцати пяти, что это коммунист; один шанс из пяти, если это москвич, что он крестьянин или сын крестьянина; один шанс из четырех, независимо от того, городской или сельский это житель, что он учится в школе, университете, на заводе, в учреждении, днем или вечером, на курсах или заочно; девять шансов из десяти, что он участвовал в обсуждении очередного плана развития народного хозяйства; девяносто девять шансов из ста, что он потерял одного из своих близких во время войны, которую его страна вела против нашего общего врага.

Дамы и господа, супруги Ивановы так же часто, как вы, или чаще ходят на стадион и в кино и гораздо чаще вас, французов, бывают в театре. Они читают неизмеримо больше романов, журналов, в особенности технических журналов и книг, а также ежедневных газет.

Супруги Ивановы, дамы и господа, употребляют меньше алкоголя и пьют гораздо меньше вина, чем мы. Они гораздо реже посещают кафе и намного чаще бывают на лекциях, концертах и товарищеских вечерах в заводских и колхозных клубах. В их любимых балетных спектаклях пантомима занимает равное место с танцем. Их квартирные условия пока еще не лучше, чем у нас во Франции, однако они видят, как буквально на глазах тают списки стоящих перед ними в очереди на получение жилплощади. Сейчас нет такого москвича, у которого не было бы друга, недавно перебравшегося в новый дом. Все они либо переехали, либо переезжают, либо собираются переезжать на новую квартиру. У них меньше, чем у нас, собственных автомобилей, но больше телевизоров. Десять лет тому назад, дамы, вид платьев

г-жи Ивановой мог порою вызвать у вас улыбку. Я думаю, теперь вы согласитесь с тем, что пассажирки московского метро ничем бы не привлекли к себе внимания в парижском метрополитене.

Супруги Ивановы не всегда увлекаются тем, чем увлекаетесь вы, и наоборот; они интересуются меньше, чем вы, или, во всяком случае, меньше, чем большинство наших газет, любовными историями великих мира сего. Но когда один комсомолец (комсомольцы объединены в организацию, руководимую Коммунистической партией) отказался венчаться в церкви с любимой девушкой, дочерью попа, и это привело их к разрыву, после чего он обратился за советом в «Комсомольскую правду»: «Могу ли я вернуть нашу любовь?», — то отклики читателей, выступивших в поддержку или против решения несчастного юноши, заполнили целые страницы газеты; только по этому вопросу в редакцию поступило несколько тысяч писем. Дамы и господа, Иванов, так же как и вы, интересуется судебной хроникой, однако, без сомнения, с несколько иной точки зрения. Он не следит за курсом акций на бирже, потому что в его стране нет ни акций, ни биржи, однако он проявляет живой интерес к тому, как выполняются обещания повысить его благосостояние, обещания, данные дирекцией завода или правлением колхоза, где он работает, или же руководителями его республики, или всего Советского Союза. Все в этой области делается по плану, а планы предварительно опубликовываются. Поэтому Иванов отлично разбирается в том, как они осуществляются.

Я не стану утверждать, дамы и господа, что супруги Ивановы имеют о наших соотечественниках более точное представление, чем эти последние о Советском Союзе. Вы убедитесь в этом, когда увидите, что они окажут вам такой прием, как будто никто из вас не имеет ни малейшего намерения только и делать, что охотиться за мелкими недостатками, с тем чтобы, возвратившись домой, скрыть с их помощью то главное, что определяет сущность советского общества. В их представлении французы — это славные люди, которые, за исключением нескольких банкиров, ценят жертвы советского народа, уважают и разделяют стремление к миру советских граждан и с одинаковой симпатией относятся к замечательному созидательному труду 212 миллионов Ивановых. Поскольку они не читают газеты «Орор», то, как правило, им неизвестно, какой грязной клевете они еже-

дневно подвергаются. Газеты, которые они читают, побуждают их к дружбе, а не к ненависти.

...Наш «ТУ-104» вылетел из Парижа со значительным опозданием против расписания. Такие вещи случаются. Советский Союз стартовал, отстав на два столетия. Западный атлантический самолет старого образца, вылетевший точно по расписанию, прошел над Брюсселем раньше нас. Точно так же в период первой пятилетки некоторые «реалистические» умы говорили: «Социализм намного позади нас...»

...Самое примечательное в этих увертках, дамы и господа,— это то, что в наши дни антисоветизм играет на проигрыш. Он спорит лишь о сроках: вы думаете, меня побьют в девятом раунде? Ничего подобного, только в одиннадцатом!

А теперь, дамы и господа, пристегните, пожалуйста, поясные ремни. Мы прибываем в Москву и, как вы убедились, с опережением расписания.

И в заключение я бы сказал: во время поездки я позволю себе знакомить вас не столько с фактами и цифрами, какими бы обнадеживающими они ни были для будущего человечества, а с людьми. С мужчинами и женщинами разного типа и положения. Встречи с людьми более убедительны, чем статистика...

Вот что я сказал бы туристам.

А теперь, читатель, следуйте за гидом.

Ленинград, или Итог предшествующих глав

О восхитительная столица!

Ленинград принадлежит к одним из тех неповторимых городов, которые, подобно Венеции и Нью-Йорку, были сотворены историей или географией или же и той и другой вместе.

Ленинград создавался искусственно, и, наверное, поэтому он так декоративен. Это Версаль, ставший столицей. Ленинград напоминает Версаль рациональностью и строгой продуманностью своих строений: это город, созданный властью, обладавшей чувством величия. Версаль умер, потому что он был всего-навсего парадной резиденцией, театром статистов. Он был создан в противовес Парижу. Живые силы нации не были представлены в нем. А Санкт-Петербург для того, чтобы стать современной столицей, окном, открытым на Запад, дол-

жен был превратиться, хотя решение о его постройке было принято царем, в настоящий город и порт, с верфями и торговыми конторами, с первыми предприятиями зарождавшейся промышленности; в то же время он представлял собой ансамбль дворцов, волей-неволей оживляемых аристократами, которых Петр обязал проживать в новой столице. Эти дворцы возводились по проектам, одобренным царем, и часто их строили итальянские и французские архитекторы. Город рос, как растут живые существа,— в плоти и крови, в труде и повседневных заботах, с той упрямой надеждой, которую никаким насилием не вырвать до конца из сердца человека.

Петр Великий вдохнул жизнь в макет города, стоявший на его рабочем столе. А через 200 лет, распрямив плечи, живой город покончил с тенью, продолжавшими игру в монархию.

Ленинград сохранил величественную гармонию Санкт-Петербурга. Он превратил в музей маленький деревянный дом, в котором жил Петр Великий, пока строился его город. Он содержал в порядке, реставрировал дворцы, построенные царями за чертой города, в том числе разрушенный нацистами Петергоф. (Монархи всегда рано или поздно удаляют свои резиденции на некоторое расстояние от столицы отчасти из презрения к народу, отчасти из страха.)

Лгущему по Ленинграду прохожему кажется, что он листает альбом открыток в лавке букиниста. Здесь все создано для его удовольствия: игра перспективы под огромным водянисто-бледным небом, композиции кадра вокруг какого-нибудь стрелообразного монумента, увенчанного куполом или огражденного треугольным фронтоном колоннады, ряд мостиков, перекинутых через синезеленую акварель канала, брусчатка огромных площадей; легковых автомобилей там мало, проезд грузовиков запрещен вообще, пешеходы и их тени кажутся картонными человечками.

Итог предшествующих глав

На одном из островов Ленинграда расположен стадион имени Кирова, чьи современные формы являются как бы ответом на живое великолепие прошлого: с трех сторон его окружает река; от города он отделен молодым

парком, посаженным вскоре после Победы; без статуй, колонн и украшений, он красив совершенством своих линий и пропорций.

Но еще больше, чем современными стадионами, чем дворцами и памятниками, больше, чем Петром Первым Фальконе и конями Клодта, больше, чем домом Пушкина и домом Достоевского, чем своими проспектами и видами, Ленинград горд тем, что он был ареной и Самсоном тех дней, которые потрясли мир.

В центре города стоит на якоре «Аврора». Рабочий кабинет Ленина в Смольном и балкон довольно уродливого дома балерины Кшесинской, с которого Ленин выступил с речью перед трудящимися Ленинграда, не изменились. Вот арка, под которой рабочие, матросы и солдаты прошли на штурм Зимнего дворца. Марсово поле, где погребены останки борцов, павших за революцию.

Был найден и установлен на постаменте во дворе одного из музеев броневик, с которого Ленин выступал в апреле 1917 года на площади перед Финляндским вокзалом. На его броне еще можно прочесть название, которым его окрестили революционные солдаты: «*Враз капитала*».

Этот броневик в равной степени и исторический памятник и символ, символ всего того, что ненавистно законам старого мира... символ вооруженного народа, социализма, единства философии и действия. И нетрудно угадать, кто является врагом врага капитала.

* * *

Центр Ленинграда изменился меньше, чем центр Москвы. Фасад Зимнего дворца ничем не поразил бы любовника Екатерины II. Однако на последнем этаже Эрмитажа в огромном зале выставлена великолепная коллекция французской живописи нашего времени: одни из лучших полотен Ренуара, картины Ван-Гога, Гогена, Сёра, Матисса, Пикассо. Немного усталые, мы сидим на скамье и смотрим, как мимо нас проходит внимательная и оживленная публика: рабочие, колхозники, студенты и даже четверо или пятеро стилиг в вышедшем из моды наряде пижонов с Сен-Жермен-де-Пре. Идут горячие споры. Пользуются ли спорщики сакраментальными терминами наших искусствоведов: фактура, мазок, масса, палитра, объем? Это маловероятно. Создается впечатление, что люди скорее удивлены, чем восхищены.

(Но разве большинство столовых во французских квартирах украшено репродукциями с картин Ренуара и Сезанна?) Что же касается нас, то мы были более восхищены, чем удивлены.

Потому что увидели здесь этих людей.

И эти картины. Когда-то они были личной собственностью отдельных лиц. Это означает, что люди были лишены радости видеть картины Ван-Гога и Гогена. В феврале 1960 года в Париже были устроены выставки Ван-Гога и Гогена из частных коллекций, одна в специально арендованном помещении, другая в музее. Вход стоил 500 франков — стоимость двух обедов для молодого художника без гроша в кармане...

А те из вас, кто, приехав в Ленинград, взволнованно и долго смотрят на картины Гогена или Ван-Гога, — о «свободные люди свободного мира!» — могут свободно наслаждаться этой радостью благодаря тому, что с броневика «Враг капитала» Ленин призвал к борьбе рабочих Петрограда.

Карнавале

Судьба любой страны тесно переплетается с жизнью ее столицы, и поэтому Ленинградский исторический музей похож на наш Карнавале. И там и здесь выставлены гравюры, планы, всевозможные документы, и там и здесь — очарование старины многих тысяч маленьких реликвий быта: потускневшее золото и увядшие тона вывесок и табакерок, монет и бархатных жилетов. Макеты с человечками-лилипутами, сделанные с любовью и исторической достоверностью, вызывают восторг школьников-экскурсантов. Вот проекты Петра Великого, зал Екатерины II, вот манифест об отмене крепостного права, первые фотографии представителей высшего общества, таблицы с данными об уровне смертности. Все здесь: декоративные предметы, панорама морского боя, модель всадника — напоминает своим восхитительным вкусом лучшие экспонаты нашего старого Карнавале...

Но в какой-то момент этому сходству приходит конец.

Дело в том, что в ленинградском музее есть и такие «музейные» экспонаты, ничего похожего на которые не может быть в наших музеях: расчетные листы рабочих, донесения сыщиков, статистические данные санитарного

управления о недоедании детей рабочих, зарисовки от-
вратительных каморок и завшивленных ночлежек и ря-
дом — художественные фотографии административных
советов, газета «Биржевые ведомости»...

Таким образом, Ленинградский исторический музей,
как и музей Карнавале, рассказывает о том, каким был
старый режим. Только в Карнавале старый режим — это
период королей, а в ленинградском музее — это период
капитализма. Можно ли себе представить, что в музее
Карнавале рядом с пожелтевшими счетами модисток
Марии Антуанетты¹ были бы выставлены фотографии
замков г-на де Ванделя²? Между тем такое соседство
было бы вполне логичным. Или, например, гармоничное
сопоставление «бидонвиллей»³ и зоны трущоб — с по-
вой охотой, свадебной церемонией в предместье Сен-
Жермен⁴ и заседанием административного совета в «Пе-
шинэ»⁵?

Нет, нет, пока еще нет.

Да, конечно, иногда и у нас вспоминают о первых
годах нашего века. Однако делается это в форме милых
выставок для эlegantной публики, умиленно рассказыва-
ющих о «прекрасной эпохе» и вполне уместных в офи-
циальном помещении Карнавале. Если там и фигуриру-
ют фотографии любителей скачек, посетителей клубов
и светских львиц, то делается это исключительно для
показа цилиндров и покроя юбок. История, как она
представлена в посвященных современности залах ле-
нинградского музея, была бы названа во Франции поли-
тикой. Ибо она поднимает руку на привилегии наших
дней.

С исчезновением этих привилегий «политика» обре-
тает свое действительное имя: история. В ленинградском
музее национальное прошлое не вынуждено, как у нас,
ждать в передней, пока хозяева положения не придут к
выводу, что оно уже безопасно и что можно разложить
его по полочкам. Поэтому ленинградский музей показы-
вает привилегии прошлого и силы, уничтожившие их;

¹ Мария Антуанетта (1755—1793) — французская коро-
лева, жена короля Людовика XVI.

² Вандель, Франсуа — один из крупнейших французских
капиталистов XX века.

³ «Бидонвилль» — хибарки из фанеры и жести, в которых
живет беднейшее население французских пригородов.

⁴ Сен-Жермен — аристократическое предместье Парижа.

⁵ «Пешинэ» — одна из крупнейших французских монополий.

на огромной фотографии учащаяся молодежь может видеть массовую демонстрацию революционных рабочих 1917 года «за культуру». Демонстранты несли лозунги и плакаты с требованием предоставить право на культуру всем. Сами они, конечно, этой культурой отнюдь не обладали, но то обстоятельство, что они вышли на такую демонстрацию, уже было достаточным основанием их права на приобщение к ней.

Наряду с революцией в музее, естественно, рассказывается и о блокаде Ленинграда. Мыслимо ли, чтобы в Карнавале была организована выставка, прославляющая французское Соппротивление и противопоставляющая подпольную печать («Но ведь часто это была коммунистическая печать, месье!») декретам вишистов, со статьями в честь Петена, вышедшими из-под пера некоего журналиста, ныне являющегося главным редактором газеты классической правой группировки, а приказы, обращенные к франтирерам («Объединяйтесь, вооружайтесь, сражайтесь!»), соседствовали с извещениями о расстреле «террористов» в траурном обрамлении («Что вы, ведь среди них было много коммунистов!»)!

Это отсутствие каких бы то ни было перегородок между историей (вчерашней политикой) и политикой (завтрашней историей) и, наоборот, ничтожное внимание, уделяемое в нашей системе преподавания и в наших музеях зверствам гитлеровцев, объясняют то, что слишком многие выпускники наших школ не могут ответить на вопрос, какие страны были союзниками и врагами Франции в 1944 году, и, напротив, объясняют огромный интерес советской молодежи к мировым событиям современности.

Город, достойный имени Ленина

Самая потрясающая строка из данных последней переписи населения: Ленинград — это единственный большой город Советского Союза, в котором в 1959 году было меньше жителей, чем в 1939-м.

Пустые рукава, искромсанные плечи, отсутствие которых скрывает вата пиджаков, глаза из стекла, костыли, шрамы на голове, наполовину скрытые волосами, — всюду следы увечий. Одному нашему соотечественнику, который сказал, что после фильма «Летят журавли» он

понял, что СССР и Франция вели одну и ту же войну, мы ответили: «Не одну и ту же, а общую». Многие французы нашего поколения, увидев этот фильм, вдруг осознали, что вторая мировая война для СССР была тем, чем первая — для Франции: жестокой битвой, в которой участвовала вся нация. (Во время последней войны в нашем движении Сопrotивления принимали участие лишь лучшие.) При этом пропорционально численности населения обеих стран потери Советского Союза в 1941—1945 годах были соответственно в два раза большими, чем страшные потери Франции в 1914—1918 годах. Это известно всем, кроме тех, кто умышленно захотел об этом забыть. Ведь в Ленинграде произошло нечто невообразимое, недоступное пониманию, хотя об этом было написано немало рассказов и имеется замечательная книга Чаковского «Это было в Ленинграде». Краска стыда заливает лицо, когда подумаешь, о скольких страданиях не знает мир — тот самый мир, который помогли спасти ленинградцы. Следует сказать, что в известной мере этих страданий не представляют и многие советские люди. Правда, был снят документальный фильм, отдельные кадры которого были использованы в различных кинокадрах. Но сам фильм никогда не шел на экране. Демонстрировать его публике нельзя — настолько невыносимо то, что в нем показано. Когда Ленинград держался только одним — сознанием, что он нужен фронту, — весь Советский Союз думал о Ленинграде, но никто не мог представить себе, каким был в действительности повседневный героизм голодающего, умирающего от стужи города.

900 дней блокады. 600 тысяч умерших голодной смертью — примерно один из трех неэвакуированных жителей города. Фронт проходил там, где сейчас строятся новые кварталы, куда доходит метро. 8 сентября 1941 года на Ленинград было обрушено 6327 зажигательных бомб. Сразу вспыхнуло 178 пожаров, были уничтожены запасы продовольствия, разрушены склады. Началась осада... Она длилась 900 дней...

Солдатам на фронте было совестно есть свой паек — ведь голодающие ленинградцы так же, как и они, гибли от бомб и снарядов. Город, жители которого падали от голода, работал для фронта, думал только о фронте, не сомневался в победе. Мадрид, наполовину осажденный фашистами, имел девизом лозунг «*No passaran!*»; Ленинград повторил: «*Они не пройдут!*» Но так как за

четверть века до того Ленин провозгласил в этом городе: «А теперь мы переходим к строительству социализма!», — в Ленинграде не было измены. Враги не прошли. В промежутках между редкими радиопередачами работал метроном. Его тиканье говорило: «Мы-дер-жим-ся, мы-дер-жим-ся». Он не умолкал никогда.

Старый метроном сейчас хранится в музее, перед скромными экспонатами которого посетители останавливаются, с трудом удерживая рыдания: аптечные пузырьки, куда было налито бог знает что и при свете которых хирурги проводили операции, утварь для жуткой продовольственной алхимии — посуда, в которой из опилок и обрезков кожи люди готовили себе пищу.

Каждый стенд, каждый выставленный предмет — это крик о голоде. *«На этой дощечке в 1941 и в 1942 годах мы резали хлеб для всей семьи»*. И мы видим маленькую деревянную пластинку величиной с ручное зеркало.

На тетрадном листке рядом с тщательно вырезанным и наклеенным цветком фраза из дневника школьника: *«Я встал в 9 часов; увеличен детский паек»*. Рядом с фотографией черноволосой девочки с большими печальными глазами — записная книжка, где эта девятилетняя школьница проставляла инициалы своих родных в день их смерти: бабушка — на Б, Геня — на Г, дядя Леша и брат Лешка — на Л, мама — на М... дядя Вася... И последняя запись в этом дневнике: *«Сегодня я осталась совсем одна»*. Через несколько дней не стало и ее... Какими бесконечно большими должны были казаться эти прекрасные задумчивые глаза в тот день, когда голод сдавил своими когтями детское горлышко...

На другом рисунке неумело изображен спящий ребенок: *«Мой маленький брат Саша»* — и подпись: *«Юрий»*.

— Эти двое выжили, я их знаю, — говорит нам сопровождающий нас товарищ.

Позднее мы встретились с Юрием и Сашей.

— В то июньское воскресенье, — рассказывал нам Юрий, — в Ленинграде проходил чемпионат по стрельбе. Мой отец, который тогда работал заместителем директора Лесной академии, считался одним из лучших стрелков города; я пошел вместе с ним в тир. И здесь мы узнали о начале войны. «Война будет очень трудной, и, может быть, участвовать в ней будем и мы, взрослые, и вы, дети», — серьезно сказал отец. Потом он отдал мне свою винтовку и попросил отнести ее домой, а сам остал-

ся записываться в Первый ленинградский батальон добровольцев...

— В тот день... — рассказывал нам Борис.

Наша беседа происходила в Фергане. Попивая зеленый чай и опершись головой на руку, Борис, заместитель редактора городской газеты на русском языке, делится с нами воспоминаниями. Врачи рекомендовали ему жить на юге, но сам он из Ленинграда; его история удивительно напоминает фильм «Летят журавли».

— В тот день я собирался за город с любимой девушкой. Я думал о ней и о последних оставшихся экзаменах. Одна из двух теток, которые меня воспитали (мне был год, когда умерли мои родители), пекла пироги и попросила нас задержаться, чтобы попробовать их. «А вечером все вместе пойдем в кино», — предложила она, и в этот момент радио сообщило о начале войны. Женщины заплакали. «Теперь судьба разлучит нас», — сказала сквозь слезы подруга моих девятнадцати лет. Она не ошиблась. Судьба действительно разлучила нас.

— На следующий день, — говорил нам Юрий, — все ребята с нашего двора, которые обычно вместе играли в сыщиков и воров, взяли свои сумки и пошли в военкомат проситься в армию. Мы приходили туда каждый день и, возмущенные отказом, в конце концов написали Сталину: *«Разве это не священная война всего народа? Почему не хотят брать нас в армию?»*

Фашистские войска прорвали фронт и приблизились к городу. Дети рыли окопы и помогали пожарным командам. 12 июля Юрий с гордостью записал в дневнике: *«Сегодня я тоже стал солдатом»*. А несколько дней спустя: *«В небе появились темные гроззовые облака. Мама сказала: „Горят продовольственные склады...“* Ленинградские дети больше не имели права оставаться детьми: на багряном горизонте вырисовывался голод.

— Это был день рождения одной из моих теток, — рассказывает дальше Борис. — От бомбежки загорелись продовольственные склады. Пламя было таким высоким, что его видно было отовсюду; все вышли на улицу.

«Хлебный паек уменьшился, — писал Юрий, — но это ничего — в доме есть еще немного хлеба. А потом, во время 328-й воздушной тревоги (я их считал), бомба попала в наш дом. Моя мать была ранена; она стояла за шкафом, но все вокруг было разбито. Наступила зима, самая ужасная зима в истории. Я не ходил больше

в школу. Мы рыли окопы. Это была третья линия обороны — если бы ее прорвали, то начались бы уличные бои. Кормили нас супом из древесных опилок с одной макарониной на порцию. Иногда хлеба не было несколько дней подряд. Детям выдавали соевое молоко и немного каши. Отапливались «буржуйками», разбирая на дрова деревянные дома. Воды не хватало. Ее черпали тазами из воронок, пробив предварительно ледяную корку, и затем отвозили домой на санках. Вначале выбирали самую чистую. Но затем уже на это не хватало сил. Однажды утром я увидел в воронке несколько трупов — это были обессиленные люди, которые упали и уже не смогли подняться; мертвецов вытаскивали и тут же стали черпать воду.

Под Новый год, 31 декабря 1942 года, мы собрались вместе все, так как отец смог прийти домой. Он принес свой праздничный паек — немного водки и две кильки. На улице паникеры говорили, что немецкие танки прорвались на Невский проспект. Без пяти двенадцать началась страшная бомбежка. Дом дрожал. Сестра — а она уже не вставала — попросила, чтобы ее привинули к столу. Когда подняли тост за победу, она спросила: «А мы доживем до нее?» Мы не могли решить, кто будет есть кильки, — никто не хотел их брать. Отец выхватил револьвер, прицелился в мать и крикнул: «Ешь, или я буду стрелять», — но револьвер выпал у него из рук, а сам он свалился на пол. Через несколько дней командир части пригрозил ему, что, если он не пойдет в госпиталь, его будут судить как дезертира. Отец был вынужден подчиниться, и только это его спасло.

— 8 января меня без сознания доставили в больницу, где я оставался четыре месяца, — рассказывает Борис.

6 февраля Юрий записал в дневнике: «Саша перестал ходить, он лежит в кровати. Мама иногда улыбается, но сегодня она не выдержала и упала. Я не мог привести ее в чувство; потом она все же улыбнулась. Она хочет, чтобы мы забылись. Иногда это ей удается. Мы «глотаем» книги. Я читаю Жюль Верна, но когда оставляешь книгу, снова начинает мучить голод».

— Бомба попала в наш дом, — говорит Борис. — Потом обе тетки умерли от голода. Я остался один.

«Мама снова упала. Саша по-прежнему лежит в кровати. Я его нарисовал. Я тоже упал. Хочу есть. Хо-

чу дожить до победы. Если завтра смогу встать, пойду в окопы».

И в эти дни на улицах расклеивали плакаты со стихами старого казахского поэта: *«Ленинградцы, дети мои, ленинградцы, гордость моя...»*

— Если кратко охарактеризовать эту зиму,— говорит Юрий,— можно сказать, что оставаться человеком было труднее, чем умереть... Держаться на ногах было очень тяжелой задачей. Сначала мертвых хоронили как положено. Потом стали просто отвозить на санках до кладбища. Затем уже не было сил добраться до кладбища. Если кто-нибудь падал в снег от измождения, то никто не наклонялся, чтобы оказать ему помощь: тот, кто наклонился, не смог бы больше подняться. Снег покрывал тысячи и тысячи трупов. И когда наступила оттепель, возникла страшная опасность эпидемии. Чтобы спасти город, нужно было очистить улицы. Даже предприятия прекратили работу. И призраки стали подбодривать мертвецов. Рабочие, солдаты, дети... Чтобы подбодрить их, оркестр играл марши; музыканты отдыхали каждые пять минут; тяжелые инструменты держали по два человека...

А когда зазеленели деревья, все ленинградские сады, каждый клочок земли, были превращены в огороды для многих тысяч семей, которые оставались в городе. В то же время все институты, ученые, профессора, студенты, усиленно изучали возможность получения продуктов из заменителей.

15 апреля пошел первый трамвай.

Летом 1942 года вновь были открыты школы. Это было сделано главным образом для того, чтобы наладить питание детей. У всех у них были птичьи личики — одни глаза и нос. С переднего края обороны меня послали в школу. Сегодня мы требуем от детей хорошо вести себя на уроках (я работаю директором школы), а тогда учителям очень хотелось, чтобы дети могли хоть немного двигаться. Они были как маленькие обезьянки на морозных улицах.

— Я вышел из больницы таким слабым, что в армию меня не взяли,— рассказывает Борис.— Стал работать на турбинном заводе, а по ночам вместе с другими добровольцами патрулировал по улицам города. Шостакович, как вы знаете, тоже был в этих отрядах...

— Одним из моих самых потрясающих воспоминаний,— рассказывает Юрий,— был концерт, на котором в

первый раз исполнялась «Ленинградская симфония» Шостаковича. Суровые, обессиленные, голодные музыканты... но какой подъем!..

Во время второй зимы проводился смотр художественной самодеятельности. Наша школа представила монтаж с хором: «Слушай, Родина, говорит Ленинград...» Это выступление транслировалось из Дворца пионеров. На дипломе, выданном победителям, было написано: «Олимпиада, проведенная во время второй блокадной зимы». В качестве премии выдавался свитер. Мы, дети, давали концерты в госпиталях. В школе занимались при свете керосиновых коптилок. Писали на старых газетах кусочками угля. Когда моя сестренка пошла в школу, она написала солдатам на фронт: «Фашисты разрушили мой дом, убейте их».

* * *

Какая злая девочка! Один кинокритик говорил, что он восхищен фильмом «Судьба человека», «несмотря на некоторые слабые места (например, вся посвященная ненависти романтическая середина фильма)».

У этого критика великолепное хладнокровие!

Или же исключительно холодная кровь.

...Саша лежал в той же больнице, где теперь он проходит практику как студент 2-го курса медицинского института. Экзамены он заочно сдал еще в 1945 году. 10-й класс он окончил блестяще — с серебряной медалью. Он мог бы получить золотую медаль, но подвели отметки по немецкому языку.

— Саша, что вы помните об этих годах?

— У меня перед глазами стоит лицо одного раненого. И салют в день окончания блокады.

Салют был дан 27 января 1944 года.

* * *

В Ленинградском городском музее выставлен большой макет, подобный тем, на которых у нас в Карнавале показаны исчезнувшие кварталы. Здесь представлен план жилищного строительства, осуществление которого было прервано из-за войны. Белым цветом окрашено то, что существовало раньше, оранжевым — то, что удалось закончить, серым — то, что помешала построить война. Макет ничего не говорит о разрушениях. Ленинград, конечно, уже залечил свои раны: еще в 1943 году, когда кольцо блокады сжимало город, начались рестав-

рациональные и восстановительные работы — настолько сильна была вера жителей в победу и их воля к победе. Сейчас явные следы войны исчезли. Лишь кое-где вклинившийся между зданиями маленький садик причудливой формы с еще не очень густой листвой на деревьях напоминает об одном из двух домов, которые некогда стояли на этом месте и так и не были восстановлены. Но серый цвет, которым окрашена часть большого макета, вопиет о несуразности, потерянном времени, об абсурде.

«Их» город

13 ноября 1917 года, сидя вместе с шофером-рабочим в кабине грузовика, переполненного красногвардейцами, Джон Рид возвращался из Царскосельского дворца: «На горизонте сверкали огни столицы, которая ночью выглядела гораздо более великолепной, чем днем. Казалось, что по голой равнине была рассыпана целая груда бриллиантов. Старик рабочий, правивший машиной, восторженным жестом взмахнул в сторону сиявшей вдали столицы. „Мой! — кричал он, и лицо его сияло. — Теперь весь мой! Мой Петроград!“»

Через окно троллейбуса наш друг Татьяна пожирала глазами свой весенний Ленинград, и взор ее не успевал всего охватить. Такое же восхищение сквозило в движениях головы, в блуждающей улыбке, во взгляде другой пассажирки, которая сидела напротив нее. «Как прекрасен наш город!» — тихо сказала Татьяна, обращаясь к ней, и они взволнованно заговорили о красоте Ленинграда. Внезапно глаза женщины наполнились слезами. «Я потеряла всю семью... Теперь я одна на свете... Но это наш Ленинград!»

Однажды в чудесную летнюю ночь Татьяна ехала в такси. Шофером была женщина. Татьяна что-то сказала по поводу нежного света, лившегося на уснувший город. Водитель, рискуя вызвать аварию, внезапно повернулась и быстро заговорила:

— Вчера я тоже работала до часу ночи. Но, уже поставив машину в гараж, я не смогла пойти спать, было слишком красиво... Посмотрите... «Одна заря сменить другую...» — добавила она, цитируя Пушкина.

— Где вы были во время блокады?

— Здесь. Работала на грузовике. Однажды, когда я ехала на Кировский завод, рядом с нами упал снаряд.

Несколько рабочих было убито на месте. Я была тяжело ранена в ноги. Доктор спасла мне их, но посмотрите — одна стала тоньше другой. Делали, что могли. Не было гипса, и мне наложили деревянные шины. Сразу после излечения я села на грузовик... Но побудьте еще немного со мной... Мне так хорошо с вами... Я вижу, что вы понимаете наш Ленинград!

...Линия фронта, которую удержали и не дали прорвать защитники Ленинграда, обозначена, как в Сталинграде, в месте наибольшего продвижения немцев, каменным пьедесталом, на котором установлен танк. Ленинград, разрастаясь, заполнил пространство, которое раньше отделяло его от бывшего переднего края. И простым, ясным символом кажется повседневная картина детских игр, когда живущие в этом районе ребята карабкаются на обелиск и, звонко смеясь, виснут на танке.

Отцы этих детей ходили в школу вместе с Юрием, подружкой их матерей была та девочка, которая написала в своем дневнике: *«Теперь я осталась совсем одна»*.

Из Ленинграда в Москву

«Я уже не в тех годах, когда хорошо спится», — сказано в одном стихотворении Арагона. А мне столько же лет, сколько и Арагону. Рано утром я один стою в коридоре вагона. «ТУ-104» за 55 минут связывает старую столицу с новой. А поезд отходит в полночь и прибывает в другой город в 8 часов утра. Выйдя из театра (в Ленинградском оперном театре давали «Кармен»), мы сразу отправились на вокзал. Сейчас мы прибываем в Москву, чтобы оттуда продолжить поездку по стране.

В мягком утреннем свете спят леса и поля. Вдалеке виднеется пашня, за нею — заводы, новые заводы. Город начинается еще до вокзала. Длинная, широкая улица, застроенная новыми домами. На переднем плане над строящимися зданиями возвышаются краны. Затем показывается старая часть города — беспорядочно расположенные деревянные дома, почти все с Т-образными антеннами на крыше. Подъезжаем к вокзалу, и я читаю название города: *Калинин*. В 1941 году здесь происходили кровопролитные бои. Великие Луки, Старая Русса, Новгород, Калинин — все названия городов на этом направлении стали известны нам в то время, когда

Франция ждала, что с востока к ней придет свобода.

Город Калинин назван в честь одного из самых известных и самых почитаемых руководителей, одного из первых президентов Советского Союза.

На Кировском заводе в Ленинграде бережно хранится станок, на котором работал токарь Калинин. Кстати, напомните мне, кто из рабочих-токарей был когда-либо президентом Французской республики.

Мы приближаемся к Москве. А вот и они, и сколько их! Они — это краны в одном из городов-спутников, строящихся вокруг столицы. Целый город, а не группа домов «А. Л. М.»¹; настоящий целый город, и дома в нем уже заселены, хотя улицы еще не заасфальтированы.

Въезжаем в пригород. Я внимательно смотрю на толпу встречающих поездов. В 1950 году я также ездил на поезде и смотрел на толпу. И в 1936 году. А еще раньше — в 1934 году. Какое чудесное превращение! Пришло время, когда советские люди стали одеваться в удобную, сшитую лучше, чем раньше, и из тканей лучшего качества одежду. Они более и лучше образованны, чем средний француз. Завтра они будут иметь гораздо лучше квартиры. Послезавтра...

Это восходящее, непрерывное, неудержимое движение называется социализмом.

Раскрепощенный Узбекистан, или Возвышение человека

Ташкент — это огромный парк, населенный миллионами жителей. Я не знаю другого города, в котором было бы столько густых и сочных зеленых массивов. Против каждого парка можно видеть другой парк или же сад. Красивые фонтаны со струящейся водой, старые кварталы, где, как и во всех мусульманских странах, воздух пропитан запахом жареной баранины, новые районы, совсем как в Киеве и Москве, с той только разницей, что декоративные мотивы здесь узбекские, а не украинские, как в Киеве, и дома пониже: в стране, где 8 месяцев в году стоит сильная жара, каждому хочется иметь балкон и тенистый сад, подольше быть на свежем воздухе.

¹ «А. Л. М.» — реклама домов с якобы умеренной квартплатой.

Поэтому увеличивается число индивидуальных домов, принадлежащих живущим в них рабочим. В Ташкенте не только фойе оперного театра, но и киоски, в которых продается мороженое или газеты, имеют вид персидских миниатюр, а все здесь носит имя «Пахтакор» («Хлопкороб»): стадион, марка сигарет, футбольная команда. Ташкентский текстильный комбинат первым в Средней Азии начал обрабатывать местный хлопок. Вот что такое на деле развитие бывших колоний. Цехи комбината, на котором работает 15 тысяч человек, буквально утопают в пышной экзотической зелени.

Если бы я был кинооператором, то постарался бы показать, как социализм освободил Узбекистан от оков.

Я начал бы съемку с одной из улиц Ташкента — на одной стороне, где новый город пришел на смену старому, я снял бы розовые и белые дома, в которые въезжают новоселы, а на другой, где еще держится старый город, — глинобитные стены и низкие домики с возвышающейся над ними телевизионной вышкой. Я показал бы в Самарканде украшенные небесно-голубой мозаикой некрополи того самого Тимура, которого мы называем грозным Тамерланом, и разрытые улицы, где проводят газ (в том числе улицу, на которой находится фабрика киноаппаратуры). Я показал бы сложенные в огромные кубы кипы хлопка, увенчанные фигурой колхозника, похожего на альпиниста, и мастерскую, где работают 150 мастеров-художников, рабочих-ученых, в обязанность которых входит реставрация на научной основе — то есть без каких-либо произвольных изменений — памятников города. Я заснял бы одну из тех немногих узбечек в парандже, которых еще можно встретить на ташкентском базаре, в тот момент, когда она проходит мимо парикмахерской, где, протянув руки маникюрше, сидит другая узбечка — улыбающаяся девушка в шелковом платье с красными и золотыми разводами. Я показал бы учительниц, идущих с учениками на первомайскую демонстрацию в Фергане: одна из них с белокурыми волосами, собранными на затылке, другие смуглые и черноволосые, с косами до пояса. Я дважды запечатлел бы одного и того же старика: утром, когда он читает молитву, ибо так велика сила привычки, и вечером, за игрой в шахматы с друзьями-коммунистами, ибо такова сила социализма. Я показал бы интерьер одного из старых домов Ташкента, где пока еще нет достаточного комфорта, и в то же время зафиксировал бы смущение невоспитан-

ного туриста, бросившего на землю недокуренную сигарету, хотя вокруг него на каждом шагу установлены урны.

Я показал бы ресторан, где рядом с узбекскими тюбетейками и шелковыми халатами можно увидеть светлые шиньоны и европейские платья. Я показал бы красивого старика, едущего на ослике, и до отказа заполненные самолеты, которые два раза, а по праздникам три раза в день доставляют через горы из Ташкента в Фергану и Самарканд тех самых колхозников, которые 30 лет тому назад удивлялись автомобилям. Я показал бы честолюбивого купца в его роскошном дворце, бесстыдно выстроенном им в самом центре голодного и безграмотного города (конечно, если бы мне удалось найти его фотографию, ибо вряд ли кто-нибудь взял бы на себя труд сохранить ее), и самаркандских школьников, пришедших сорок лет спустя на экскурсию в этот самый дворец, превращенный в музей, и слушающих объяснение молодой узбечки-археолога, бывшей и нашим гидом. Засняв с самолета поля молодого хлопчатника у самого края пустыни — эти коврики для молитвы нового мира, где человек перестал уповать на небо и сам преобразует землю и изменяет течение рек, я показал бы дорогу на краю Ферганской долины: слева от нее — первые песчаные барханы, а справа — аванпост цивилизации — колхоз, весь в зелени молодых садовых деревьев, у подножия которых ласково журчит вода.

Как нас угощали шашлыком

Колхоз — это коллективная ферма. Однако на этих фермах, особенно после последнего укрупнения, как правило, больше жителей, чем в большинстве наших кантональных центров. Они насчитывают сотни жилых домов, построенных самими колхозниками; их колхозные школы — чаще всего десятилетки, то есть учебные заведения, соответствующие нашим лицам, — содержатся за счет государства; имеются также одна или несколько библиотек, большой парк сельскохозяйственных машин и ремонтная мастерская со своими механиками и слесарями, магазины, самодеятельный кружок или маленький оркестр, а иногда и то и другое; колхозы имеют свой бюджет и управляются выборной администрацией. Одним словом, это маленькие города со своим муници-

палитетом и в то же время коллективные фермы. Часто «районные центры», полностью соответствующие нашим кантональным центрам, и впрямь находятся в колхозах.

Колхоз «Ленинград» расположен на границе Ферганской долины с пустыней. В нем 3350 жителей (в том числе 834 работающих), 46 из которых — коммунисты. Однако, поскольку до Ферганы всего 20 километров, а в колхозе есть несколько грузовиков, в кузове которых можно поместить много людей, а также восемь «Побед», 32 «Москвича» и 635 велосипедов, принадлежащих лично колхозникам, легко понять, что когда мы приехали туда во второй половине дня 1 Мая, то колхоз показался нам мертвым царством, заснувшим под лучами весеннего солнца. Почти все уехали на праздник в Фергану.

Тишину нарушал только школьный духовой оркестр, который репетировал в клубе.

Может быть, потому, что было тихо, хорошо слышалась песнь воды. Тихое журчание повсюду следовало за нами, как маленький навязчивый спутник. Ему вторил шелест дрожащей листвы молодых тополей, пока еще таких тонких, что они качались, как пальмы.

Вода! Тот факт, что она принадлежит народу, то есть тем, кто заставляет ее работать, что она больше не в руках ханов и богатеев, — этот факт для Средней Азии имеет такое же, если не большее, значение, как и коллективная собственность на землю. Да и какую землю? Земля здесь есть только там, куда волею человека приходит животворная влага. Вода теснит пески, раздвигает границы Ферганской долины, и на отвоеванной у пустыни земле вырастают богатейшие в СССР колхозы.

...Колхоз «Ленинград», может быть, потому, что он был безлюден, очень походил на вывешенный в кабинете председателя план. Его прямые улицы, аккуратно обсаженные деревьями, и стоящие на равном расстоянии друг от друга белые кубики домов напоминали выставочный макет. Правда, во многих, более старых колхозах дело обстоит иначе. Так, на Украине, на широких просторах которой уцелело немало крестьянских хат, выстроенных еще до войны, в одном колхозе мы были поражены разбросанностью жилых домов. В этих условиях благоустройство, например строительство водопровода, становится трудным и дорогостоящим делом.

...Самого председателя на месте не было. Его пошли искать, и вскоре мы увидели взволнованного узбека огромного роста, который, если бы не его доброе, приветливое лицо, вполне бы подошел для роли грозного хана в театре.

— В 1929 году, — рассказывает он, — мы основали маленький колхоз, назвав его «Красноармеец». Сделав небольшой запас горной воды, мы начали обрабатывать землю. Мало-помалу к нам стали спускаться горцы, особенно из тех мест, где не было воды. Они умели выращивать только кукурузу и пекли из нее лепешки. О пшеничном хлебе они и представления не имели. Жильем им служила крыша на четырех столбах, без всяких стен. Для освещения они жгли костры и пучки сухой травы. Тогда у колхоза было 180 гектаров усеянной камнями земли, которую обрабатывали на быках. В горах у нас было несколько пастбищ. В 1931 году мы получили первые сельскохозяйственные машины. Однако здесь еще в 1950 году была пустыня. Место это называлось Джарнарк — Глубокий арык, но вода была под землей, и мы не могли добраться до нее. За километр отсюда был маленький кишлак, окруженный пустыней.

Но пришла вода, и все изменилось... В прошлом году мы засеяли под хлопок тысячу сто гектаров. За собранный урожай получили двенадцать с половиной миллионов рублей... План посева принимает сам колхоз, и мы можем развивать производство люцерны, орехов и тутовых деревьев для шелководства. Однако мы, конечно, не хотим уменьшать сбор хлопка. Поэтому мы и вгрызаемся в пустыню. Благодаря воде все стало возможно, все...

Мы шагаем по поселку, разделенному на прямоугольники арыками, в которых бежит журчащая вода, и нам кажется, что мы идем по нарисованным квадратикам. Мы идем по улицам, по дорогам, похожим на аллеи, и по аллеям, которые стали улицами, и если еще не все здесь утопает в зелени, то только потому, что деревья еще недостаточно высоки и густы, чтобы спрятать дома. Прямое и чистое, все это похоже на парк или на сельскохозяйственную выставку. В четырех библиотеках колхоза 38 тысяч книг. В пошивочном ателье тихо и пусто. Сегодня там видны лишь швейные машины, на которых работают женщины, которые еще недавно зажигали для освещения пучки сухой травы, а теперь шьют национальные мужские халаты.

Жюль Мок¹, также посетивший узбекский колхоз, стоящий на отвоеванной у пустыни земле, рассказывает, что руководители колхоза удовлетворенно говорили ему, что их колхоз приобрел «ЗИМ», два других легковых автомобиля и 15 грузовиков. «Эта небольшая армада,— пишет наш путешественник,— свидетельствовала о реальности их доходов и наполняла их гордостью. У меня не хватило смелости сообщить им, что любой французский городок с таким же населением имеет гораздо больше восемнадцати автомашин, так как в самом бедном машинами департаменте Франции один автомобиль приходится не на 100 жителей, как у них, а на 30». Станный подсчет на основе сравнительных средних данных: что означает «одна машина на 30 жителей»? Что можно считать средним в городе Алжире, где живут и европейцы и арабы? Одна машина на 30 жителей может означать и богача с двумя автомобилями, и 59 нищих, и 87 человек, доход которых почти позволяет им содержать машину, плюс три несколько более состоятельных счастливец. Что сказал бы Жюль Мок, если бы какой-нибудь статистик сказал ему, что среднее состояние г-на Буссака и его текстильщиц превышает миллион франков?

Но главное, что мы побывали там, где еще несколько лет тому назад была среднеазиатская пустыня. Мы увидели людей, которые выстроили школу-десятилетку для своих детей, родильный дом для жен, а сейчас строят широкоэкранный кино, куда будут ходить всей семьей. А ведь это те самые люди, которые не так давно кочевали по степям. Помните, у Бородина: та, та-та, тон, тон, та... пианиссимо... А сейчас здесь — и Жюль Мок с восторгом отмечает это — соответственно в два раза больше студентов, чем во Франции. Согласитесь, что неразумно сравнивать французский городок с его церковью, построенной в XVI веке, и проложенными при римлянах дорогами с этими зарождающимися колхозами.

* * *

Между тем мы должны были подчиниться требованиям колхозного гостеприимства, усугубленного восточ-

¹ Мок, Жюль (1893—1985) — французский политический и государственный деятель, один из ведущих теоретиков Французской социалистической партии, бывший министр.

ным радушием. По пути в чайхану, где было приготовлено угощение, мы почувствовали, что наш богатырь-председатель чем-то расстроен. Когда он предстал перед нами, то его тубетейка была лихо сдвинута на затылок, а сейчас он рассыпался в извинениях, сопровождая их скорбными жестами: «Как все неудачно получилось! Обед будет совсем не такой, как положено».

Среди нежной зелени фруктовых деревьев, среди увитых виноградом беседок и кустов роз показывается наконец зелено-голубая, как персидская миниатюра, чайхана, окруженная балконом с резными украшениями. В центре крытой террасы, заставленной низкими диванами с подушечками, стоит стол, который ломится от всевозможных яств: горы хлебных лепешек, гранаты, миндаль, мед, кислое молоко, фисташки, сахар. Председатель режет яблоки и каждому дает кусочек. Мы проголодались и нажимаем на еду. «Будьте осторожны,— тихо шепчет нам чей-то добросердечный голос,— это ведь только начало...»

После супа из баранины и различных закусок, которые, как у Мольера, были простой прелюдией к дивертисменту, после нескольких видов шашлыка на длинных шампурах нам наконец разрешили встать из-за стола, на котором по-прежнему не поместилась бы и иголка, и пригласили сыграть партию в бильярд. Это было сделано для смены декорации перед пловом с его неизменными спутниками — фаршированными голубцами из виноградных листьев и другими блюдами из баранины.

Наш богатырь-председатель может не закалывать себя шампуром — его честь хозяина дома осталась незапятнанной.

1 Мая в Фергане

Ни в долине, где колхозы заставили отступить пустыню (только в Ферганской области орошены десятки тысяч гектаров земли), ни в самом городе, где двухэтажные розовые дома быстро вытесняют маленькие домики, никто, по-видимому, ни разу не видел француза. Но когда я заговорил о Марселе Кашене, то один узбек сказал мне, что десять лет тому назад он написал в честь его стихотворение.

...Морсит дождик. Мы почти не чувствуем его, скрытые густой листвой, которую слегка колышет ветер. В

воздухе носится пух тополей, цветы акаций и каштанов. С трибуны, украшенной портретом Ленина, секретарь Ферганского обкома Коммунистической партии Узбекистана произносит краткую речь.

Четыре фанфары с красными флажками трубят сигнал начала демонстрации. Первыми проходят учебные заведения. Вот белокурая румяная учительница с ребенком на руках. Рядом с ней другая, еще моложе, с букетом цветов в руках; у нее смуглый цвет лица, и на ее пестром шелковом халате пляшут две черные косички. Проходят учащиеся городских школ, построенных колхозами. Перед колонной школ ФЗУ едет грузовик с плакатом: «*За тесную связь школы и производства*». На помосте установлены макеты физических приборов. Девушка в развевающемся розово-золотом платье, с бесчисленными косичками на голове высоко держит портрет Карла Маркса. Девочки с миндалевидными глазами выпускают голубей. Загорелые спортсмены, перестраиваясь на ходу, образуют слова «*Миру мир*». Идут рабочие шелкоткацких и хлопкообрабатывающих фабрик, новой теплоцентрали, строители нефтеперерабатывающего завода, железнодорожники, работники связи. На их грузовике установлен коммутатор, перед которым сидит телефонистка и с фантастической скоростью соединяет номера. Вторая по численности колонна — это строители и целлинники. Проходят строители домов на целине. Заводские оркестры, ферганские танцовщицы, пение, пляски — целый спектакль, продолжающийся два часа в море смеха и приветственных возгласов!

А теперь слушайте меня внимательно: по переписи 1897 года, во всей Ферганской долине было всего 120 грамотных. Ныне одних учителей здесь более двадцати тысяч. В 1917 году медицинский персонал состоял из восьми человек, ни один из которых не имел высшего образования. Сейчас в Фергане полторы тысячи врачей. Раньше женщины носили паранджу (мы встретили двух таких женщин), а теперь в вузах республики учится столько же девушек, сколько и юношей, а в самой Фергане 30 процентов всех коммунистов — женщины. Отдел культуры Ферганского горсовета возглавляется дочерью крестьянина-бедняка. Она рассказывает о трудностях в проведении школьной реформы и о больших успехах в области строительства и здравоохранения. В самом деле, если население области при Советской власти увеличилось в десять раз, то причиной этого было не

только развитие промышленности, но и рост рождаемости при резком снижении смертности.

После демонстрации городские руководители приглашают нас к столу. Было поднято двадцать тостов. Говорилось, какая площадь в этом году будет засеяна хлопком. «После трех дней праздника придется как следует поработать, товарищи». Произносится тост за французский народ.

Геолог

— Зовут меня Ибрагим Хамрабаев. Мне известно, что я родился в городе Узгене, в Киргизии, но в каком месяце — не знаю: тогда было принято говорить: «Родился осенью», «Умер весной». Узбеки жили в городах, а киргизы — в деревнях. Мой отец, как и отец моего отца, был очень бедным крестьянином. В 1920 году, когда я родился, он стал чернорабочим. Умер он в 1928 году. Мать была неграмотной. Она работала батрачкой. У меня был младший брат... К счастью, в 1931 году меня взяли в детдом и послали учиться. В школе я учился шесть лет на киргизском, узбекском и уйгурском языках, а русского не знал. В то время была большая путаница: сначала арабский шрифт был заменен латинским... Только в 1940 году был окончательно введен русский алфавит.

Так как в Узгене не было седьмого класса, то вместе с другими наиболее успевающими учениками я был послан в Ташкент, где в 1937 году окончил педучилище. После этого вернулся в Узген на преподавательскую работу. Наш край — это край живописных гор. Я был влюблен в камни. Я читал своим ученикам книги по геологии, а после уроков уходил с ними в горы. Это было нечто вроде призвания. Все это время я продолжал заниматься и вскоре был принят на геологический факультет Ташкентского университета. Пятилетний курс я прошел за четыре с половиною года. Большую помощь оказал мне профессор Наследов, один из первых исследователей недр Узбекистана. В 1942 году я окончил университет. Тогда в республике было так мало геологов, что они освобождались от призыва в армию. Мы искали вольфрама. Я работал на шахте в качестве инженер-геолога. В конце 1943 года один из моих профессоров убедил меня поступить в аспирантуру. Летом

я проходил производственную практику на шахтах, а зимой занимался, получая стипендию, равную половине моего инженерного оклада. В 1947 году я защитил диссертацию на тему «Магматические образования в районе Чорух-Дайрона». После этого я был назначен ассистентом к своему профессору; одновременно занимал должность научного сотрудника Академии наук. Сейчас я работаю только в Академии наук.

До 1930 года недра Узбекистана оставались совсем неисследованными. С 1947 по 1957 год на моих глазах рождались новые города, вводились в строй рудники. Местонахождение старых свинцовых, золотых и медных рудников, разрушенных еще Чингисханом, было совершенно забыто.

Я вспоминал рассказы геологов: нужно со вниманием относиться к древним легендам, песням, вникать в названия речушек и горных проходов на старинных картах; часто простая песня может навести на след утерянной тайны...

Пять лет непрерывных поисков превратили этот край в страну вольфрама и молибдена. Были найдены и другие полезные ископаемые. Мы заставили отступить пустыню Кызылкум. Подземные воды, о которых раньше не знали или знали, но не использовали, позволили оросить земли посредством артезианских колодцев. Нет такой пустыни, которая не стала бы плодородной с приходом воды: песчаные земли превращаются в луга, полупесчаные — в сады, в хлопковые поля, как вы могли убедиться в этом в Ферганской долине. Мы создали также полиметаллическую базу: медь, цинк, свинец, ртуть, сурьма. Мы отыскали нефть в Ферганской долине и в Андижане. Наши залежи естественного газа — крупнейшие в СССР. Бухарское месторождение доходит до Туркмении. Отсюда газопровод будет протянут до самого Урала. Больше не будет необходимости в подвозе угля из дальних бассейнов; у нас разовьется химическая промышленность.

В 1957 году я защитил докторскую диссертацию. Сейчас возглавляю секцию петрографии и металлографии в институте Академии наук Узбекской ССР. Я был во Франции на III сессии Ассоциации по изучению геологии глубоких слоев земной поверхности. В ряде случаев работа у вас поставлена лучше, чем у нас, и мы хотим ввести у себя некоторые из ваших методов, например микрохимический метод изучения минералов. С

большим уважением я вспоминаю о профессоре Орселе, директоре геологического музея Пьере Лафитте и коллективе его молодых сотрудников, о профессорах Роке, Форестье и Шепневуа, работы которых по определению абсолютного возраста произвели на меня глубочайшее впечатление. Крайне полезной для меня была поездка по Центральному массиву.

Жаль, что во Франции отпускается так мало средств на научно-исследовательскую работу. Например, в Клермон-Ферранском университете явно не хватает персонала. У нас условия работы несравненно лучше.

В 1958 году наш институт получил на миллион триста тысяч рублей нового оборудования; в этом году мы снова запросили миллион рублей на эти цели. В этом один из секретов наших успехов. Мы выяснили некоторые закономерности распределения полезных ископаемых и составили карту вероятного расположения залежей. Решение этих теоретических проблем будет иметь международное значение. Оно позволит практически предсказывать, где будет найдено то или иное месторождение.

Мои планы? Перспективы? Но что мне еще желать? Мои мечты сбылись... Меня волнует только работа, решение стоящих передо мной проблем. У меня только одна цель: поиски научной истины. И если я внесу свой вклад в процветание республики... Нет, правда, у меня нет других планов, других перспектив. Только идти вперед по этому пути...

Библиотекаря

В маленьком кабинете директора царит тишина и полумрак. Мы листаем альбом, книгу книг, которая рассказывает о жизни фундаментальной библиотеки Ташкентского университета.

Библиотека обязана своим существованием декрету об основании в Ташкенте Туркестанского государственного университета, принятому по предложению Ленина в сентябре 1920 года, в разгар гражданской войны и иностранной интервенции.

Сразу же была образована комиссия ученых, которая стала собирать в Москве и Ленинграде книжный фонд: персидские, таджикские, арабские и турецкие рукописи, редкие старинные книги — словом, все то,

что придало библиотеке ее специфику и превратило Ташкент в центр культуры и эрудиции Средней Азии.

Многие страницы альбома отведены под диаграммы, устремленные вверх линии которых говорят, например, о том, что в 1921 году читателям было выдано 75 тысяч книг, а в 1957 году — уже миллион или же что за тридцать лет бюджет библиотеки вырос почти в тридцать раз. Сейчас в библиотеке насчитывается миллион томов; работает в ней 67 библиотекарей.

История библиотеки — это история пробужденного Узбекистана, всех республик Средней Азии, а перелистываемый нами альбом — партитура той песни жизни и надежды, что слышится в тихом голосе Малики Уразовой.

— Я родилась в 1908 году.

Малика, женщина с тяжелым пучком черных волос на голове и с миндалевидным разрезом глаз, скромно сидит на краешке кресла. В своем свободном темном платье, сшитом по модели традиционных шелковых халатов, она выглядит совсем маленькой.

— Мои родители были крестьянами. По обычаю они поженились, не зная друг друга. Матери было тогда 15 лет, отцу 40. В шесть лет я осталась сиротой. В 1917 году мой дядя вступил в партию большевиков. Он знал русский язык и работал переводчиком. Когда он впервые привел меня в школу, там было только шесть узбекских девочек.

Время было очень тяжелое. Советская власть была непрочной. Мы жили как на вулкане. Часто происходили столкновения и бои. Коммунистов было мало. Впрочем, мои воспоминания об этом периоде очень сумбурны. Я плохо разбиралась в том, что происходило вокруг.

В 1926 году я начала работать в детском саду для сирот. В те годы у многих детей жизнь сложилась так же, как и у меня.

В 1930 году я поступила в библиотеку, где и работаю по сегодняшний день. Перерыв был только в годы войны, когда я была сварщицей. В том же 1930 году я первая среди узбечек была избрана в райсовет¹.

В 1951 году я заочно за два года вместо трех окончила библиотечный техникум. Мой муж, также узбек,

¹ В 1930 году француженки еще не имели права голоса. (Примечание авторов.)

погиб на фронте; сын работает декоратором в театре имени Горького, дочь — студентка Института геологии.

Я с удовольствием рассказала бы вам подробнее, каким был Узбекистан во время моего детства и раньше, но я плохо знаю эти времена. Когда я была ребенком, никто не рассказывал мне о моей стране. Наши дети смогут лучше, чем мы, поведать своим детям о своем собственном детстве и о более ранних годах: ведь мы можем все рассказать и объяснить им.

Здание библиотеки напоминает огромный корабль. Мы проходим через светлые, спокойные читальные залы, по металлическим трапам проникаем в трюмы с грузом культуры. От каталогов, над которыми склонились читатели, от столов — отовсюду на нас смотрят продолговатые черные глаза, повсюду мы задеваем застывшее пламя шелковых халатов.

Люди сегодняшнего дня и древние города

Древний Самарканд напоминает песчаные крепости, размытые морским приливом. Ни террас, ни крыш. Одни плоские глиняные стены, на которых, как шерсть на слоне, клочками растет выжженная солнцем трава.

Как и во всех мусульманских странах, лабиринт улиц не выдает секретов домов, но когда пройдешь за калитку, то двор, как открытая книга, все рассказывает о жизни дома. Форма и множество деталей быта остались традиционными, а содержание жизни стало новым.

По этим некогда безмолвным и глухим улицам нас вели из дома в дом улыбка и дружеский жест.

Во дворах тенистые беседки, увитые виноградными лозами, небольшие фонтаны. В Самарканде всегда не хватало хорошей воды, но водопровод был построен лишь при социализме. Между домами старого города — грязные арыки, из которых раньше черпали воду. Впрочем, у некоторых жителей города были свои бассейны и бани, и они торговали водой. Сегодня во дворах мы видели водопроводные колонки с краном на конце, похожие на поднявшую голову кобру. Женщинам это очень удобно, а поэзия проигрывает, поэзия и малярия. В сараях хранится запас дров: в Узбекистане довольно холодная зима.

Пол в комнатах застлан коврами; часть его несколько приподнята и завалена подушками—получается своеобразный низкий стол, за которым, сняв обувь, все рассаживаются в позе портных.

В стенных нишах хранятся пиалы и ярко раскрашенный чайник, в котором заваривается освежающий и взбадривающий зеленый чай, а также большие пестрые чаши для плова. На чашах лежат скрещенные шампур, на которых жарят шашлык.

Электричество есть во всех домах, но кое-где рядом с ним уживается и керосиновая лампа. В некоторых комнатах можно услышать по радио музыку Прокофьева, но электрической лампочки под потолком не видно. Одна молодая мать, которую наш приход застал врасплох, выключает электрический уют и ведет нас посмотреть на своего ребенка. Она с гордостью снимает покрывало, и в ларце-колыбели показывается ее драгоценность: младенец на плотной подстилке, завернутый в цветную пеленку; его смуглое личико обрамлено расшитой блестящими нитями шапочкой из красного бархата.

И вдруг я отчетливо сознаю, как я далеко от дома, в самом сердце Азии.

Но в то же время мы находимся в Советском Союзе. Пока мы шли по улицам с глухими стенами, еще могла вспомниться незабываемая, ни с чем не сравнимая нищета мусульманских стран, стран Северной Африки. А здесь живут трудящиеся с одним из самых нормальных в мире жизненным уровнем, причем все они, за исключением, может быть, нескольких стариков, получили довольно основательное образование. На одной из улиц старого квартала, мостовая которой была завалена сухой глиной,—там укладывали газопровод,—собралось много детей, и все они были школьниками. Придет день, когда в школу пойдет и наш маленький знакомый из колыбели. К тому времени он уже потеряет серьезный вид, свойственный новорожденным, и станет пионером с красным галстуком на груди. И пусть девушка, которая проходит мимо нас с книжкой в руках, напоминает пеструю бабочку—это не мешает ей стать инженером, врачом или преподавателем.

И с каждым годом старый город все больше и больше отступает перед новым.

Киев, или СССР — Франция

Урок Верховни

Верховня — это скромное село, расположенное в стороне от больших дорог, между Киевом и Бердичевом, маленький населенный пункт, затерянный, как иголка в стоге сена, среди огромных полей бескрайней украинской равнины. Кресты расположенного в отдалении кладбища четко вырисовываются на фоне неба.

Мы совершили продолжительную поездку в Верховню, куда мало кто ездит и где, по всем признакам, по крайней мере за последние сорок лет не побывал ни один француз. Мы туда поехали потому, что местный сельскохозяйственный техникум (новые дома его общежития белеют в глубине парка) расположен в бывшем замке графини Ганской, богатой польской помещицы, которая после 18 лет переписки в течение 100 дней была госпожой Оноре де Бальзак. В Верховне писатель говорил: «Эта усадьба удивительно напоминает Лувр», что, конечно, является преувеличением. (Бальзак провел большую часть трех последних лет своей жизни в надежде, несмотря на все препятствия, заключить брак, от которого он ждал счастья... и состояния.)

Будущие агрономы попросили нашего друга, украинского писателя Натана Самуиловича Рыбака, роман которого «Ошибка Оноре де Бальзака» был опубликован в газете «Ле Леттр Франсез», приехать к нам на обсуждение этой книги. И он пригласил нас принять участие в этой поездке.

Между первой и второй мировыми войнами историко-граф графини Ганской г-жа Корвин-Пиотровская сетовала: «Во что превратилась в руках представителей Советов эта великолепная усадьба? Нам известно, что сейчас там находится дом для умалишенных; может быть, усадьба подверглась досадной перестройке». Она говорила «может быть», потому что ничего не знала. Еще в 1949 году, когда в Алансоне отмечалось столетие со дня смерти Бальзака, внучатая племянница г-жи Ганской графиня Ржевущская, выступая на юбилее по праву наследницы, уверяла, что замок был разрушен «во время германо-русской войны», так эта польская аристократка называла вторую мировую войну, которая началась нашествием на ее страну.

В действительности до самого начала войны усадьба сохранялась в том состоянии, в каком ее оставили поспешно бежавшие потомки Ганских. Немцы разместили в Верховне свою комендатуру. Тогда и пропала шелковая драпировка на стенах, исчезли многие книги, была украдена или сожжена вместе со старыми деревьями парка большая часть мебели. Но угроза окружения вынудила нацистов к такому стремительному бегству, что сам дворец остался нетронутым. Многие книги были возвращены. Две комнаты, в которых жил Бальзак, превращены в музей. В памяти народа сохранились воспоминания о тучном французе, который с трудом преодолевал низкие ступеньки крыльца. Колхозник, у которого мы спросили, как проехать в Верховню, ответил: «К Бальзаку едете?»

И вот мы «у Бальзака». Знаменитый балльный зал с высоченным потолком, с позолоченной и раскрашенной панелью, с колоннами, поддерживающими балкон для оркестра. На выполненных в античном стиле барельефах изображены боги, похожие на пастухов, и пастухи, похожие на богов. Скромные, несколько поблекшие цвета этого помпейского убранства, дверь стиля ампир, ведущая в светлую галерею... Похоже, что ничто не изменилось...

Так ли это?

Балльный зал переполнен внимательно слушающими крестьянами. Это «холопы» г-жи графини — женщины, мужчины, молодежь, старики. Между колоннами в вестибюле целая толпа людей. Лица пожилых крестьянок покрыты, как монашескими капюшонами, платками цвета земли. Круглые головки девушек повязаны цветными косынками, из-под которых выбиваются кудряшки. Стиль прошлого — наши дни... Перед эстрадой стоит обрамленный зеленью большой портрет Бальзака, одновременно и похожий и наивный. Над трибуной на фоне красных знамен висит портрет Ленина.

На собрании председательствует преподаватель иностранной литературы, специально приехавший за 100 километров из Житомира. Он написал исследование «Иван Франко и французская литература». Одета в розовое платье белокурая студентка с руками крестьянки перелистывает конспект своего выступления. Она цитирует Энгельса, Горького и столь прозорливую, что с тех пор не было написано ничего более убедительного, речь Виктора Гюго у могилы Бальзака. Ее сменяет кол-

хозная библиотекаря: она останавливается на денежных вопросах, которые так волновали Бальзака. Затем берет слово Натан Рыбак. Он заверяет, что иностранные писатели завидуют своим советским коллегам, которые имеют столь многочисленных, серьезных, требовательных и темпераментных читателей; иностранные писатели, которые знают советского читателя, могут подтвердить, что это сушая правда. Сделав красивый переход, он говорит, что именно они, советские читатели, победили нацизм, освоили целинные земли, проложили путь в космос, и это опять правда. «Если бы Бальзак приехал сейчас сюда,— красноречиво закончил он,— то он был бы доволен. Здесь его знают, любят простые люди. Бальзак был бы рад тому, что нашел в вашем лице настоящих читателей».

* * *

Я тут же сказал, что собираюсь возражать моему другу Натану Рыбаку. Зал встрепенулся в приятном ожидании: кто не предпочитает полемику произносимым в унисон речам? Нет, сказал я, нет, если бы Бальзак вернулся в Верховню, то он нисколько бы не возрадовался. Как! Мужики, которые работали на нас и которых мы били кнутами, стали хозяевами дворца? Как! Они устроили здесь сельскохозяйственный техникум, не посчитавшись с тем, что г-н Бальзак неодобрительно относился к идее распространения народного образования? Как! Больше нет ни графини, ни миллионов? Как! Свергнуто с пьедестала золото, которое было в большей мере, чем литература, и в такой же степени, как истина, основной страстью Бальзака? Как! Мятетам на Украине, испуганным очевидцем которых он был («Это коммунизм», — говорил он уже тогда), пришла на смену революция, победоносная коммунистическая революция? Как! Больше нет дворца (ибо для честолюбивца дворец без владельца уже не дворец)? Нет, г-н де Бальзак совершил бы «ошибку», дорогой Рыбак, он не выразил бы радости.

Во дворе в тени сидят на скамейке два старика. Одному из них недавно исполнилось 100 лет. Раньше он работал преподавателем. «А где сейчас ваши ученики?» Он сделал широкий жест: «Одни стали генералами, другие — инженерами, депутатами, кто их знает? Вот, например, директор сельскохозяйственного техникума — тоже

мой бывший ученик...» Другой старик — бывший слуга¹ последних графов.

Сегодня воскресенье. Под треугольным фронтоном перистилля¹ с белыми колоннами раздается звук трубы. Будущие агрономы, молодые колхозники разминают ноги после собрания. Начинаются танцы. Что сказала бы графиня Ганская из знатной семьи Ржевудских!.. Почти все учащиеся сельскохозяйственного техникума — это жители деревень, находящихся на бывших землях Ганских и Ржевудских; молодежь, буквально расстреливавшая нас из своих фотоаппаратов (можно подумать, что на Украине фотография является основой агрономической науки), в большинстве своем состоит из потомков тех крепостных, многочисленностью и покорностью которых так восторгался Бальзак и о которых он небрежно говорил, что если они теряют какое-нибудь письмо, то «их, естественно, секут, хотя письмо от этого не находится».

* * *

Читая книги подчас искренних и даже благожелательных писателей, инженеров, политических деятелей, побывавших в Советском Союзе, не перестаешь удивляться незначительности внимания, которое они уделяют тому, чего они *уже не видят*, чего больше нельзя увидеть в СССР, но что по-прежнему присуще миру «человеческой комедии» и современной Франции,— всему тому, что новый мир отбросил во мрак своей предыстории.

Эти путешественники как бы не замечают, что свирепый крепостник граф Ганский больше не царствует в своем громадном поместье, которое, впрочем, ненамного превосходило по площади некоторые земельные владения в департаментах Эн и Па-де-Кале. Они не замечают, что в этой стране уже нет больше людей, схожих с бароном Нюсинженом или с бароном Джемсом Ротшильдом, наследнику которого прислуживают столько министров. Они, постоянные читатели светской хроники в газете «Фигаро», не заметили исчезновения герцогинь Ланже и Эмилии Ванденес. Можно подумать, что они совсем безразличны к тому, что к этой стране больше неприменимы слова великого романиста, по-прежнему, через 100 лет после Бальзака, полностью сохраняю-

¹ Перистиль — в данном случае — портик.

щие свою силу у нас, о том, что деньги приобретают всемогущую власть, «когда они скапливаются в больших количествах». Разве власть, к которой стремятся наиболее циничные персонажи произведений Бальзака и которая приносит гибель самым положительным из его героев, свергнута в Сомюре, в Туре, в Париже так же, как свергнута она в Киеве, в Ленинграде, в Верховне? Можно подумать, что они не замечают, что потомки персонажей «Человеческой комедии» и людей, чьи салоны посещал Бальзак,— это и есть великие мира сего, которые до сих пор правят Францией. Можно подумать, что жизненный путь бывших питомцев старого учителя кажется им малозначимым явлением. В настоящее время в Верховне нет помещиков, но во всем Советском Союзе нет такого города, где бы я не мог беседовать на французском языке с читателями Бальзака. Безусловно, Бальзак-человек не испытал бы радости. Но кому, как не социализму, Бальзак-писатель обязан миллионами своих читателей?

Прогуливаясь по парку графини Ганской вместе с веселой гурьбой молодых людей с фотоаппаратами (пусть меня повесят, если эти дети бывших мужиков не сделали по меньшей мере двухсот фотографий Натана Рыбака и французов, которые приехали «к Бальзаку»), я спрашивал себя, чего стоят критические писания о Советском Союзе людей, которые даже не видят, в чем состоит коренное отличие советского общества от общества Бальзака и нашего общества.

Сибирь, или Поющее завтра

Геолог

Как бы быстро мы ни летели, но расстояния часто были так велики, что в итоге нам пришлось провести немало времени на борту советских самолетов.

Бедные стрелки наших часов!

Мы переводили их без конца — то на три часа вперед, то на два, на четыре или даже на пять часов назад. Иногда солнце упрямо висело в небе в состоянии полной неподвижности, а в другой раз катилось, как сумасшедшее, и тогда рассвет наступал чуть ли не через два часа после начала ночи.

Когда мы летели из Москвы в Иркутск, примерно к одиннадцати часам вечера на горизонте начала вырисовываться маленькая бледно-зеленая полоска рассвета (на высоте в 10 тысяч метров горизонт казался очень далеким), а уже в полпервого ночи пришлось затягивать шторы, чтобы укрыться от слепящего огненного диска, который, вырвавшись из расплавленного озера, взвивался в небо, как оторвавшийся детский воздушный шар. Обкраденные на целую ночь, с отяжелевшими веками, мы перевели свои часы на пять часов вперед, как только приземлились в Иркутске.

* * *

«Весною 1959 года в Бурятской АССР работало 120 геологоразведочных партий; ими были обнаружены почти все известные в природе металлы».

Это одна из так называемых «кратких новостей» — под такой рубрикой помещается обычно на весьма скромном месте информация о внутренней жизни страны. Все относится к этому как к чему-то совершенно обычному и в лучшем случае говорят: «Неплохо...»

Между тем даже просто по-человечески это изумительно: 120 партий геологов только в одной Бурятской республике! А если взять всю страну, то сколько же должно быть таких разведчиков, сколько приключений, открытий, лихорадочных поисков, разочарований, торжествующей радости! Сколько студентов и лекций по геологии! И каково экономическое значение этой разброшенной по всей стране армии молодых ученых, без которых не могло быть и речи о подъеме Сибири!

* * *

Это дьявольское солнце не дает спать. Рядом с нами маленькая блондинка с детским лицом рассеянно читает какую-то книгу. По ее улыбке видно, что она не прочь вступить в разговор. И вот уже минут через десять мы любуемся фотографиями ее трехлетнего сына.

Кто она, эта словоохотливая, нежная молодая мамаша, полная гордости за действительно удачные снимки? Она охотно отвечает — спать ей совсем не хочется.

Она геолог, как и ее муж; сейчас едет в шестимесячную экспедицию в сибирскую тайгу; муж ее уже на месте, а ей пришлось отвозить сына к бабушке, поэтому-то она и путешествует в одиночестве.

А вот фотография, сделанная ее мужем: она стоит

перед палаткой, рядом с которой на веревках вместе с носками сушатся куски мяса. Геологи обычно разбиваются на группы по два или по три человека (третий — радист). Каждая группа исследует определенный район. Когда они с мужем оказываются в разных партиях, то встречаются на этапах. Как-то к ней в партию напросился 19-летний паренек. Однажды ночью их костер окружили волки. Он чуть не умер со страху. Она начала стрелять из ружья, и волки разбежались, но через час вернулись назад. Они уже не боялись выстрелов. Кстати, ружье было заряжено дробью для охоты на уток. Чтобы удержать зверей на расстоянии, им пришлось всю ночь грохотать тарелками и лопатами. Когда начало рассветать, волки убежали. Молодой человек не знал, куда деться от стыда; больше она с ним не поехала бы — слишком уж он трусоват.

Встречи с волками и медведями будут еще не раз — что поделаешь, такая уж профессия!

Но сон оказался сильнее солнца. Умолкнув, наша попутчица нажала на кнопку и, свернувшись калачиком, улеглась на откинувшемся назад кресле. Косые лучи солнца играют в мягком золоте ее волос. Наверное, когда ее сын спит, у него такое же выражение лица.

* * *

Быть может, все началось в тот далекий день, когда во Дворце пионеров был сделан шаблонно-нарядный снимок.

Кончив позировать фотографу, дети, шумя и толкаясь, побежали в комнаты для игр, в лаборатории и мастерские, где их учат обращению с точными инструментами, с хрупкими и дорогостоящими аппаратами, к которым во Франции детям не позволяют и притронуться, в кабинеты, где наука и техника открывают перед школьниками все пути в большую жизнь — только выбирай.

«Ребята, кем вы хотите быть, когда станете взрослыми?»

На этот вопрос разом отвечают все 36 детей, и глаза их сверкают, как у волчат.

И вот в один прекрасный день в каком-нибудь самолете вы встречаете ставшую взрослой девочку с фотографии, которая говорит вам: «Я геолог».

А потом в уголке газетной страницы вы прочтете «краткую новость» о 120 поисковых партиях.

Иркутск .

Вы прекрасно знаете, что вы уже немолодой человек, однако если вы француз, то первый ваш взгляд на Иркутск будет взглядом 10-летнего ребенка — это из-за жюль-верновского Мишеля Строгова.

Но Иркутск не весь уместился в больших красных томах с позолоченным обрезом. Во времена нашей юности это был город, расположенный на краю света, город, близ которого находили и зарабатывали золото, где спекуляция принимала карикатурно-циничные формы (часто денежные ссуды там давались под 20 процентов), один из тех подозрительных городов, где почти не ощущаешь влияния цивилизации, где все уродливое принимает самые крайние формы, где пьянство помогает забыть прошлое и затягивает на дно тех, кто потерял надежду на будущее. Иркутск — пристанище авантюристов, последний этап перед бескрайним безмолвием, где можно найти состояние, центр спекуляции золотом, торговли с Монголией и Китаем — был в то же время городом, где робкие и грубоватые таежные охотники за бесценнок сбывали шкурки зверей, добытые с риском для жизни, грязным и совершенно неблагоустроенным городом, с отсталой, полукустарной промышленностью, в которой были заняты одетые в рубища кузнецы, мыловары и кожевники, глухоманью, единственную компенсацию за проживание в которой спекулянты видели в обогащении, в то время как представители высшего общества утешались сознанием своей полной отчужденности от всего прочего люда.

В 45 школах Иркутска насчитывалось всего 4 тысячи учащихся. Надо думать, что гораздо больше народа посещало 700 питейных заведений, поскольку, по данным статистики за 1913 год, *здесь на душу населения ежедневно выпивалось пол-литра спиртного*. В городе был только один очаг культуры — городская библиотека, и 20 церквей.

Иркутск черен цветом своих деревянных домов и светел своим пронизанным солнцем воздухом — число солнечных дней здесь примерно такое же, как в Алма-Ате. Здесь в холодную красавицу Ангару впадают два притока. Городская территория увеличилась вдвое: Иркутск протянулся на 30 километров с северо-востока на юго-запад; в ширину он имеет 10—12 километров; разрастаясь, он заполняет впадины и карабкается на воз-

вышенности, образует нечто вроде американских горок, появляется в самых неожиданных местах и, как почерневший от снеговых ожогов лишайник, расползается по земле все дальше и дальше. Из-за частых землетрясений высокие здания здесь не строят (между прочим, в Ленинграде разрабатываются проекты блочных зданий, не боящихся подземных толчков). 220 километров заасфальтированных улиц изменили облик и жизнь города. Однако до сих пор во многих кварталах тротуары образованы уложенными на бревна досками, очень много деревянных домов, стоящих более или менее правильными рядами, причем возраст домов самый разнообразный — ведь Иркутску 300 лет. Дома XVIII столетия с изящными пропорциями и узорчатыми оконными рамами выдержали натиск времени. Но многие домики покосились от снега и оттепели, окна их с резными наличниками стали похожи на криво повешенные картины. Тротуары здесь часто напоминают мостки в затопленных наводнением городах, а грунтовые мостовые почти полностью размыты водой.

Так выглядят многие улицы Иркутска. Но нам с законной гордостью сообщили, что сейчас город только на 75% состоит из деревянных домов, в то время как несколько лет тому назад их было 98%. Это объясняется не столько сносом обветшалых домов, сколько размахом нового строительства.

...За европейским кварталом, выстроенным в стиле XX века, начинается советский Иркутск довоенного периода: здесь расположены выдержанные в ныне преодоленной тяжеловатой манере университетские здания, под сенью которых подготавливался необычный расцвет сегодняшней Сибири.

Иркутск, в прошлом столица золота и алкоголя,— ныне крупный культурный центр. В городе имеется университет, построенный при Советской власти, восемь институтов, в которых учится более 12 тысяч студентов, 23 техникума, 13 научно-исследовательских институтов, филиал Академии наук СССР, четыре театра, филармония, 24 клуба, 13 кинотеатров, 144 библиотеки...

* * *

Мы стоим на высоком мосту, перекинутом через жилой квартал. Внизу на площади — передвижной зоопарк с автофургонами. Вдоль четырехугольника, образованного расположенными в два яруса клетками, медленно пе-

редвигаются группы детей и взрослых; тут же продащица с разноцветной гроздьё воздушных шаров...

Через час мы попадаем в машинное отделение Иркутской ГЭС, первого звена в цепи ангарских гидростанций, этих ворот, открытых в будущее. Завтра она будет выглядеть скромным первенцем по сравнению с Братском, затем Братск будет затмен Усть-Илимом, и, наконец, все они померкнут перед Енисейской электростанцией. А ведь Иркутская ГЭС дает больше энергии и света, чем все гидростанции Рейна. Ее турбогенераторы были пущены в ход в бараках, утепленных стеклянкой ватой. После этого строители возвели над ними здания, работая при сорока градусах мороза. К концу строительства все расходы уже были окуплены выработанной электроэнергией.

«Нужно выигрывать время», — объяснил нам главный инженер.

Озеро

Слово «озеро», на каком бы языке оно ни было произнесено, вызывает в памяти образ зеркальной глади, подернутой волнистой дымкой, и как бы открывает сосуд с опьяняющими легендами. Так и здесь: когда прекрасная Ангара убежала к своему возлюбленному Енисею, ее отец, бог Байкал, разгневавшись, бросил в нее огромный камень — скалу Шамана...

Одни озера похожи на тихие пруды в парке, другие подобны жемчужинам горных вершин, ради которых приходится совершать труднейшие восхождения; есть озера, как бы специально созданные для лечебных целей, и озера с отелями для туристов...

Окруженный тайгой чистый и холодный Байкал по площади превышает Нидерланды и почти равен Дании. Он очень глубок, местами до двух километров, и поэтому воды в нем в два раза больше, чем в Балтийском море. Жизнь в Байкале возникла около 20 миллионов лет тому назад, и озеро до сих пор имеет такую богатую флору и фауну, что огромное большинство животных и растительных видов, найденных в его водах, не встречается более нигде. В облике Байкала сохранилось что-то от того времени, когда на земле еще не было человека. В нем живут маленькие тюлени и один вид рыбы, до того жирной, что летом на солнце она та-

ет, как снег. Вода в Байкале такая прозрачная, что на глубине 35 метров можно разглядеть белый кружок. В течение 18 дней из каждых 30 на озере бушуют бури, но судоходство по нему не прекращается даже в зимний период.

Озеро выглядит необжитым — два селения с юга, два с севера; несколько оживленнее на том берегу, где проходит железная дорога. Раньше поезд шел вдоль Байкала 12 часов. Теперь линия выпрямлена, и тем не менее вы едете по берегу озера целых 8 часов.

Скоро неподалеку от того места, где прекрасная Ангара уходит от своего отца Байкала, будет выстроено внушительное современное здание научно-исследовательского института. Пока же здесь в маленьком бревенчатом домике расположена станция Академии наук, основанная в 1923 году. Ею руководит, о, Жюль Верн, молодой ученый, совмещающий функции капитана корабля, хранителя музея и исследователя. Он принял нас в одной из комнаток с маленькими окнами и большой печкой, среди всевозможных колб и приборов, и сразу стал рассказывать о «своем озере». Легенда уступает место науке. Вот первая карта озера, сделанная в середине XVIII века, через сто лет после того, как первые экспедиции казаков добрались до Байкала. Чтобы составить ее, терпеливые ученые целых два года объезжали озеро на лодке. Вот пожелтевшие фотографии времен русско-японской войны, когда впервые на льду были уложены железнодорожные рельсы — подвиг, послуживший примером Ленинграду через 35 лет. Вот рядом с чучелами зверей и гербариями — срезы старых деревьев, с помощью которых удалось установить уровень воды в Байкале тех времен, когда никто его не измерял. Исходя из этих данных, были сделаны расчеты, необходимые для строительства будущих гидростанций. Ибо будущее Западной Сибири зависит от электрификации, электрификация зависит от Ангары, а Ангара вытекает из Байкала. Здесь были собраны данные, на основе которых Иркутск был избран первым звеном каскада гидростанций нарастающей мощности, которые будут построены на Ангаре до самого ее слияния с Енисеем.

Научная станция расположена не так уж далеко от Иркутска — летом это расстояние быстро покрывается на машине. Однако впечатление такое, что этот маленький домик на пятачке земли, окруженный девствен-

ными зарослями тайги, подступающей к самому берегу самого глубокого в мире озера, стоит на краю света.

На станции работают 80 научных сотрудников. Проведя как-то вечер с некоторыми из них, корреспондент газеты «Монд» Мишель Татю¹ писал потом: «Это действительно люди нового типа».

* * *

Захватив с собой сынишку директора,— конечно, он первым вспрыгнул на борт,— мы помчались по озеру на быстроходном катере.

— Расскажите, пожалуйста, немного о себе.

— Семья у нас была большая. Одна из моих сестер— продавщица, другая — электрик, два брата — инженеры, остальные умерли еще в детстве, во время гражданской войны, один погиб на войне. Ботаником я стал по призванию. Учился в Иркутском университете, аспирантуру закончил в Ленинграде. Мать всю жизнь хлопотала по дому — сами понимаете, десять детей. Отец работает на кирпичном заводе.

Председатель

У него лицо тридцатилетнего мужчины, а в волосах седина. Живые светло-карие глаза и энергичный взгляд. В сапогах, галифе, черной гимнастерке с кожаным поясом, наш хозяин чем-то напоминает военного.

Потягивая на десерт малиновую настойку, мы ведем непринужденную беседу. Во время обеда расспрашивали мы, теперь настала очередь хозяина дома. Он говорит о Стендале, восхищается Талейраном. Но скажите, как, по-вашему, у Франсуазы Саган действительно есть талант?

Пусть кинокамера отодвинется назад, отведет свой объектив от длинных тонких рук, небрежно играющих пепельницей, от клеенки с крупными цветами и нацелится на кухню, в темном углу которой, всего в нескольких шагах от нашего стола, перед глинобитной печью сидит смуглая женщина с платком на голове: это она угостила нас обедом (сама она за стол не садилась),

¹ «Монд» — влиятельная буржуазная газета, выходит в Париже с 1944 года. Мишель Татю в конце 50-х — начале 60-х годов был ее собственным корреспондентом в Москве.

в том числе байкальской ухой из такой жирной рыбы, которая варится в собственном соку.

Пусть камера заглянет в ее комнату, украшенную накрахмаленными занавесками с фабричной вышивкой и бумажными цветами, как наши церковные алтари в мае. Свет сюда проникает через пять маленьких, как иллюминаторы, окон. На трех голубых железных кроватях с блестящими медными шарами целая пирамида подушек в кружевных наволочках. Зеленые ветки растущего в кадке дерева заполняют почти все свободное место, оставленное в этой комнате огромной, побеленной известью печкой, представляющей собой лишь часть кухонной печи.

Пусть кинокамера отступит еще дальше и снимет весь бревенчатый дом, окруженный его собратьями — другими деревянными домами, стоящими по обе стороны широкой изрытой улицы, ведущей прямо к озеру. Это главная улица деревни Култук на Байкале. Отсюда гораздо ближе до Пекина, чем до Москвы. Деревня расположена на краю низины, покрытой дремучей тайгой.

Если верить рассказу одного восьмидесятилетнего старика, в 1908 году сюда приезжал какой-то французский художник, но вскоре уехал, отчаявшись уловить и передать неотвязную, неповторимую красоту этих суровых мест.

Наш хозяин — председатель рыболовецкого колхоза имени Коминтерна, в котором насчитывается 80 дворов. Остальное население деревни — это железнодорожники, рабочие близлежащих заводов и объединенные в промысловый кооператив охотники.

Колхоз и его председатель однолетки, оба родились в 1929 году; поначалу в колхозе состояли все жители деревни, но затем зарождавшаяся промышленность отняла у колхоза много рабочих рук. В настоящее время благодаря механизации на каждую сеть требуется лишь шесть рыбаков вместо 23, как было раньше, и колхоз больше не испытывает недостатка в людях.

Разумеется, за обедом мы говорили не о Талейране, а о ловле омуля. Лов строго ограничен: разрешено добывать не более 100 тысяч центнеров омуля в год. Каким же образом колхоз, не имея возможности перевыполнять план улова, повышает свои доходы? Прежде всего за счет снижения себестоимости и затем путем развития подсобных хозяйств. Именно поэтому Култукский колхоз занялся разведением уток. Рядом с озером

много болот, кишаших червями, рачками и мелкими рыбешками. Можно сказать, что люди здесь живут рядом с большущим рынком, который может прокормить 100 тысяч уток. Кроме того, утиные выводки выпускаются, как на пастбище, и на само озеро. Таким образом, когда нет морозов, птицу кормят уже не четыре, а два раза в день.

300 гектаров колхозной земли будут отведены под огороды, где посадят морковь и картофель; вместе с отходами рыбоконсервного завода и мясокомбината они обеспечат корм на зиму. Будут сооружены инкубаторы и построен утепленный птичник. В этом году имеется всего лишь 1000 уток, а на будущий год их должно быть уже 15 тысяч. Если дело окажется прибыльным, то можно будет расширить консервный завод и начать консервировать утиное мясо — почему бы и нет!

Надо обсудить и решить с колхозниками вопрос о сбыте. Рыба сдается государству, а что делать с утками: продавать на рынке или же заготовительным областными кооперативным организациям? А может быть, договориться о поставке утиного мяса прямо в столовые Иркутска и соседних заводов?

Председатель приводит цифры, задает сам себе вопросы, а мы спорим с ним, расспрашиваем, и на этот раз захваченные «игрой», увлекательной «игрой» в планы, которые наверняка будут осуществлены.

И мы уже видим, как по озеру, крякая, что-то клюя в воде и отряхиваясь, плывут утки, и появляется желание как можно скорее приехать сюда снова, посидеть за рюмкой этой чудесной малиновой настойки, услышать *продолжение истории*, узнать, как одна за другой были разрешены все проблемы, какие непредвиденные трудности были встречены и преодолены...

Но день уже на исходе, а председателю не терпится показать нам деревню и познакомить с колхозниками. И вот мы идем от дома к дому, громко стуча в закрытые двери, запросто входя в открытые, радостно здороваясь и всюду встречая горячий прием. Все это с шутками и смехом. Дома здесь разные — есть старые, но много и новых, благоустроенных: в Култуке на Байкале строительством занимаются серьезно. Во всех домах книги, особенно много их у тех рыбаков, сыновья и дочери которых учатся в университете. Каждый хочет показать нам все комнаты, даже те, где спят дети. В окнах, на верандах дружеские лица, машущие руки. Но всей ули-

цы мы уже обойти не можем. Председатель извиняет нас, хотя и с явной неохотой.

Мы прощаемся, когда солнце бросает на озеро последние огненные блики. Председатель рассказал нам о своих планах, обогатил нас сведениями о жизни омулей и о выведении уток. Все это довольно далеко от Стендаля и Талейрана.

— Я окончил восемь классов сельской школы, потом учился бухгалтерскому делу. А влекло меня к филологии и истории...

— Так почему же вы не занялись тем, что вас интересовало?

— Когда я вернулся из армии,— а служил я на Сахалине,— мне было двадцать четыре года. Был я в звании ефрейтора, и меня избрали председателем колхоза. Конечно, я мог поступить в университет, но случилось так, что колхозники не пустили. Говорили, что я хороший председатель. Пришлось остаться. Пока занимаюсь историей и литературой самостоятельно. Дальше видно будет...

Наша машина въезжает в лесную тьму, пронзая ее золотым лучом фар. Кругом ночь и тайга.

...Включив настольную лампу, Виктор Демин, должно быть, читает сейчас какую-нибудь книгу по истории.

Город на полях школьной тетрадки

В детстве я очень любил рисовать на полях своих школьных тетрадей карты вымышленных стран. Я открывал эти страны, женился на дочери короля (когда я был ребенком, было много королев), учил дикарей басням Лафонтена, но главное — строил новые города.

Дикарей, конечно, в Ангарске нет, но сам город удивительно напоминает рисунок на полях моей школьной тетради. Как и я в детстве, сибирские Христофоры Колумбы выбрали для возведения своего города место, близкое к водным путям и магистральным дорогам: Ангарск расположен километрах в 50 к северу от Иркутска на берегу Ангары, совсем рядом с железнодорожной линией Москва — Владивосток. Подобно мне, они прежде всего создали план будущего города. Строить на новом месте, например в тайге, намного легче, чем

восстанавливать или перестраивать (об этом убедительно могли бы рассказать те, кто поднимал из руин Варшаву). Так, в Ангарске заводы отделены от города полосой тайги, что гораздо лучше искусственно создаваемых зеленых зон. Это было сделано крайне просто: на месте будущего города и запланированных заводов тайгу вырубili, а там, где была намечена зеленая зона — оставили, так что сейчас в Ангарске старше всех не город и не заводы, а разделяющие их деревья.

Среди всех ангарских заводов: цементного, керамического, трубопрокатного, консервного, химического и других, одни из которых уже пущены в ход, а другие только спроектированы, самым крупным будет нефтеперерабатывающий завод. Поначалу вся нефть будет поступать сюда по нефтепроводу из Башкирии. «Поначалу» — потому что геологи совершенно категорически утверждают: в Восточной Сибири есть своя нефть. И даже не очень далеко от Ангарска. Пока еще она не обнаружена, но ее найдут, и тогда, конечно, в работу пойдет сибирская нефть.

Должен сказать, что строители Ангарска оказались щедрее меня: все дома они снабдили паровым отоплением, все квартиры — ванной.

Однако, не в пример мне, они не стали строить собора (я делал это не под влиянием религиозных чувств, а чтобы было где обвенчаться с дочерью короля) и даже простых церквей. Дело в том, что эти сооружения совершенно не нужны в социалистическом городе, средний возраст жителей которого не превышает 18 лет.

Что касается ангарских детей, то я не знаю, декларируют ли они басни Лафонтена, но зато в одно воскресное утро мы видели в красивом зале Дворца культуры детей, игравших Глинку и Бетховена. Вместо вечерних платьев на них были белые передники, вместо жемчужных ожерелий красные галстуки... Бетховен! Этому городу нового мира, которому примерно столько же лет, сколько классов в его школах, неведомы ни трущобы, потому что это новый город, ни безработица, потому что это социалистический город, ни безграмотность, ни другие черты, присущие старому миру, и в то же время он является наследником всех тех, кто мечтал о красоте и величии. Бетховен в Ангарске — какая тема для размышлений!

Подобно острову, которым управлял я, просвещенный монарх-филантроп, Ангарск принадлежит молодежи.

Здесь невозможна игра французских детей в «кто увидит больше бородачей», а игра в «кто увидит больше седых» шла бы очень медленно, потому что пожилых в Ангарске меньше, чем во Франции бородастых. На широких зеленых улицах города (деревья растут порой на тротуарах, порой в центре улиц) гуляют толпы молодоженов, женихов и невест, детворы. И когда изредка мне навстречу попадались бабушки или пенсионеры, то мне так и хотелось заговорщически подмигнуть им: «Мое почтение, дорогой сверстник...»

Средний возраст 18 лет — это значит много молодежных общежитий, груды книг и учебников в комнатах, много технических школ. Средний возраст 18 лет — это значит чинные танцы по воскресеньям в парках и на площади перед горсоветом и Дворцом культуры под аккомпанемент духового оркестра. Это значит много спортсменов и много зрителей на стадионах. Средний возраст 18 лет — это объясняет, почему только в одном учреждении пришлось «раздувать штаты» — в загсе, где регистрируются бракосочетания и рождения. Обилие детских колясок, нехватка бабушек, оставшихся в родных городах молодых переселенцев, приводят к тому, что ясли стали самой актуальной проблемой Ангарска, о которой каждый не преминет рассказать вам, хотя в сравнении с другими городами их строят здесь намного больше.

Мы нанесли визит одному из старожил Ангарска, который живет в красивом домике на краю дороги, у самого спуска в долину, ставшую излюбленным местом воскресных прогулок жителей города: здесь есть рестораны, спортплощадки и рощи. Ему не меньше пятидесяти лет, но и не больше. Сам он рабочий-кирпичник. Приехал сюда с Украины в 1950 году, когда кругом была еще тайга. До 1955 года жил в двух комнатах с семьей из пяти человек. Теперь он гордится своим просторным домом и садом. Семья у него самая обычная: сын — слесарь, дочь — инженер-конструктор в строительном отделе горсовета; младшая дочь недавно окончила техникум и будет работать на строительстве.

Распровавшись со свидетелями рождения города, мы решили встретиться с представителями более позднего поколения. У них пока один ребенок. («Вам говорили о проблеме яслей? К счастью, у нас малышом занимается бабушка...») Они живут не так просторно, как старожилы, но и не в тесноте. Он крановщик, зарабаты-

вает хорошо, в четыре раза больше своей жены учительницы: правда, пока она только практикант, работает неполный рабочий день, а по вечерам учится в институте усовершенствования. Мы сфотографировали их, а они нас.

Из окна их квартиры, как, наверное, из большинства окон Ангарска, казалось, что все небо заставлено монументальными кранами новостроек.

Может ли что-нибудь так радовать сердце человека, как вид нового города? Но, по мнению городских руководителей, Ангарск не так уж нов. «Вы видели Братск? — спросили они меня. — Так выглядел Ангарск семь-восемь лет тому назад. Конечно, Братск будет лучше. Ведь он десятью годами моложе...» «Вы видели Ангарск? — спросили меня в Шелехове. — Так вот, Шелехово — это Ангарск завтрашнего дня». Из скромности они не добавили: «Только лучше». А тем временем из земли продолжают вырастать другие советские города, о которых завтра будут говорить, что они превзойдут Шелехово. И это вполне естественно...

В Ташкентском институте иностранных языков одна студентка-узбечка французского факультета в сочинении на тему «Мой родной город» написала: «Мой город родился вместе со мной...»

Аэродром на дне моря

Самолет долго летит над лесом со множеством вырубленных участков; с высоты поваленные деревья похожи на спички, высыпанные из многих тысяч коробков. Над побежденной, низложенной, обесцвеченной тайгой стелется дым горящего валежника.

Аэродром напоминает детский конструктор: цилиндры, кубы, треугольники. Стоящие на ступеньках лестницы пассажиры выглядят как свадебный кортеж, выстроившийся перед фотографом. Еще совсем недавно здесь была тайга..

Мы входим в маленький, довольно невзрачный кабинет начальника Братского аэропорта. Сидя за столом в шинели, немного потемневшей от пыли и непогоды, и упершись широко раздвинутыми руками о край стола, он называет цифры будущего. Ему известно все, что связано со стройкой: размеры плотины, мощность будущей станции, все трудности, план города или, точнее, городов, которые уже выросли, вырастают и еще

вырастут в этих местах, где по сей день на людей иногда нападают медведи. В этом он походит на всех жителей Братска. Как можно жить в Братске и не любить его, а не любя Братск, зачем в нем жить?

Молодежь, которая составляет подавляющее большинство населения этого города, возникшего в 700 километрах к северу от Иркутска, имеет одну общую черту: вся она состоит из строителей (из 50 тысяч жителей 25 тысяч работают на строительстве ГЭС и предприятиях). Их можно считать избранными членами единой дружной семьи. Они — «братчане». Начальник аэропорта — один из них. От Минска до Иркутска, от Ленинграда до Харькова 600 предприятий производят для них огромные самосвалы, гигантские экскаваторы, феноменальные турбины. От Архангельска до Ленинграда вся страна изо дня в день следит за успехами строительства. Ежедневно газеты публикуют сводки, поступающие из штаба строителей.

Начальник аэропорта объясняет: «Наш аэродром — временное сооружение».

Эти слова мы слышали в Советском Союзе очень часто: о первых домах в Шелехове, о цементных заводах в новых кварталах больших городов. В Париже 20 лет тому назад рухнул маленький мост Сен-Луи, и его заменили временным переходом: так он там и стоит до сих пор. Говорят, что во Франции «долго сохраняется только временное», но ведь временное временному рознь: оно может либо с грехом пополам заменить *то, что было лучше*, либо ждать замены *тем, что будет лучше*. В пострадавших от бомбардировок городах стоят временные бараки; раньше здесь были красивые жилые дома, и настанет день, когда их восстановят. А временные взлетно-посадочные дорожки в Симферополе, временные улицы в Шелехове, временные дороги в Братске не связаны ни с каким бедствием; их построили там, где не было ничего, и исчезнут они не потому, что нужно что-то восстанавливать, а потому, что нужно строить; не потому, что нужно преодолеть какое-то отставание, а потому, что нужно идти вперед: они готовят будущее.

Глядя куда-то поверх низкого потолка своего кабинета, начальник временного аэропорта говорит нам:

— Новый аэропорт будет построен в 35 километрах отсюда; он будет иметь бетонированные дорожки, просторные здания...

— В 35 километрах? Почему так далеко?

— Потому что это место окажется на глубине 70 метров от поверхности моря.

Будущего моря, площадь которого превысит площадь департамента Сены-и-Уазы.

Высоко над нами начальник аэропорта уже видит волны Братского моря. Мы в центре затопленного города, города, который будет затоплен. Существует много легенд о таких городах. Обычно их затопление объясняли тем, что они прокляты или подверглись каре за совершенные преступления. Ныне человек сам строит то, что по его приказу затопит море, волны и энергия которого, покорившись человеку, еще более возвеличат его. Сейчас он прорубает дороги в скалах, у подножия которых будет плескаться море, прокладывает широкие просеки в лесной чаще, украшает триумфальными арками подъезд к городам-стройкам, которые будут разобраны и перенесены на новое место; бревна домов пронумерованы; все, что он строит на этих холмах и в этих низинах, станет подводным миром. Водолаз будущего найдет на дне Братского моря созданный человеком пейзаж с дорогами, с ровным полем аэродрома, с триумфальными арками, под которыми будут проплывать рыбы.

Но разве не то же самое происходит в Тине или в Серр-Понсоне, где сооружаются французская плотина и французская гидростанция, говоря о которых главный инженер иркутских плотины и электростанции, строящихся в довольно схожих условиях и примерно такими же методами, восхищался нашими специалистами.

Да, конечно, но Братская гидростанция будет намного мощнее Сталинградской¹, которая, в свою очередь, даст намного больше электроэнергии, чем величайшая в мире Куйбышевская гидростанция. А самое главное, по какой мерке сравнивать два мира, так же отличающиеся друг от друга, как и долины рек Дюранс и Ангара?

«Истерн»²

Вначале была тайга. Расставшись с Байкалом, Ангара устремилась сквозь нее к ледяному Северу. Там, где

¹ Ныне Волжская ГЭС имени XXII съезда КПСС.

² По аналогии с «вестерн» (англ.) — американскими фильмами о колонизации запада, главными персонажами в которых являются ковбои, шерифы, разбойники и пр. (Примечание авторов.)

два гранитных утеса чуть суживают русло реки, стояло маленькое село с черными, полуразвалившимися бревенчатыми домами. Называлось оно Братск. Над ним возвышалась деревянная крепость, построенная 300 лет тому назад по приказу царя одним казацким атаманом. С тех пор ничего не изменилось.

Ничего, если не считать того, что при Советской власти географы и геологи провели тщательное расследование по делу реки Ангары; они измерили ее ширину, изучили странную узкую горловину, уточнили высоту расположения Байкала, доказали возможность выстроить здесь целый каскад плотин и создать обширное искусственное море. Сначала была мечта. Но что такое прогресс человечества, как не осуществление мечты? Уэллс называл Ленина «кремлевским мечтателем». В этом звучала нотка сострадания...

И вот в 1954 году в старинное село приехали пятеро мужчин с топорами и пилами — первые рыцари надежды: начальник строительства, заместитель главного инженера, заместитель начальника строительства, главный инженер плотины и механик. Они поднялись на самую высокую точку местности, срубили несколько елей, построили вышку и заглянули в будущее: здесь будет построена гидростанция, мощность которой вдвое превзойдет мощность Куйбышевской и Сталинградской ГЭС; здесь будут построены различные предприятия, здесь вырастет новый современный город с полумиллионным населением и со своей продовольственной базой...

Кругом расстилалось необозримое светло-темно-зеленое море верхушек берез и елей — это была тайга, молчания которой не могла нарушить неслышная поступь медведей и волков.

И на какое-то мгновение эти первооткрыватели испытали чувство сомнения, почти испуга.

Обновление легенд

У каждой эпической битвы есть свои легендарные герои.

Участники III съезда советских писателей советовали друг другу изучать психологию нового человека на больших стройках. Братск более подошел бы лирическим поэтам. Лишь бы у них хватило дыхания...

Они рассказали бы в стихах о том, как вначале руководители строительства гидроэлектростанции опасались только одного — нехватки рабочей силы, как в Братск приехали 1500 первых строителей-коммунистов, как был брошен призыв комсомольцам; подобно тому как Золя на первых страницах своего романа «Лурд» описывает, как из всех стран мира поезда везут жаждущих исцеления чудом больных, они рассказали бы о том, как из всех уголков Советского Союза в Братск съезжалась молодежь, жаждущая участвовать в сотворении чудес, посланных только людям; уже через год, еще до перекрытия Ангары, пришлось возвести плотину, сдержавшую поток молодых добровольцев, так как их оказалось больше, чем это было необходимо для стройки. Они поведали бы о том (и это было бы прекраснее легенды о скале Шамана), как строители Иркутской ГЭС, укротив Ангару, заставили ее давать энергию строителям Братской ГЭС, чтобы те покорили ее во второй раз; они рассказали бы о комсомольцах, прорубивших в тайге 629-километровую просеку (расстояние от Парижа до Монтобана), на всем протяжении которой была установлена высоковольтная линия; на пути они не встретили ни одного человеческого жилья, а когда дошли до конца, то с удивлением обнаружили, что там для них уже выстроены дома. Они рассказали бы детям о прирученном медвежонке, которого научили разматывать проволоку и который во время обеденного перерыва забирался подремать в кабину грузовика. Они рассказали бы о героико-комической одиссее Сабурова: как-то раз, пролетая на вертолете над покрытой плывущими льдами Ангарой, он вынужден был из-за нехватки горючего совершить посадку на безлюдном островке, где его, полузамерзшего, подобрала моторная лодка, которая, в свою очередь, по какому-то роковому стечению обстоятельств сама потерпела аварию и чуть не оказалась затертой льдинами; чудом добравшись до берега, пострадавшие после тысячи приключений набрали на какого-то автомобилиста, искавшего подходящее место для рыбной ловли: он оказался... начальником спасательной службы! Эту поэму можно было бы озаглавить, как, смеясь, предлагал Сабуров, «Цивилизованные робинзоны».

Они воспели бы эпопею, в начале которой все были лесорубами. Они рассказали бы, как однажды, когда шоферы отказались вести машины по ненадежному мо-

сту, инженер, став под него, крикнул своему заместителю: «Садись за руль и поезжай»; вылез он из-под моста после того, как проехал последний грузовик. Они рассказали бы о маленькой учительнице из Улан-Удэ, с которой мы разговорились в автобусе, курсирующем между аэродромом и стройкой. Она приехала в Братск с целой группой старшеклассников из столицы Бурятской республики; сейчас все ее ученики поступили на технические курсы.

Они рассказали бы, хотя это и не относится к циклу братских легенд, о том, как среди участников одной партии геологов были отец и мать девочки, которой скоро должно было исполниться два года. Казалось, что в день рождения *Тани* товарищам ее родителей оставалось одно: преподнести ей вместо плюшевого мишки настоящего медвежонка — ведь московский «Детский мир» не имеет филиала в тайге. Тогда геологи решили назвать именем своей маленькой приятельницы открытое ими месторождение. Так крестной *Татьянинского*, известного всей Восточной Сибири места, где вскоре, может быть, вырастет большой город, стала девочка, которая учится сейчас в первом классе одной из иркутских школ.

И пусть, наконец, эпические поэты, если во имя правды они не боятся того, что это может показаться неправдоподобным, напишут о том, что инженер на строительстве плотины, хозяин «неосуществимой стройки» («Голос Америки» уверял, что плотина никогда не будет построена), носит фамилию *Чудотворцев*...

Стоя на вышке, «Владимир Чудотворец» думал о том, что первозданная тишина тайги отступит перед молодостью, думал о прошлых поколениях молодежи, о тех, кто 20 лет тому назад, откликнувшись на призыв комсомола, строил вместе с ним на Дальнем Востоке Комсомольск-на-Амуре. И вот уже инженер Чудотворцев сравнивает: «Задор, энтузиазм, решимость, патриотический дух такие же, но как выросла сознательность! В ту пору среднее образование рабочих-строителей не превышало 4 классов, попадались и совсем неграмотные. Работали неумело. Молодежь не знала, как обращаться с машинами, иногда портила их. Теперь у нас образованная, квалифицированная молодежь, быстро осваивающая самую сложную технику. Мало кто из них не учится, не продолжает учебу; с этой стройки уедет

много подготовленных технических специалистов самого разнообразного профиля».

Когда спустился с вышки Сабуров, он думал: «Тайга... Семь морозных месяцев в году». А сегодня он вспоминает вслух: «Пришлось во всем приспособливаться к местным условиям; оказалось невозможным построить мост для сбрасывания щебня с самосвалов. Пришлось пилить лед, смонтировав пилы на канавокопателях... Большие сложности были с бетоном. Судите сами: разница температур в 90°! Бетон мог начать трескаться... Но все это уже в прошлом. В 1961 году будут пущены в ход первые турбины, начнется наполнение моря».

Словом, лирические поэты могли бы написать целую рапсодию, внешне во многом похожую на эпопею колонизации запада США. В этом Дальнем Востоке есть нечто от американского Дальнего Запада, в этом «истерне» есть что-то от «вестерна»: мужество людей, освоение новых земель, приключенческий дух, стремительный рост новых городов, широта размаха. Но в «истернах» нет кабаков, проституток, бешеной скачки по главной улице поселка, нет шерифов, нет истребления краснокожих, нет стрельбы из пистолетов по бутылкам, и не надежда напасть на золотую жилу привела эту молодежь в край, где семь месяцев в году стоит мороз, где юноши и девушки, инженеры и землекопы, шоферы и бетонщики работают то при сорока градусах холода, то в пятидесятиградусную жару, в край, где в первый год ударили такие морозы, что на три дня были прерваны все работы.

Поймите нас правильно. Братск строят не сонмы ангелов, поющих славу социализму, как небесные ангелы поют славу господу богу. Мы спрашивали у бетонщиков, инженеров, сварщиков и водителей самосвалов: «Почему вы приехали сюда»? Одни отвечали со скромной улыбкой: «Партия решила, что мое место в Братске». Другие, помоложе, гордо говорили: «Я приехал по призыву комсомола». Конечно, и на этот раз коммунисты и комсомольцы служили примером. На их долю досталось самое трудное — они были первыми. Но ведь они составляют незначительное меньшинство среди 25 тысяч работающих на стройке. Кто же эти другие?

Все это верно: заработки здесь выше, чем в других местах, и, главное, они быстро растут даже у тех, кто не повышает свою квалификацию, — обстоятельство, ко-

торое, естественно, никак нельзя сбрасывать со счета. Верно и то, что любой рабочий, любой инженер гораздо быстрее, чем где бы то ни было, может повысить квалификацию на этой огромной стройке-школе и что занятия на технических курсах — а в Братске, возможно, учиться относительно больше народу, чем в Москве, — здесь более эффективны. Если прибавить к этому, с каким уважением все будут относиться к человеку, который сможет сказать: «Я был в Братске», — то станет ясным, что соображения материального порядка сыграли здесь определенную роль. Но при всей своей правильности такое объяснение недостаточно.

Столь же показателен, как и любой коммунист или комсомолец, тот славный круглоголовый паренек с веселыми глазами, который рассказывал нам: «Я работал сварщиком на Кубани. Жена моя была воспитательницей в детском саду. И здесь она работает воспитательницей. Прежде чем поехать, мы целыми вечерами обсуждали этот вопрос». — «Хорошо, но почему вы все же решились приехать в Братск?» Он колеблется, ищет подходящий ответ, вернее, подходящую форму для ответа: «Я считаю для себя честью участвовать в строительстве самой большой электростанции в мире».

Это верно. Однако извините меня, мой дорогой друг, если я скажу, что ваш ответ показался мне несколько напыщенным. Я не скептик, но мне кажется, что в действительности дело обстоит немного иначе... Вы жили на Кубани с молодой женой, приносили пользу, а жизнь всюду хороша, когда тебе 20 лет и ты любишь. Но приключения! Зов сказочной стройки, предпринятой в далеком краю! Братск, к которому обращены взоры всей страны! Братск, за успехами которого каждый день следит вся страна! Быть среди братчан!.. Дрожа от любопытства, вы пускаетесь в путь, влекомые превосходным намерением: строить крупнейшую гидроэлектростанцию мира, — я не сомневаюсь в этом, — а также другим, не менее похвальным стимулом: быстро повысить свою квалификацию. Но разве не сыграл свою роль и другой мотив, в котором нет ничего предосудительного: желание многое видеть и жить с размахом? Право, это не менее убедительно, чем то, чем руководствовались коммунисты. Ибо приключение приключению рознь: есть приключения авантюристов и приключения покорителей Земли и космоса, приключения с револьвером в руке и приключения людей, работающих с газосварочным ап-

паратом. Это убедительно потому, что, если вы поехали в Братск, даже не думая о том, что это для вас дело чести, все равно вы участвуете в создании того, что было объявлено «Голосом Америки» «неосуществимым». Даже если жажда приключений была у вас сильнее патриотизма, а забота о личных интересах сильнее заботы об общих интересах, все равно вы весело трудитесь вместе со всеми — пусть ради себя, но тем не менее на пользу всем. Ваша жизнь доказывает, что у вас в стране романтика молодости *совпадает* с патриотизмом, с интересами всего общества.

Помнится, вы были одеты в кожаную куртку. *Черную кожаную куртку*¹.

Приключенчество? Да.

Приключенчество, отмеченное постоянной и решающей инициативой человека. Город, подобный Братску, неизменно оказывается в условиях относительной автаркии². Достаточно поговорить всего лишь несколько минут с тем или иным инженером, городским или партийным руководителем, чтобы понять это. Каждый день жизнь ставит столько проблем, что невозможно обращаться за их решением в Москву или даже в Иркутск. Решать их должны сами братчане. Решать немедленно, под свою ответственность.

Приключенчество? Да, именно так.

Только в заключительной сцене «вестерна» юный герой получает бляху шерифа, еще в начале фильма убитого бандитами, которых наконец настигает заслуженное наказание, и вместе с бляхой — поцелуй дочери покойника на 300 метров киноленты. Да возблагодарим всевышнего! На Дальнем Западе водворен порядок, и банки могут процветать, не слишком опасаясь гангстерских налетов.

А в заключительной сцене «истерна» молодые строители получают звание Героя Социалистического Труда, и юная пара, любовь которой расцвела на стройке, обосновывается на жительство в новом городе.

Главным стимулом современников дражайшего Буффало Билла, бесстрашных героев «вестерна» (и они этого не скрывали), был соблазн быстрой наживы, личных успехов. Это и легло в основу могущества амери-

¹ Модная одежда французских стилиг. (Примечание авторов.)

² Автаркия — здесь: создание самообеспечивающейся экономики.

канской нации и принесло богатство некоторым ее сынам; если бы была открыта новая Калифорния, то *все повторилось бы снова*, ибо ни структура, ни мораль этого общества не изменились, как не потускнел ореол долларового божества.

А бесстрашные герои «истерна», даже если они и не отдадут себе в этом отчета, движимы развитием всего их общества.

В рассказе «Годы моего сумасбродства» Марк Твен описывает этот марш-поход целой нации, этих искателей приключений, которые сказочно обогащаются в один день, если находят золотую жилу, а затем с головокружительной быстротой разоряются до последнего цента. Он саркастически отмечает: «В самый расцвет нашей эпохи изобилия буйно разросся порок. Переполненные бары и суды, игорные заведения, публичные дома и тюрьмы — безошибочный признак процветания любого горнорудного района, да и вообще любого района».

Шурфы геологов, чертежи инженеров, расчеты гидроэнергетиков — таков фундамент братской эпопеи; отступив чуть назад в историю, мы увидим, что фундаментом этим были институты, подготовившие этих геологов, инженеров и гидроэнергетиков; если идти дальше, то это усилия и жертвы всех народов страны социализма, построившей эти институты, еще дальше — Ленин, провозгласивший 7 ноября 1917 года на заседании Петроградского Совета: «А теперь мы переходим к строительству социализма», а дальше — английские экономисты, французские социалисты и немецкие философы, теории которых стали источником учения Маркса и Энгельса. И Парижская коммуна. Если же пойти во времени вперед, а не назад, то разница будет в том, что результаты «истерна» находят свое выражение не на бирже, а в повышении жизненного уровня 200 миллионов человек, в удлинении срока обучения и в сокращении продолжительности рабочего дня.

Энтузиазм такой же, но мир совсем иной.

Девушки Братска

Мы нанесли визит юным «империалистам». Часть из них живет в смешанных общежитиях — один этаж занимают девушки, а другой — юноши. Часть — в отдельных мужских или женских общежитиях. На каждом

этаже свой душ и просторная общая кухня. В одной комнате проживают четыре или пять человек, которые совместно ведут хозяйство.

Выделяемый на неделю дежурный, который ведаёт общими деньгами, хранит продукты и кухонную посуду на подоконнике за занавеской или за шкафом.

В каждой комнате полки с книгами — чаще всего это учебники, но много и романов — современных, классических или же научно-фантастических, пользующихся тем бóльшим успехом, что в СССР не потекают авторам, позволяющим себе вольно обращаться с наукой и фальсифицировать ее. Мы долго беседовали с молодым инженером, который получил отдельную комнату, так как у него столько книг, что они не помещались в общей комнате. В смешанном общежитии мы попросили: «Пусть поднимут руку те, кто учатся». Подняли руку не все, но подавляющее большинство.

Мы пришли в женское общежитие в час, когда его коридоры были заполнены девушками с мохнатыми полотенцами в руках и с еще влажными волосами. Не успели мы войти в комнату, где жили пять подруг — инженеров и работниц, как на всех кроватях, стульях и столах уселась целая стайка веселых девушек, от которых пахло одеколоном и мылом. В этот вечер они решили не заниматься. К тому же трое из них — заочницы и только недавно успешно завершили учебный год. Одна окончила 8-й класс, другая — 10-й, а третья — очередной курс библиотечного института. Одна из подруг, приехавшая с Украины, где она работала диспетчером, находится здесь с самого начала строительства. Она работает в больнице и одновременно учится в заочном строительном техникуме. А маленькая штукатурщица с Кубани решила заниматься в машиностроительном техникуме — она так любит машины!

Что касается девушек-инженеров, то они напоминают нам героев «Трех мушкетеров». Во-первых, их четверо, а во-вторых, они так же неразлучны, как и веселые героини книги Дюма. Они подружились, по всей видимости, еще в институте и вместе решили отправиться на поиски приключений.

Как и четверо героев Дюма, все они — от застенчивой мечтательницы до полной горячей отваги и острой на язык девушки — д'Артаньяна — очень отличаются друг от друга характерами.

Тарелку с печеньем, появившуюся из-за занавески,

сменил толстый альбом — девушки любят лыжные прогулки по горам, плавание и увлекаются фотографией. Групповые снимки, сделанные на пляже, сменяются снежными пейзажами. Вот на одном из них большая группа смеющихся молодых людей кувyrкается в снегу... Мы в гостях у счастливых, жизнерадостных девушек. Можно подумать, что мы пришли в дачный домик, где проводят свои каникулы студенты.

— Чей это радиоприемник?

— Как чей? Общий.

— А швейная машина?

— Тоже общая.

Нет, мы не у студентов на каникулах. Дух коллективизма здесь гораздо сильнее, чем у наших студентов, будь они спортсмены, туристы или просто приятели.

Великолепная фотография, проворно снятая со стены, переходит из рук в руки; все ставят свою подпись на обратной стороне предназначенного нам подарка: на фото изображена широкая панорама стройки на Ангаре, склеенная из двух снимков.

— А когда была сделана эта фотография?

— Подождите, сейчас я вам скажу с точностью до трех дней! Ведь как-никак я инженер!— восклицает д'Артаньян и начинает внимательно вглядываться в детали снимка.

От Братска до Понтуаза так же далеко, как от Понтуаза до Братска

Мы спросили девушек, что им хотелось бы знать о Франции. И сразу нам был задан самый естественный в устах двадцатилетних девушек вопрос: «Как развлекается французская молодежь?»

Мы ответили, что французская молодежь *неоднородна* — есть золотая молодежь, которая каждое воскресенье раскатывает в автомобилях по шоссейным дорогам, а все прочее время проводит в кабачках Сен-Жермен-де-Пре; что студенты и молодые буржуа ходят и в театр, и в кино, а рабочая молодежь — только в кино.

— Чем же занимаются ваши культмассовые организации?— с возмущением спросила одна из девушек.

Мы ответили, что таких культурных организаций, какие имеются в СССР, во Франции нет вообще. Тогда девушки, совсем разволновавшись, спросили:

— Но ведь в самих институтах не может быть разницы между студентами в зависимости от социального происхождения — они же вместе учатся и могут вместе заниматься спортом и развлекаться?

Мы напомнили (вернее, объяснили) молодым инженерам, штукатурнице с Кубани, диспетчеру с Украины и другим девушкам, что среди студентов наших высших учебных заведений только 3% детей рабочих и крестьян и что это незначительное меньшинство не располагает достаточными денежными средствами, чтобы так же развлекаться, как и их товарищи по учебе.

Девушки нахмурились:

— Разве рабочая молодежь во Франции не интересуется вопросами культуры?

Нет, этого сказать нельзя, ответили мы. Доказательством может служить тяга народа к культуре во времена Народного фронта, когда были созданы и активно работали Общество друзей музеев, Народная музыкальная федерация, дома культуры, молодежные клубы, когда в библиотеках, на лекциях, на выставках было рекордное число посетителей.

— Может быть, во французских вузах слишком высокая плата за обучение?

Дело не в этом, а в том, что дочери или сыну простого плотника будет не на что жить во время долгих лет учебы. Мы рассказали о филантропических объявлениях, помещаемых в газете «Фигаро».

— А занятия спортом?

Мы ответили, что мало кто из детей простых железнодорожников посещает спортивные площадки в Пре Кателан и что альпинизм является очень дорогим спортом. Мы пытались объяснить, что в обществе, разделенном на классы, так же разделена и молодежь. Мы сказали, что во Франции просто немыслимо совместное проживание инженеров и рабочих и что, кроме того, у нас вообще нет женщин, работающих инженерами-гидроэнергетиками. Заметим попутно, что если некоторые добросердечные апостолы льют слезы по поводу того, что советские женщины выполняют «тяжелую физическую работу» (сейчас, кстати, круг таких работ значительно сократился), то позволительно спросить, известно ли им, как работают французские крестьянки и где, по их мнению, труднее копать землю лопатой — в городе или в деревне. Так и хочется ткнуть под нос этим благородным душам перечень профессий, недоступ-

ных женщинам во Франции, как, например, профессия инженера-гидроэнергетика.

Возмущенные девушки показали нам изданный типографским способом сборник 300 песен, сочиненных студентами физико-математического факультета.

— Ведь наши французские товарищи могли бы делать то же самое. Набор и печать стоят не так уж дорого... Мы это напечатали в университетской типографии, которая...

Мы ответили и на этот вопрос. Девушки из Братска как будто нам поверили. Возможно, с их стороны это было простое проявление вежливости. Может быть, они подумали: «Эта дама и этот пожилой господин ехали из Парижа до самого Братска для того, чтобы заставить нас поверить, что они живут в стране, где люди ходят на голове».

Вы почти угадали, милые девушки. Именно поэтому наша страна идет вперед гораздо медленнее вашей.

Но следует ли удивляться тому, что от Братска до Понтуаза так же далеко, как от Понтуаза до Братска, и что этим девушкам-инженерам так же трудно себе представить повседневную жизнь при капиталистическом строе, как нотариусу из Понтуаза — повседневную жизнь при социалистическом строе? Нотариус из Понтуаза реагирует на рассказ о мире, не похожем на наши джунгли, примерно так же, как людоед, которому показывают наше меню: «Так, значит, там живут одни святые?» Милая девушка из Братска, мы воздаем должное твоим теоретическим познаниям: для тебя не составляет тайны прибавочная стоимость, циклические кризисы, экономические законы капитализма, но иметь ясное представление об условиях нашего существования — это уже нечто другое. Три советских человека из четырех никогда не знали другого строя, чем тот, при котором они выросли. При котором они выросли все, коммунисты и беспартийные.

Триумф Макаренко

Большая группа молодежи — юноши и девушки — сидят вокруг нас в одном из мужских общежитий Братска. «В какой момент вам было труднее всего?» Молчание. Они смотрят друг на друга, потом на нас. Станный вопрос! Наконец одна девушка решается ответить: «Мы об этом больше не думаем!» Она еле удержалась от того, чтобы

не пожать плечами. Другая объясняет: «Такая уж привычка у русских — не смотреть назад». Действительно ли это характерная национальная черта? Пожалуй, современники Толстого и Достоевского не смотрели так единодушно только вперед. Я думаю, что разумнее объяснить это ссылкой на Макаренко, а не на корни, уходящие в период царствования Ивана Грозного.

Радость и красота, говорит этот советский педагог, «определяются у человека единственно его отношением к будущему. Человек, который связывает свое поведение с непосредственным будущим, например с предстоящим обедом, — это слабый человек...»

Один участник III съезда советских писателей рассказал о своей встрече с читателями в старом провинциальном городе Владимире, где, по его словам, сейчас домов строится больше, чем было выстроено за два предыдущих века.

Читатели попросили его рассказать, какой будет жизнь при коммунизме. И когда он нарисовал им, как смог, эту картину, они спросили: «А в период полного коммунизма?»

Этот лихорадочный, трудный, стремительный и долгий путь был бы почти обманом, если бы каждый этап не приносил немедленного удовлетворения, если бы счастье сводилось только к надежде, если бы, например — хотя пример довольно абсурден, — ни один москвич не переехал бы в новые дома, которыми так гордятся все москвичи. Некоторые хулители говорят, что в СССР все построено на одних посулах, как если бы благосостояние и счастье не становились изо дня в день все более осязаемой реальностью. Они не видят того, что, переехав в новые дома, москвичи мечтают о еще более просторном жилье и не думают о том времени, когда они уютятся в тесных коммунальных квартирах. И причина этого кроется в самой сущности социализма, при котором люди никогда не успокаиваются на достигнутом.

Правда, это приводит к некоторому недопониманию между иностранным туристом и советскими людьми, к которым тот обращается с вопросами. Туристу, желающему понять и объяснить поступательное движение социализма, необходимо иметь отправные точки в прошлом. А советский человек, для которого прошлое — это пройденный этап, с не очень большой охотой говорит о нем, когда его об этом просят. Может быть, в какой-то степени он даже усматривает в этом дурное намерение.

Поэтому, когда мы спросили: «В какой момент вам было труднее всего?» — нам ничего не смогли ответить. Отчаявшись, мы задаем противоположный вопрос: «Какой момент будет для вас самый счастливый?» Это вызывает большое оживление. Один из молодых людей сначала как бы проявляет некоторую щепетильность: «У всех у нас разная специальность, и поэтому для каждого это будет по-разному. Мы...» Затем лицо его оживает: «Для всех нас это будет день, когда вступит в строй первая турбина!» И все присутствующие дружно выражают согласие с его словами. Молодая бетонщица говорит: «Пусть к нам приедет делегация французской молодежи. Мы ее приглашаем!» — «Да, да!» — «А вы тоже приедете к нам в этот день?»

Приедем ли мы снова к ним? Все-таки от Парижа до Братска не близкий путь, а вы так быстро идете вперед. Знаем только, что время, отделяющее все трудные моменты, о которых вы не любите говорить, от того дня, когда мы получим радостную весть: «Турбина пущена в ход!» — это время счастья и надежд. А после Братска...

Первая турбина будет введена в строй в 1961 году, море будет полностью заполнено в 1964 году. И как только сооружение плотины будет закончено, на строительстве электростанции останется триста рабочих; остальные будут строить заводы, новый город.

— А что вы будете делать после Братска?

— После Братска, — ответили нам четыре мушкетера, — мы поедem еще дальше, на еще более крупную стройку. В районе Усть-Илима, в 250 километрах вниз по течению от Братска, будет сооружаться еще более мощная электростанция. Судите сами, электростанция, которую мы будем строить в Енисейске, где сливаются Ангара и Енисей, по своей мощности будет относиться к Братской электростанции, как семь к четырем.

И со счастливой и гордой улыбкой на лице, немного привстав, д'Артаньян добавила:

— Мы строители!

«Товарищи строители», как говорится в ежедневной сводке, товарищи строители, ваша страна не говорила бы так часто о необходимости догнать и перегнать капиталистические страны, если бы она несколько не отставала от наиболее развитых из них.

Может быть, вы еще отстаете лет на десять.

Но вы ушли вперед на целую эпоху.

Чего мы ни разу не видели

Безработного,
частного предпринимателя,
нищего,
миллиардера,
проститутки,
держателя акций,
бродяги,
технического специалиста, вынужденного выполнять
работу, не соответствующую его квалификации,
фотографий убийцы или свадьбы принца и принцессы,
порнографической литературы,
финансиста,
промышленника, имеющего собственную газету,
журнала так называемой «прессы сердца»,
депутата, провозглашающего: «Узбекистан — это
Россия»,
министра, иронизирующего над «милейшими профес-
сорами»,
осмеяния духовенства и
церковноприходских школ,
статьи, где содержалась бы угроза «отбрасывания»
или «сдерживания» капитализма,
книги, фильма, статьи, воспевающих насилие,
фотографии или фразы, выражающих презрение к
какому-нибудь народу, расе, нации,
голодающего ребенка.

1960

Жорж САДУЛЬ

Садуль, Жорж (1904—1967) — историк кино, кинокритик, кинодраматург, литературовед. Член ФКП. Участник движения Сопротивления. Постоянный сотрудник «Юманите» и «Леттр франсез». Профессор Института высшего кинообразования и Института фильмологии. В 1956 году защитил диссертацию на соискание степени доктора искусствоведения в Институте истории искусств АН СССР. Автор капитального восьмитомного труда по всеобщей истории кино. Ж. Садуль всегда высоко ценил вклад советских кинематографистов в сокровищницу мирового киноискусства.

Статья «Большое плаванье „Потемкина“» печатается по тексту: Литературная газета, 9 августа 1967 года.

БОЛЬШОЕ ПЛАВАНЬЕ «ПОТЕМКИНА»

Даже в 1924 году мы еще мало знали о молодой Советской стране и об Октябрьской революции. Когда, примерно в 1920 году, я увидел у одного парикмахера булавку для галстука с изображенными на ней серпом и молотом, то спросил у своего школьного товарища, в чем смысл этого символа, и он мне ответил, что это эмблема коммунистов. В те времена стены домов во Франции были заклеены афишами, клеймившими коммунистов как врагов человечества. На афишах был изображен взлохмаченный бородач, который держал в зубах окровавленный нож.

«Широкая» пресса тоже на все лады повторяла, что большевики поедают младенцев либо в сыром виде, либо в зажаренном.

Тогда не могло быть и речи о том, чтобы увидеть во Франции советские фильмы. Будучи уже в школьные годы фанатическим поклонником кино, я подписался на еженедельный журнал «Синема», основанный Луи Делюком¹. Этот друг Леона Муссиака впоследствии организовал в Париже в момент страшного голода на Волге демонстрацию фильма, снятого для миссии Нансена². Доходы от этого показа должны были пойти на

¹ Делюк, Луи (1890—1924) — французский кинорежиссер, сценарист, прозаик, теоретик кино.

² Нансен, Фритьоф (1861—1930) — выдающийся норвежский ученый, путешественник и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии. В 1921 году Ф. Нансен организовал миссию по оказанию помощи голодающим Поволжья.

финансирование благотворительного общества, председателем которого был Анатоль Франс. Мне довелось увидеть фильм «Голод в России» в моем родном городе Нанси примерно в 1922 году, и я был глубоко потрясен картинами страшного бедствия. Однако я не находил сведений о советском кинематографе даже в своем «Синема», хотя Деллюк, всегда всем интересовавшийся, был известен своими прогрессивными симпатиями.

В мае 1924 года реакционный совет министров был заменен «Картелем левых»¹. Пуанкаре уступил место Эдуару Эррио, установившему дипломатические отношения с СССР. Это означало конец «санитарному кордону» (тогда еще не говорили «железный занавес»), созданному вокруг СССР в 1919 году президентом Клемансо в целях предохранения Европы от «большевистской угрозы». Тогда-то я и увидел в кинохрониках Пате или Гомона похороны Ленина.

На международной выставке декоративного искусства в 1925 году СССР имел в Париже свой павильон. Я был усердным посетителем этого павильона и поклонником его своеобразного конструктивистского стиля. В этом скромном деревянном сооружении на берегах Сены были выставлены главным образом фотографии, а также предметы народного творчества, ткани, скульптуры и т. д. СССР только еще начинал оправляться после гражданской войны и приступал к перестройке своей экономики.

Леон Муссиак, в ту пору уже коммунист, был в числе организаторов международной выставки 1925 года. На этой выставке не было предусмотрено раздела кино. Однако Муссиак сумел организовать конкурс фильмов, на котором получили награды два молодых советских режиссера, тогда еще совершенно неизвестные: Дзига Вертов — за «Киноглаз» и С. М. Эйзенштейн — за «Стачку». Мне не довелось посмотреть эти фильмы. Были ли они действительно показаны в Париже в 1925 году? Как утверждает Джей Лейда, который беседовал с Муссиаком, золотые медали были присуждены режиссерам на основании знакомства со сценариями, снабженными многочисленными фотографиями.

После восстановления дипломатических отношений

¹ «Картель левых» — имеется в виду предвыборная коалиция буржуазных левых партий Франции и французских социалистов в 1925 году.

с СССР появилась возможность посмотреть некоторые советские фильмы. Вот тогда-то прогремел, подобно грому среди ясного неба, просмотр в Париже «Броненосца „Потемкина”».

Просмотр был организован Леоном Муссиначом. Он же подготовил французские субтитры фильма и без труда уговорил своих друзей Леона Пуарье и Жермену Дюлак, руководителей Киноклуба Франции, показать фильм С. М. Эйзенштейна в кинотеатре «Артистик» в субботу 12 ноября 1926 года, то есть вскоре после 9-й годовщины Октябрьской революции. Это был сугубо закрытый просмотр. Я, молодой провинциал, лишь недавно приехавший в Париж, не имел пригласительного билета и очень завидовал своим новым друзьям, Андре Бретону, Полю Элюару и Луи Арагону, когда однажды в полдень в кафе «Сирано» на площади Бланш, где собирались каждый день сюрреалисты, они сказали мне, что должны вечером присутствовать на премьере «Потемкина» в одном из близлежащих кинотеатров. Будучи очень робким, я не осмелился отправиться туда вместе с ними и не был непосредственным свидетелем этого исторического просмотра, ставшего знаменательным событием для французского кинематографа.

В переполненной до отказа зале кинотеатра «Артистик» собрались самые известные французские кинематографисты. Громом аплодисментов по заслугам был отмечен этот шедевр, открывший присутствовавшим советское кино и «еще не достигшего 30 лет» гениального С. М. Эйзенштейна. Впрочем, один кинематографический еженедельник выразил сожаление по поводу того, что некоторые молодые люди сочли возможным смешать воедино показ фильма с политическим митингом. Вне сомнения, то были мои новые друзья, которые сразу же по окончании «Броненосца» стали кричать «Да здравствуют Советы!»

На следующий день я вновь встретил в кафе «Сирано» Арагона и Поля Элюара. С глубоким волнением они говорили о незабываемом впечатлении, которое произвел на них «Потемкин». Хотя действие фильма относилось к 1905 году, они впервые ощутили на экране могучее дыхание Октябрьской революции.

Спустя несколько дней после показа «Потемкина» в Париже Арагон и Элюар вступили в Компартию Франции. Я последовал за ними в начале 1927 года, вскоре после того как наконец увидел этот фильм.

Пусть, однако, из этого не сделают вывод, что мы стали членами партии только благодаря советскому фильму. Начиная с 1925 года и в значительной мере под влиянием колониальной войны в Марокко среди писателей-сюрреалистов наметилась эволюция от авангарда артистического к авангарду политическому, а в конце 1926 года они подписали вместе с коммунистами, среди которых был Жорж Политцер (в 1942 году нацисты подвергли его пыткам и затем расстреляли), манифест «Революция прежде всего и всегда».

Триумфальный показ фильма «Броненосец „Потемкин”» имел и другие последствия. Французская цензура запретила шедевр Эйзенштейна, так и оставшийся под запретом в течение 27 лет. Даже в 1949 году, когда Анри Ланглуа, основатель и руководитель Французской синематики, представил это великое классическое произведение на фестивале в Антибах, нашлись журналисты, которые рассматривали его показ как попытку «спровоцировать» бунт среди моряков французского флота в Тулоне. Потребовалось проведение международного референдума, организованного в Бельгии и отметившего «Потемкина» как «лучший фильм мира», чтобы французская цензура отменила наконец свое скандальное решение.

На протяжении 1926—1930 годов почти все значительные советские фильмы были подобным же образом запрещены французской цензурой. Однако движение кино клубов, инициатором которого был Деллюк, пользовалось привилегией, позволяющей кино клубам демонстрировать в частном порядке запрещенные фильмы. Леон Муссиак и его зять, кинематографист Жан Лодс, воспользовались этим обстоятельством, чтобы создать первый массовый кино клуб «Друзья Спартака», который показывал в первую очередь запрещенные советские фильмы, а также значительные произведения шведского, немецкого и французского кино.

Успех их затеи был ошеломляющим. В столице закрытые просмотры проходили в «Казино де Гренелль», где был кинозал на полторы или две тысячи мест. Каждый вечер он бывал переполнен. В этом простонародном зале можно было встретить элегантных дам в норковых мантиях, приезжавших на «роллс-ройсах» и сталкивавшихся здесь с рабочими в кепках, добравшимися до «Казино де Гренелль» на велосипедах, как любил подчеркивать Муссиак.

Благодаря тому же Леону Муссинаку Париж открыл Пудовкина, хотя его фильм «Мать» по Горькому также был запрещен цензурой. Я присутствовал на его показе в весьма элегантном кинотеатре «Комеди» на Елисейских полях. Далеко не все зрители положительно отнеслись к шедевру Пудовкина. Но это не помешало «Матери» одержать триумфальный успех. Картина шла под гром аплодисментов. Лично меня в фильме глубоко взволновало изображение психологической эволюции героини и «становление ее революционного сознания». Пудовкин и сценарист фильма Зархи заставили меня глубже понять, что человеческое существо не является монолитом «только белым или только черным» и что его сближение с революцией осуществляется под влиянием исторических условий.

Я пишу эти строки и думаю о своей матери, с которой тогда был в ссоре. Действительно, мне суждено было увидеть, как в последние годы жизни она стала склоняться если не к коммунизму, то во всяком случае к определенным прогрессивным взглядам, особенно в годы Соппротивления и во время грязной войны в Индокитае.

Затем последовали другие фильмы Пудовкина, также повествовавшие о становлении сознания: «Конец Санкт-Петербурга» (запрещенный цензурой) и «Потомок Чингисхана», показанный публично в 1930 году под названием «Буря над Азией», после того как цензура вырезала эпизоды, изображавшие борьбу повстанцев, — эпизоды столь же пророческие, как и весь фильм в целом. Полный вариант фильма, уже озвученный, я увидел в 1951 году, когда Пудовкин, ставший моим другом, показал его в Канне. Но и после этого мне показалось, что немой вариант ничуть не потерял свою актуальность и силу.

Одним из немногих советских фильмов, шедшим в широком прокате во Франции до 1930 года, был «С. В. Д.» Козинцева и Трауберга, переименованный американской прокатной компанией «Фокс» в «Кровавые снега». Кстати говоря, случилось так, что мне предложили редактировать рассказ, написанный по фильму для сборника «Романтическое кино», вышедшего тогда в издательстве «Галлимар». Я с энтузиазмом согласился, но подписался псевдонимом Р. Дюшато.

В октябре 1930 года я отправился наконец в СССР вместе с Луи Арагоном и Эльзой Триоле. Мы были

приглашены в качестве французских делегатов на Конгресс революционных писателей, который состоялся в Харькове в ноябре 1930 года и который проходил с очень широким международным представительством.

Поскольку мы находились в Харькове, нам предложили однажды вечером посмотреть два новых украинских фильма — «Землю» Довженко и «Весной» Михаила Кауфмана. О том глубоком впечатлении, которое произвела на нас «Земля», впоследствии, в 1956 году, Арагон рассказал в двух строфах своего «Неоконченного романа» — одной из самых прекрасных и самых популярных поэм Арагона.

Фильм Довженко ошеломил нас почти столь же сильно, как и знакомство с самой большой социалистической стройкой того времени — Днепрогэсом. Наверное, открытие большого эпического и лирического поэта Довженко, до той поры нам незнакомого, нельзя сравнить со знакомством с Днепрогэсом. Однако два эти события в моем сознании как бы дополняли друг друга. Великое произведение искусства является и для интеллигентов, и для широкой публики способом более глубокого проникновения в смысл истории.

«Весной» тоже глубоко врезался в нашу память. Я не знал, что Михаил Кауфман — брат Дзиги Вертова, чье творчество тогда еще было мало известно во Франции, несмотря на исследование, посвященное ему Мусси-наком в книге «Советское кино» (1928 год), несмотря на то, что Вертов уже оказывал глубокое влияние на «Авангард» в Германии (Рихтер, Руттманн), в Голландии (Йорис Ивенс, Джон Ферно), в Англии (Грирсон и его «документальная» школа) и даже во Франции — на Жана Лодса, Марселя Карне, Жоржа Лакомба и особенно Жана Виго, этого «Рембо кинематографа», чей первый фильм «По поводу Ниццы» (1930 год) был точным осуществлением теории «Киноглаза». «Весной» открыл нам совершенно новую форму документального фильма — кинопоэмы. Вокруг лирической темы весны выстраивался рассказ о поступательном движении Советского Союза к социализму. Мне не довелось еще раз увидеть этот прекраснейший фильм за истекшие 37 лет, но я храню о нем забываемые воспоминания.

Хотя термин «социалистический реализм» (горячим поклонником которого я продолжаю оставаться более 30 лет) не был еще предложен Максимом Горьким, мы можем сегодня считать С. М. Эйзенштейна, Пудовкина,

Кулешова, Довженко, Козинцева и Трауберга, Юткевича и Дзигу Вертова, Михаила Кауфмана, Охлопкова и других «социалистическими реалистами». Свидетельством тому — их фильмы.

Я заканчиваю свою статью словами Эйзенштейна: сила искусства — данность. И молодое государство пролетариев, — добавлял он, — всегда будет нуждаться во все большей власти над умами и сердцами, чтобы выполнить все свои непосредственные задачи.

Молодые советские кинематографисты 1925 — 1930 годов полностью выполнили свою миссию, и национальную и международную, помогая распространять по всей земле идеи Октябрьской революции.

1967

ТАЛАНТ, ОБРАЩЕННЫЙ В БУДУЩЕЕ

До войны я не видел довженковских фильмов. И, хотя считал себя знатоком кино, попасть на редкие некоммерческие просмотры его довоенных кинофильмов мне не удавалось. И вот (это было в сорок пятом или сорок шестом году) я прочитал в одном из парижских журналов его статью, которая меня поразила. Собственно, даже не статья, а один абзац, типичный, как я думаю, для Довженко. Он говорил о кино, приводя в пример собор Парижской богоматери. Он писал, что архитекторы, которые создали этот собор, нашли множество решений, которые были замечены простым глазом лишь через несколько веков после возведения собора¹.

Это меня поразило: никто до Довженко не проявлял заботы о создании фильмов для будущих поколений, а он думал об этом уже с первых своих кинофильмов.

В те годы он был одним из наизнаменительших режиссеров мирового кино... Эта его популярность будто и не зависела от его фильмов: к сожалению, ни один из его фильмов тридцатых годов, даже «Щорс», не были известны во Франции. И позднее довженковские фильмы можно было увидеть только в Синематеке. И тут у него был свой круг сторонников и почитателей. Одним из самых восторженных его почитателей стал и я.

¹ Архитектурные ассоциации характерны для произведений Довженко — критика и публициста. А. Довженко не раз выступал в печати и с трибуны по вопросам архитектуры в довоенные и послевоенные годы.

Я помню, как в Сinemатеку по каким-то делам пришел Жерар Филип. В соседнем зале показывали «Землю». Жерар Филип на минуту заглянул в зал и остался там до конца фильма, и с этого времени до самой своей смерти был пламенным почитателем Довженко.

В последние годы ситуация изменилась к лучшему. Три известных фильма Довженко и Солнцевой — «Поэма о море», «Повесть пламенных лет» и «Зачарованная Десна»¹ — были показаны наконец-то в коммерческих кинозалах и завоевали популярность у зрителей.

Как это ни странно, наибольшей популярностью у зрителей, особенно у студенческой молодежи, пользовался «Аэроград», который недавно вышел в коммерческий кинопрокат, хотя это один из самых трудных для восприятия довженковских фильмов.

Я расцениваю это как триумф всех тех, кто верил в Довженко, как триумф художника, который создал эти фильмы, фильмы, отобразившие мысли автора, его идеи, его личность, сильную и самобытную. Словно сам Довженко направлял режиссерскую руку Юлии Солнцевой. И хотя многое из того, что было заложено самим Довженко в сценарные замыслы и режиссерские разработки, того, что можно назвать органическим ощущением реальной жизни, осуществлено в фильмах не было, все же в фильмах режиссера Солнцевой сохранено главное: довженковское поэтическое мироощущение, его романтизм, богатство его философии.

Когда я думаю о Довженко, то вспоминаю почему-то Бальзака: я вижу их соразмерность в могуществе таланта, в необыкновенной реальности, которую они создали в своем воображении, часто даже не задумываясь над тем, что сказанное ими выявляет гораздо более широкое содержание, чем то, которое им виделось в процессе создания произведений.

Может быть, именно потому Довженко занимает такое уникальное, такое великое место в советском кино.

¹ Фильм «Поэма о море» был завершён Ю. Солнцевой. На этапе подготовительного режиссерского периода ей пришлось после смерти А. Довженко «взять всю команду на себя». При постановке фильмов «Повесть пламенных лет» и «Зачарованная Десна» в распоряжении Ю. Солнцевой были только литературные произведения А. Довженко и некоторые вспомогательные материалы (рисунки, режиссерские наброски и т. д.).

Может быть, именно поэтому теперь, когда совершается новая революция в мировом кино, фильмы Довженко, его поэтическая речь, его открытия, которые предварили многое из того, что открывается ныне, выходят на передний край современного искусства, как те самые находки средневековых архитекторов, которые проступили сквозь пыль и копоть столетий на Нотр-Дам де Пари.

1973

ТЫСЯЧА И ОДИН ДЕНЬ

(Отрывки из книги)

На этот раз я вижу его не во сне. Я на самом деле в Ленинграде. Тротуары, крыши, деревья покрыты инеем. На обоих концах Аничкова моста вставшие на дыбы кони. Небо белое, чуть-чуть подсвеченное голубым, шпиль Адмиралтейства, словно огненный меч, разрезает его пополам. Солнце маленькое и тусклое, на него можно смотреть без темных очков. Я иду по Невскому проспекту, не отрывая глаз от пика, у которого неусыпно несут стражу два пушкинских стиха, перехожу площадь перед Зимним дворцом, выхожу к реке, закованной в гранитные стены, которые одна-единственная пушкинская строка превратила в неколебимые, перехожу мосты, останавливаюсь у корабля — участника войны и революции, у крейсера «Аврора», бросившего якорь у причала и у истории, затем снова пускаюсь в путь, нахожу улицу, дом, звоню в дверь и оказываюсь за моей первой школьной партой.

Хозяйка дома не узнает меня: когда мы виделись в последний раз, мне было лет десять. Тогда еще совсем молоденькая, со светлыми волосами, она была моей первой учительницей русского языка. Она учила меня своему языку, задавала мне изложение «Песни о вещем Олеге» Пушкина. У Веры Павловны Андреевой теперь седые волосы, но прежний взгляд, та же улыбка, и она ничего не забыла.

Как только я называю себя, она спрашивает о моем брате, рассказывает о моих школьных товарищах. Уже нет в живых ни директора гимназии, ни его жены, ни

нашего математика, ни нашей «классной», которая преподавала чистописание. Войну Вера Павловна провела в Ленинграде, она не могла бросить свою парализованную, не способную к передвижению мать.

В Ленинграде был голод, в день на человека полагался маленький кусок хлеба, если его не съедали сразу, то через несколько часов хлеб высыхал и становился в два раза меньше, настолько в нем было много воды.

Я внимательно слушаю ее и оглядываю комнату, где под книгами не видно старой мебели. Мой взгляд невольно привлекают незнакомые названия на корешках томов. Я открываю одну из книг, наугад.

На Камчатке живет 10—12 тысяч эвенков. До революции они числились как «кочевники или охотники, живущие на Крайнем Севере, рассеянные на больших пространствах». Я открываю другую книгу и узнаю, что ненцы по численности занимают одно из первых мест среди народов Крайнего Севера: их примерно 25 тысяч. Я открываю словарь и попадаю на слова, которых не было в их языке еще полвека назад: теперь по-ненецки «ученик» — «тоходанна», «учитель» — «тохолькода», «врач» — «савумдангод».

Я беру «Учебник русского языка для начальных нанайских школ», который составила сама Вера Павловна, и с побережья Ледовитого океана переносюсь к нанайцам на берега реки Амур, настолько богатой рыбой, что они не только ею питаются, но изготавливают из нее одежду и обувь, а в их языке существует пятьдесят разных названий для рыб, живущих в этой реке. Я читаю и чувствую себя школьником:

«Соболь живет в тайге, он хорошо лазит по деревьям. Медведь большое животное. Он очень сильный».

«Мальчик видит самолет. Самолет летит в Хабаровск. Самолетом управляет пилот. Мальчик думает о пилоте, о самолете».

«Ответьте на вопросы: „Кто охотится?“, „Кто ловит рыбу?“, „Кто вас учит?“, „Кто летит?“, „Кто переводит?“, „Кто учится?“»

Я изучаю старые нанайские слова: «аборайни» означает «идти с санями на лыжах целиной», «хандайни» — соболевать («уходить охотиться на соболя месяцев на шесть»). Есть и новые слова: «библиотека», «газета», «пролетариат», «интернационал».

Я оставляю маленьких нанайцев Вере Павловне и на минуту задерживаюсь у эвенков: аптека — это место,

где готовят порошки, еще минута — у манси, которые нашли свои названия для новых вещей: карандаш они назвали деревом, которое пишет, чернила — черной водой, паровоз — огненными санками.

Я пролистываю еще несколько книг и вижу, что все они с дарственными надписями и что их авторы называют себя учениками Веры Павловны. Я спрашиваю, действительно ли они учились у нее, как и я.

— До революции большинство народностей не имели ни алфавита, ни письменности. Их надо было создать и научить людей читать и писать. Этим и занялся Ленинградский институт народов Севера, великого Севера нашей страны. При отсутствии письменности у них была совершенно сложившаяся грамматическая система. Мы стали их Кириллом и Мефодием, — сказала она. — К нам часто приходил Луначарский.

Я снова повторяю вопрос.

— Это выпускники нашего института, — говорит она. — Я там работала. Я преподавала им. Теперь это излишне: те, кто приезжают в Ленинград сегодня, окончили школу и могут продолжать учебу без дополнительной подготовки. А на первых порах у нас были необычные занятия, младшие классы, а в них — взрослые ученики, в большинстве мужчины, реже — женщины. Отвечая на вопрос, женщины закрывали лицо рукой.

И Вера Павловна подносит свою руку к лицу, повторяя жест.

— Невозможно было понять, кто это: взрослые или дети. Они были так доверчивы и так по-детски любопытны. К нам приезжали из самых дальних уголков страны, со всего великого Севера, а ведь там живет двадцать восемь народностей.

Первые приехали в 1925 году. Их было девятнадцать человек, почти все неграмотные, не знающие русского: среди них председатель революционного комитета одного из Командорских островов в Беринговом море. На следующий год их было семьдесят четыре. Они жили в Детском Селе¹, во дворце императрицы Екатерины Второй. По вечерам собирались вокруг костров в парке, кое-кто был одет уже по-городскому, остальные — в своих старых шубах и меховых сапогах.

— А как они узнавали о вашем институте?

¹ Детское Село — ныне город Пушкин.

— Наши сотрудники сами ездили к ним. Все этнографы (редко кто из них был старше двадцати лет) охотно совершали эти путешествия. Прямо на месте они отбирали учеников, и чаще всего их выбор был правильным. Мы же прежде всего знакомимся с ними, разговаривали, а потом решали, на какое отделение, в какой класс их определить.

Многие из них теперь стали врачами, юристами, учеными. В этом году в августе мы праздновали сорокалетие нашего института. На юбилей приехало более сорока наших старых учеников: все они теперь культурные, образованные люди. Мы чувствовали себя дома, в своей семье, вместе вспоминали о прошлом. Приехав в Ленинград, мои ученики никогда не забывают навестить меня.

А я открываю другую книгу и читаю текст объявления, появившегося в 1848 году в «Ведомостях Санкт-Петербургской полиции»: *«Довожу до сведения глубоководной публики, что за умеренную плату, как и в предыдущие годы, я демонстрирую кочевников из племени полудикого народа: самоеда, самоедку и их потомство; спектакль состоится на берегу Невы, напротив Адмиралтейства, где я предложу также всем желающим прогулки и скачки в оленьих упряжках».*

...Вера Павловна протягивает мне две маленькие книжки. Одна — стихи, другая — проза, одна — нанайская, другая — хантыйская, но в переводчике я не нуждаюсь — это книги Пушкина.

— То, что было сделано для народов Севера, — это действительно грандиозно, — говорит Вера Павловна и протягивает мне еще одну книжку.

Я смотрю ее: она на эвенкийском языке, это сборник стихов эвенкийского поэта, потомка «ныне дикого тунгуса», который, как предсказывал Пушкин, когда-нибудь назовет его имя на своем языке.

Я вспоминаю, что хотел задать еще один вопрос.

— А самоеды? Они еще существуют?

— Да, — отвечает она. — Теперь они называются своим именем. Это — ненцы. На их языке «*ненец*» означает «*человек*». Если вы хотите к ним поехать, я вас познакомлю здесь, в Ленинграде, с двумя женщинами, они вам много могут рассказать об этом народе. Одна из них работает в Институте этнографии, а другая — лингвист: ее муж — *ненец* по национальности — был за-

мечательным человеком. Я поговорю с ними: они вам помогут.

Я целую ей руку, беру стопку подаренных мне книг, гляжу на переводы Пушкина на нанайский, на хантыйский и задумываюсь над тем, к какому же народу мне поехать.

— Обязательно повидайте там Василия Ледкова, — говорит моя учительница. — Это ненецкий поэт, он переводил стихи Пушкина.

Двенадцать часов дня, солнце зашло, темно, снежная белая ночь. Мы за Северным полярным кругом в Нарьян-Маре, административном центре Ненецкого национального округа: несколько улиц, деревянные дома, одетые ином деревья и неподвижно висящие букеты дыма над трубами.

— Как мне не хотелось уезжать, — говорит Ледков. — Я боялся. Я ничего в жизни не видел, кроме чумов и оленьих упряжек, а должен был ехать один.

Я смотрю в окно. Проезжает мотоцикл, к сиденью прикреплены лыжи, широкие и короткие — такими пользуются в лесной чаще. Для тундры, где ветер выравнивает и сносит снег, вполне достаточно тонких и длинных, можно и вообще обойтись без лыж. Лесными лыжами пользуются охотники, их надевает, например, отец Ледкова, когда отправляется в лес проверить капканы, да и сам Ледков, если едет вместе с отцом.

— Я долго не мог решиться. Отец был против, а мне было тяжело расставаться с ним. Меня посадили в совсем маленький самолет, первый самолет в моей жизни: два пассажира и пилот еле-еле в нем уместились. Я взглянул в окно и увидел землю: она была похожа на школьную карту, но та карта была мертвой, я учил ее, не очень понимая, зачем она нужна, а теперь я видел синие реки, зеленые леса. Самолет доставил меня в Нарьян-Мар, и тут я всерьез испугался: какой огромный город!

Он был не такой, как сейчас, примерно вполовину меньше, но это был мой первый город. Я боялся выйти из дома, боялся, что не найду дорогу, потеряюсь. А в тундре мне никогда не было страшно, даже вдали от чума, в незнакомых местах.

В Нарьян-Маре я увидел электрический свет, тоже впервые, он был очень яркий. В школе мы пользовались

фитилями, плавающими в подсолнечном масле, или керосиновыми лампами. По физике я проходил электричество, но опять же представить себе его не мог. Не понимал, почему дома такие огромные и почему улицы такие прямые. Я увидел машины, мои первые машины. В школе я выучил, что существует двигатель внутреннего сгорания, я даже видел модель машины, но настоящую машину я не видел никогда. Мне все было знакомо по картинкам, но меня потрясли размеры: машина оказалась больше, чем я думал, а свет намного ярче. В школе на крошечном экране нам показывали фильмы, немые и озвученные; и все же это было совсем другое.

Перед окнами гостиницы пробегают олени, запряженные в сани. За ними бегут дети. Лают две собаки; они тоже часто бегают в упряжке. Проезжает машина с включенными фарами. Ледков провожает ее взглядом, улыбается.

— На следующий день мне купили билет, и я улетел в Архангельск вместе с одним человеком, который отправлялся туда же по делам. Самолет был большой: двадцать четыре места. Мы быстро взлетели, солнце скрылось, вокруг — одни облака, а мы продолжаем подниматься, мне очень хотелось узнать, из чего сделаны облака: мягкие они или твердые, потом я увидел капли дождя и тумана, облака будто из хлопка, а мы поднялись еще выше: и вдруг сразу небо, солнце. Меня совершенно потрясло, что за облаками оказался горизонт. Я смотрел на облака под нами, и мне казалось, что это тундра: действительно, очень похоже.

Он вспоминает, что увидел тогда: тундру, в которой он никогда не был, но которая напоминала его родную тундру. А через три с половиной часа — огни в ночи, и всюду внизу звезды, звезды, звезды, будто Млечный Путь на земле. Никогда еще он не видел столько света. Это был Архангельск.

— Я держал за руку своего попутчика, так я боялся потеряться, и во все глаза смотрел вокруг. Я почувствовал себя совсем маленьким. Мне казалось, что сейчас меня раздавят. Под ногами был камень, я не понимал, что это. Вдоль тротуаров росли деревья: я никогда не видел таких деревьев, огромных, с листьями. Я не знал, как они называются, у нас растут только карликовые деревья, некоторые довольно высокие, но очень тоненькие. Мы вошли в ресторан: я был там впервые и не знал, что там делают. Мой попутчик попросил ме-

ню: «Что тебе взять?», — я не знал ни одного названия, он выбрал за меня и спросил, правильно ли. Что я мог ответить? Нам принесли суп, это было вкусно. Потом котлеты: я их съел. Потом капусту, которую я есть не стал, она мне не понравилась. Пиво показалось мне ужасным.

Стемнело. Мой попутчик спросил меня: «У тебя здесь есть знакомые?» Я ответил: «Нет. У меня ни в одном городе нет ни одного знакомого человека». Он сказал: «Тогда пойдем к моему брату». Я провел там ночь. В доме было очень жарко. Я почти не спал, настолько для меня все было необычно. Утром мы опять вышли из дома и пошли по главной улице: огромные окна, огромные двери, огромные дома, похожие на прибрежные морские скалы. А толпа! Такой толпы я в жизни не видел, я и не представлял себе, что можно собрать вместе столько людей. Вдруг раскат грома. Это трамвай. Я понятия не имел, почему он катится, что его толкает.

Мы подходим к какому-то дому, люди разговаривают обо мне: «Как отправить его? На самолете? На поезде?» Я не понимаю, что они говорят, я никогда не видел поезда. Меня везут на вокзал. Август, ужасная жара, не меньше двадцати пяти градусов. Вдруг на улице я встречаю мою учительницу русского языка с Варандейского острова. Она узнает меня, обнимает. Ей поручают проводить меня. Она приводит меня на вокзал и говорит: «Стой здесь и жди меня».

Я остался один, со своим узлом, умираю от жажды, но не знаю, где найти воду. Вокруг меня люди покупают мороженое, я не знаю, что это такое, то ли мороженое мясо, то ли мороженая рыба. Какой-то парень меня спрашивает: «Ты едешь в институт, в Ленинград? Тут есть одна девушка, которая тоже едет туда. Помоги ей, у нее много багажа».

Это была русская девушка из Мезана. Я очень обрадовался. Мне было шестнадцать лет, ей — восемнадцать. Она тоже была довольна, что поедет не одна. Подъезжает поезд — чудище с трубой, а над ней грива из дыма. Девушка меня спрашивает: «Ты в первый раз видишь поезд? Не отходи от меня». Мы входим в вагон. Много скамеек. Мы садимся рядом.

За окном мелькают поля и леса, я слышу стук колес, свист ветра, песню, которую поет кто-то рядом. В школе я учился рисовать яблоки, но вот видеть их

мне не приходилось. На какой-то станции я покупаю два кило очень красных яблок, они такие кислые, что я выбрасываю их в окно. Оказывается, это были помидоры. Мы приезжаем в Ленинград в шесть часов утра. Об этом сообщает голос, разносящийся по всему поезду: «Товарищи, наш поезд прибывает в город-герой Ленинград». Мы выходим.

— Боже мой! — вдруг восклицает Ледков, вспомнив себя шестнадцатилетним мальчишкой. — Я цепляюсь за свою попутчицу. Такой толпы, как на вокзале, я еще не видел: тут больше народу, чем в Нарьян-Маре, больше, чем в Архангельске, больше, чем оленей в тундре. Тут просто так не пройдешь, тебя затолкают. А потом тротуары, такси, множество такси, автобусы. Я ничего не вижу, ничего не понимаю. Она спрашивает меня: «Ну что, Вася, поедем на троллейбусе или на такси?» Что такое троллейбус? Я не знаю такого слова. Тогда я спрашиваю:

— Это далеко?

— Нет.

— Тогда пойдем пешком.

Мы идем по Невскому проспекту. Дома еще больше, чем все те, которые я видел раньше. И эта толпа! Мы молча продвигаемся вперед. Я несу свой узел на плече, сумку в руке, она несет чемодан. Я спрашиваю:

— Еще далеко?

— Почти пришли. Ты хочешь пить?

— Да.

Она платит несколько копеек и покупает два стакана газированной воды. Я думаю про себя: «Это вино, оно здесь дешевое». Она пьет залпом, а я осторожно, медленно — я боюсь, а вдруг опьянею.

Мы входим в институт. Я остаюсь в ее комнате, а она сама с подругой уходит купить мне белье, костюм, ботинки.

— Теперь иди в ванную, — говорит она.

Я выпарываю деньги, которые мой отец зашил мне в одежду.

— Когда помоешься, надень все новое.

Я моюсь, одеваюсь, она учит меня завязывать галстук, сама завязывает его на мне, а я смотрю. Затем она говорит: «Идем обедать, а потом ты пойдешь в парикмахерскую». Я все делаю, как она велит...

Мне дают комнату в общежитии. В ней еще три человека. Все ненцы. Мы говорим на одном языке. Я ни-

как не могу научиться один находить дорогу. Они нарочно прячутся от меня, чтобы поглядеть, что я буду делать. В тундре ориентируешься на глаз. А здесь я узнаю только вход в мой дом, дорогу в столовую и обратно. Но не более того. Гулять меня водят. Наконец, я не выдерживаю: «Что нужно делать, чтобы научиться ориентироваться?» Один из моих товарищей объясняет: «Ты доходишь до угла и читаешь название улицы, а у каждого дома есть свой номер».

Он прерывает свой рассказ:

— Сейчас такое уже невысказано! Моей истории исполнилось двадцать лет. Она никогда не повторится.

Это не восход солнца, оно взойдет очень не скоро, просто становится чуть-чуть светлее долгая полярная ночь. Взлетая, вертолет поднимает снежную бурю: под нами, до самых границ горизонта, окрашенного блеклым красным цветом, расстилается тундра. За вертолетом гонится тень по белой равнине. Березы, карликовые ивы, редкие ели рисуют по земле все более частый рисунок: должно быть, мы уже недалеко от пасущихся в лесу оленьих стад.

— На Варандейском острове я был круглым отличником,— говорит Ледков, бросив взгляд вниз. — В Ленинграде я учился неважно, мне особенно трудно давались точные науки: химия, математика, да и с другими предметами, даже с литературой, было ненамного лучше, мне мешало то, что я еще плохо говорил по-русски. Если точными науками я должен был заниматься в лаборатории, то искусство и литературу я мог изучать, просто гуляя по Ленинграду: здесь ими дышит каждый уголок. Все с той же девушкой, которая очень мне помогла, я много раз бывал в театре, в опере: я был поражен декорациями, размерами зала, но мне трудно было следить за представлением, я многого не понимал. Я сидел как оглушенный.

Он поворачивает голову, наклоняется, высматривает что-то внизу.

— Я много читал,— говорит он.— В это время начали выпускать для школы русские книги по-ненецки. Мне было уже восемнадцать лет. Я перевел на ненецкий стихи Пушкина, Маяковского, Лермонтова. Два моих соседа по комнате тоже переводили: мы помогали друг другу. Вскоре были напечатаны мои стихи.

— Ваши переводы?

Он поворачивается ко мне.

— Нет, мои собственные.

— А когда вы начали писать сами?

— До восемнадцати лет мне не приходило это в голову.

— Значит, благодаря Пушкину, Лермонтову, Маяковскому?

— В детстве мне нравились песни шаманов... И сказки, они были для нас как хлеб. И ненецкие загадки: они развивают ум ребенка. Но я никогда не думал, что буду писать сам.

Я спрашиваю:

— О чем ваши поэмы?

— Обо всем,— отвечает он.— О любви. О природе.

— О вашей природе?

— Да, о тундре. Она всегда у меня перед глазами.

Я смотрю на нее. Вертолет почти неподвижен. Под нами сотни оленей, они то кружат на месте, как будто затащенные в водоворот, то разбегаются в разные стороны. Вдалеке три чума, и люди, которые смотрят на нас, закинув головы...

СОЛНЦЕ

Сегодняшний ребенок, в какой бы семье он ни рос, в любой момент может услышать имя Ленина — даже в первых классах школы, на любом уроке истории. Его могут произнести скороговоркой, иногда чуть ли не шепотом — все равно оно прозвучит. А я принадлежу к поколению, которому в детстве просто негде было услышать ленинское имя...

Я вспоминаю свое отрочество, юность... Война в Испании, Мюнхен¹, наконец, вторая мировая... Мои сверстники и я мужали под гул набата, зовущего на войну с фашизмом. К тем трагическим дням, когда впервые зазвучал этот набат, я уже знал Ленина. И не я один воспринял его имя как символ победы, как преграду черным силам на пути войны. Я твердо помню, что уже в ту пору слово «Ленин» стало для меня именем, лицом, человеческой жизнью, неотделимыми от борьбы угнетенных, обездоленных бедствиями войны людей.

Да, точной даты я не назову. Мне не вспомнить, в какой именно миг имя Ленина и все, что стояло за ним, впервые запечатлелось в моем сознании. Но, перебирая в памяти прожитые годы, я связываю этот миг с Барбюсом, с первой мировой войной.

¹ Имеется в виду Мюнхенское соглашение, подписанное в сентябре 1938 года премьер-министром Англии Н. Чемберленом, премьер-министром Франции Э. Даладьё, Гитлером и Муссолини, о расчленении Чехословакии, что привело в конечном счете к ликвидации ее государственной независимости.

Знакомство с Лениным началось с туманной и прекрасной легенды: где-то далеко-далеко в России, там, где всегда идет снег, один человек вступил в борьбу с нищетой, угнетением, с войной, с застарелой людской привычкой к несчастью. Конечно, я видел этого человека по-своему, глазами ребенка, французского школьника. Он представлялся мне похожим то на Камиля Демулена¹, вскочившего на садовую скамейку в Пале-Рояле², то на жестикулирующего Дантона³, то на Робеспьера⁴, вещающего с трибуны...

Разумеется, позже я прочел биографию Ленина и познакомился с его трудами. Но все, что я потом узнал, нимало не противоречило ленинскому образу моей юности, образу человека на службе человечеству.

На вопрос о том, в чем актуальность ленинизма, разрешите мне ответить не как историку или философу — на эти звания я не претендую, — но как писателю и гражданину. Для меня актуальность ленинизма состоит прежде всего в том, что он помогает нам заслужить высокое и трудное звание гражданина, звание человека, живущего вместе с людьми и озабоченного их общим будущим.

«Гражданин» — великое слово; по существу, по изначальному смыслу оно противостоит жестокости, насилию, грубости, обскурантизму, предрассудкам, несправедливости... Гражданский урок, преподанный Лениным, налагает на нас двойные требования — требования, предъявляемые к самим себе, и требования, связанные с отношением к другим людям.

Один из заветов Ленина — братская любовь к людям. Не к какому-то неопределенному, абстрактному человеку, которого в природе нет, а к живому, многоликому, разнообразному и в то же время единственному в своем роде, чьи руки создают общественное богатство, а разум — интеллектуальные и художественные сокровища земли. Ленин этого человека понимал и любил. Его любовь не была слепой: он ясно видел и хорошо знал людей. Ленин любил крестьян, рабочих, поэтов,

¹ Демулен, Камиль (1760—1794) — видный деятель Великой французской революции, адвокат и журналист.

² Пале-Рояль («Королевский дворец») — одна из резиденций французских королей в Париже.

³ Дантон, Жорж Жак (1759—1794) — крупный деятель Великой французской революции, выдающийся политический оратор.

⁴ Робеспьер, Максимилиан (1758—1794) — крупнейший деятель Великой французской революции, вождь якобинцев.

студентов, детей. Он не смотрел на них с высоты холодного знания, уверенного в собственной непогрешимости, он понимал их ежедневное трудное бытие.

Красоту величайших памятников человеческого искусства — будь то египетские пирамиды, или мечеть в Кордове, или собор Парижской богородицы, или храм Василия Блаженного — нельзя оценить, не обращаясь мысленно к зодчим, создавшим их силою таланта и фантазии, к труженикам, которые собственными руками возводили их из дерева и камня со стонами и кровью, страдая от жажды и голода. И если воспользоваться этим примером, то Ленин учит меня видеть не только красоту, но и человеческое усилие, родившее на свет эту красоту.

Я, конечно, никого не удивлю, сказав, что мир, окружающий меня, полон рабов и угнетенных. А поскольку этот мир все еще существует и в нем царят злоба и мракобесие, учение Ленина актуально каждую секунду.

Вспоминаются замечательные строки из короткой статьи «Советская власть и положение женщины», опубликованной в «Правде» 6 ноября 1919 года, где могучий ленинский гнев обрушивается на ложь и лицемерие угнетателей, на их «отвратительно-грязные, зверско-грубые законы»:

«Советская республика, республика рабочих и крестьян, смела эти законы сразу, не оставила камня на камне в постройках буржуазной лжи и буржуазного лицемерия.

Долой эту ложь! Долой лжецов, говорящих о свободе и равенстве *для всех*, пока есть угнетенный пол, пока есть угнетающие классы, пока есть частная собственность на капитал, на акции, пока есть сытые своими излишками хлеба, кабалащие голодных...

И именно потому, что мы сорвали маску этого лицемерия, что мы осуществляем с революционной энергией свободу и равенство для угнетенных и для трудящихся, против угнетателей, против капиталистов, против кулаков, — именно поэтому стала так дорога рабочим всего мира Советская власть»¹.

Сквозь мрак и кровь сияло над нами солнце Октября — солнце грядущего, в котором воцарятся мир и взаимопонимание.

1970

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 287—288.

[Их путь был озарен искрами]

(К 50-летию СССР)

Я люблю посидеть у огня. Не только затем, чтобы согреться, но чтобы представить себе всех тех людей, что когда-то склонялись над жаркими языками пламени и постепенно, с течением лет, веков и тысячелетий, сумели стать владыками огня. Огонь — это как бы трепетное зеркало, в котором человек может увидеть отражение собственной силы и слабости.

Мы — наследники этих людей, бывших вначале рабами, безропотными и обездоленными, ставших потом изобретателями и творцами. Мы — наследники всех этих безвестных предков, которых мало-помалу озарял огонь, которые покоряли все новые и новые природные силы, постепенно освобождаясь от окружавшей их тьмы. Колесо, упряжь, паровая машина. Сострадание, милосердие, справедливость. Изобретение могучих машин. Зарождение освободительных идей, столь же могучих, как и машины.

Так, обращаясь к прошлому и пытаюсь угадать, что за тени возникают передо мной из тысячелетней тьмы, я вижу руки творцов и головы мыслителей. Руки и головы, работающие ради грядущего, ради меня, ради моих сыновей и внуков. Созидающие нас, наше будущее.

Среди этих людей прошлого есть безымянные, есть и такие, чьи имена дошли до нас. Это Рабле¹, Монтескье² и Вольтер³, Ломоносов и Флеминг⁴, Ронсар⁵ и Пушкин. Но самым первым среди них был тот, кто впервые осознал себя человеком, равным другим людям, в чьей голове зародилось представление о том, что впоследствии будет именоваться свободой и справедливостью.

¹ Рабле, Франсуа (1494—1553) — великий французский писатель, ученый-гуманист.

² Монтескье, Шарль Луи (1689—1755) — выдающийся французский просветитель XVIII века.

³ Вольтер — Аруз, Франсуа Мариа (1694—1778) — выдающийся французский писатель, просветитель XVIII века.

⁴ Вероятнее всего, автор имеет в виду Александра Флеминга (1881—1955) — выдающегося английского бактериолога, открывшего пенициллин в 1929 году, лауреата Нобелевской премии.

⁵ Ронсар, Пьер (1524—1585) — французский поэт эпохи Возрождения.

Сначала это представление было смутным и неопределенным, и тот, кому оно пришло на ум, наверное, всячески пытался отогнать его от себя. Ибо он сознавал, что оно способно всколыхнуть почву под его ногами, перевернуть весь мир. Кто я такой, думал он, чтобы сбросить с себя цепи рабства? Чтобы посягнуть на власть шамана и вождя?

На нас долгое время давило бремя рабских привычек, условностей, ограничений, которых мы подчас сами не замечали. Потом вспыхнула искра. За ней другая. Ведь когда куют сошки для плуга или прокатывают железный лист, всегда сыплются искры. Редкие, слабые искры, которые тотчас же поглощает ночь.

Я думаю о Ленине, о людях Октября. Они вышли из ночи, все еще глухой и холодной. Но их путь был озарен искрами. Позади них уже распахнулись врата ночи, рухнули Бастилии, были провозглашены коммуны. Потом створки этих врат — тяжелые, неумолимые створки — снова сомкнулись со ржавым скрежетом. Но не до конца. Между ними оставалась щель. И в эту щель, в эту брешь, в этот пролом летели искры. Искры, искры, искры...¹

Тогда-то зародилась и осуществилась — то есть облеклась плотью и стала явью — простая и великая идея союза республик. Снопа, связавшего воедино многоцветные колосья. Потока, вобравшего в себя ручьи. Теперь это кажется простым и ясным, как день. Пшеница и рис, уголь и рубин, рожь и арбуз, вино и молоко, белая и смуглая кожа, жар и холод, яблоко и гранат, Пушкин и Шевченко.

Во имя свободного человека, во имя всеобщего будущего. Во имя разбитых цепей, во имя рабочих, ставших хозяевами своих машин, во имя крестьян, ставших хозяевами своей земли.

Это свершилось пятьдесят лет назад, и все люди нашей земли не были бы людьми, если бы не эта победа, не эта сбывшаяся мечта,

1972

¹ В оригинале эти слова написаны по-русски. (Примечание переводчика.)

Живая явь великих традиций

Вы только что ознакомились с представленными здесь свидетельствами французских писателей о нашей стране. Собранные воедино, они зримо и выразительно говорят как о Советском Союзе на переломных этапах его большой и славной истории, так и о тех из французов, кто в разное время своими глазами увидел советскую действительность и написал о ней честно, страстно и ярко.

Чистота помыслов и благородный пафос их дружественного, подлинно интернационалистского отношения к нам, к нашей Родине, к нашему великому делу не могут не волновать и не вызывать самых высоких ответных чувств. 60-летие установления дипломатических отношений между Францией и СССР, 40-летие Победы, наконец, близящееся 70-летие Великого Октября проливают все новый свет на давние плодотворные взаимоотношения наших стран и народов во всех областях, придают все более сильные импульсы их дальнейшему развитию и углублению.

Представленные в сборнике публицистические произведения равнозначны историческим документам, содержащим массу живых, схваченных как бы на лету фактов, но при этом отмечены личностным видением и чувствованием их авторов, очень разных людей, побывавших в нашей стране в разное время. В основном — это свидетельства очевидцев, а этим обусловлены их зримость и особая достоверность, которые не снижаются и в тех случаях, когда свидетельства об СССР даны в форме художественных картин, созданы по преимуществу художественными средствами, как, например, в романе Мартины Моно «Нормандия — Неман». Все без исключения авторы сборника хорошо знают нашу страну, пишут о ней на правах давнишних и верных друзей Советского Союза.

Три раздела этой книги — это три эпохи, три последовательно сменявших друг друга этапа истории познания французами Родины Ленина, Октября и реального социализма, а тем самым и взаимоотношений между нашими народами.

«После 1917 года нет человека, который бы оставался равнодушным к тому, что происходит в Стране Советов; каждый занимает ту или иную позицию: одни — за, другие — против»¹, — говорил выдающийся французский коммунист Морис Торез, генеральный секретарь ФКП в 1930—1965 годах.

Первые газетные публикации о Стране Советов появились во Франции буквально на завтра после 7 ноября 1917 года. Уже в 1923 году в Париже вышла первая доброжелательная книга о нашей стране — «Рождение СССР» Жака Садуля, капитана французской военной миссии в России в 1917 году.

¹ Торез М. Избранные произведения. В 2-х т. М.: Госполитиздат, 1959, т. 2, с. 499.

Не сразу ко многим французам, подобно Аннете Ривьер, героине романа Ромена Роллана «Очарованная душа», пришло понимание и тем более осознанное принятие «советской правды» как единственной правды века, «как примера и опоры» в их мужественной, но разрозненной борьбе против «интернационала корысти, феодалов промышленного империализма», «чудовищной глыбы реакции». При всех пока еще «безотчетных», «по инстинкту» симпатиях к Стране Советов она оставалась для них «манящей загадкой».

Ускоренный переход лучшей части французской творческой интеллигенции от эмоционального одобрения русской революции к пониманию и активной поддержке ее дела, дела социализма, происходил в 20—30-е годы, о чем, в частности, свидетельствуют приведенные в данной книге выступления А. Барбюса, Р. Роллана, Л. Муссинака. Переломным в этом отношении явился 1927 год — год десятилетия Октября, ознаменованный подлинным паломничеством деятелей французской культуры в Страну Советов. С недоступной им ранее ясностью многие и многие осознали насущную необходимость поддержки и защиты всемирной Родины социализма всеми честными людьми Запада. Защищать СССР, в котором они увидели свершение своих самых сокровенных чаяний, значило для них защищать демократию, свободу, справедливость, мир, будущее — защищать «самих себя».

Многочисленные публицистические выступления об СССР в эти годы можно было бы резюмировать следующими словами крупного деятеля французской культуры Франсиса Журдена: «Всякая победа социализма есть победа цивилизации, так как в настоящее время социализм — единственный носитель этой цивилизации, с которой он, в конечном счете, тождествен... У цивилизации есть только один враг — фашизм»¹. Иначе говоря, защищать цивилизацию и ее высшее достояние — мир для всех подлинных гуманистов и демократов значило защищать социалистическую цивилизацию, во выражению Роллана, «величайшую надежду всего человечества», «международное Отечество», «всемирную Родину трудящихся», «ядро будущего Союза социалистических республик мира». «Защита Советского Союза или смерть!» — писал Роллан 6 апреля 1936 года в газете «Юманите».

Право открыто уважать и любить Страну Советов всегда составляло честь и привилегию людей убежденных, стойких и мужественных. Многие из них, подобно коммунисту Пьеру Семару, умирали под пулями гитлеровских палачей с возгласами: «Да здравствует Советский Союз! Да здравствует Франция!» Наша страна в полной мере оправдала лучшие надежды всех французских патриотов, сокрушив гитлеризм; что решающим образом предопределило освобождение Франции.

В год сорокалетия Победы советского народа в Великой Отечественной войне особое значение приобретают материалы второго раздела книги. Впрочем, почти ни одна послевоенная публикация французских авторов об СССР, если даже она непосредственно и не посвящена Великой Отечественной войне (например, путевые очерки С. Теря, Л. Маммак и А. Вюрмсера), не обходится без упоминаний об этой године величайших испытаний.

Неколебимой верой в конечную победу советского народа над гитлеровскими ордами проникнута от первой до последней строчки книга радиокомментариив выдающегося писателя-гуманиста Жана

¹ Интернациональная литература, 1938, № 12, с. 158.

Ришара Блока «От Франции преданной к Франции сражающейся». Всемирно-исторический подвиг Страны Советов писатель еще в начале 1942 года определил как «один из величайших поворотов в судьбах народов». Корень и залог этого подвига — советский строй, «грандиозное дело возрождения», «Красная Армия, советская индустрия, дружба народов Союза, большевистская партия, цементирующая сила сплоченности, защитница свободы, вдохновитель народной энергии».

Напомню, что эти радиовыступления написаны французом, произнесены перед микрофоном на французском языке и были адресованы его соотечественникам, стонущим под жестоким игом оккупации. Свою важнейшую задачу писатель видел в том, чтобы донести до них всю правду о народной войне в СССР и побудить их сражаться с захватчиками всеми силами и средствами. Советский фронт, подчеркивал он, — это «фронт свободы, это наш фронт... Это фронт, где сражаются и умирают также за то, чтобы Франция вновь стала свободной»; «Сражаясь за Киев, русский солдат сражается также за Париж»; «Освобождение Парижа остается делом самих французов, но красный боец, освобождающий Украину и Ленинград, работает также и для освобождения Парижа». Эти тезисы проходят через все радиовыступления Жана Ришара Блока.

Символом великой жизненности этой дружбы, скрепленной совместно пролитой в борьбе с общим врагом кровью, является легендарная эскадрилья «Нормандия — Неман», которой Мартина Моно посвятила свое волнующее правдивое повествование.

«Открытие» Советского Союза французами приобрело еще более массовый и нарастающий характер после 1945 года. Как никогда до этого, их волновал и продолжает волновать в наши дни главный, решающий вопрос, по отношению к которому все прочее занимает подчиненное, вторичное положение, — а именно о месте и роли Страны Советов в современных судьбах Франции и всего человечества, в умах и сердцах людей, о международном значении реального социализма, его свершений и уроков. Даже для людей, далеких от нас или же просто враждебных нашему делу, становилась все более очевидной нераздельная слитность революционно-преобразовательной деятельности советского народа и движения человечества по пути мира и прогресса. Резко возросло стремление понять и объяснить новый мир, именуемый Страной Советов, истоки, причины и движущие силы грандиозных, кажущихся непостижимыми перемен в нашей стране.

Вспоминаю Францию начала 60-х годов, когда я находился в этой стране в годичной научной командировке.

...Людское половодье на бульварах и площадях, заполненные террасы кафе. Букинисты на набережных Сены, художники на Монмартре. Масса туристов со всего света в этом вечном, как Рим, городе с его собором Парижской богородицы, Эйфелевой башней, знаменитыми музеями и театрами, бесчисленными увеселительными заведениями. Роскошные витрины магазинов и бродяги, устраивающиеся на ночлег в проходах метро. Бросающиеся в глаза контрасты в пестроте и оглушительности звуков, красок и впечатлений, в будничной круговерти огромного города... Словом, традиционный, так сказать, в рекламно-туристическом варианте портрет Парижа, столь примелькавшийся на страницах книг, газет и журналов и в кинокадрах, что каждый, кто впервые оказы-

вается в нем, испытывает поначалу странное, непередаваемое чувство, что как будто он здесь уже когда-то был.

Но этот, 1961/62 год имел свои особые приметы, явно диссоциирующие с устоявшимся рекламным образом Парижа. Повсюду на людных перекрестках группы жандармов с автоматами и солдат из «войск внутренней безопасности». Проверяют проезжающие машины и документы у прохожих. Лица людей необычно суровы. В городе напряженная обстановка. Тревожно, как, пожалуй, не бывало с 1944 года.

Вот уже несколько месяцев непрерывно, едва ли не каждую ночь, в столице Франции рвутся бомбы. Боевики — «ультра» из тщательно законспирированной вооруженной фашистской организации ОАС (Организация секретной армии) объявили настоящую охоту на демократов и противников грязной колониальной войны в Алжире, ведущейся вот уже восьмой год. К бесчисленным жертвам ее добавляются все новые, только теперь уже и на территории метрополии. Террористами были совершены покушения на члена Политбюро ФКП Раймона Гюйо, на писателей Андре Вюрмсера, Владимира Познера и Андре Мальро, на журналистов Юбера Бёв-Мери, Мориса Дюверже, Жака Фове и Франсуазу Жиру. С трибуны парламента представители «ультра» Биажжи, Арриги и Ле Пен угрожают «гражданской войной».

8 февраля 1962 года в результате спровоцированных полицейей столкновений с демонстрантами-антифашистами было убито восемь человек (семеро из них — коммунисты) и 250 ранено. Это вызвало взрыв массового негодования. 12 февраля прошла всеобщая забастовка протеста. 13 февраля в похоронах жертв полицейских репрессий участвовало около миллиона парижан. Достигшая своего предела напряженность в Париже пошла на спад только после заключения перемирия в Алжире в конце марта...

Между тем жизнь в городе шла своим чередом. В водовороте бурных событий, острейшей политической борьбы, наложившей свою печать на все стороны жизни великого города, кипела культурная жизнь Парижа, радуя ее ценителей традиционным разнообразием и немалой новизной. На экранах кинотеатров шло множество фильмов, а на театральных сценах — пьесы авторов разных стран и времен, от Эсхила и Аристофана до Жана Жироду и Франсуазы Саган. В крупнейших мюзик-холлах французской столицы выступали Марлен Дитрих, Жильбер Беко, Жорж Брассенс, Жак Брель, Шарль Азнавур и другие «звезды» эстрады. Парижское радио круглосуточно передавало песни о любви. Поистине не так уж не прав кто-то, сказавший, что в Париже все меняется, чтобы остаться неизменным.

В эти перенасыщенные заботами и тревогами дни мне, советскому человеку, приехавшему во Францию изучать журналистику и литературу этой страны и полностью поглощенному своим делом, выпало немало возможностей ощутить на себе в полной мере теплоту и трогательность дружбы в ее бесчисленных и многообразных проявлениях.

Я имел немало случаев убедиться в том, что для многих мыслящих, с открытым умом и сердцем французов СССР давно вошел в круг самых повседневных, естественных интересов и пополнение и углубление своих знаний о нем они считают существенно важной горизонтой, частью своего общего образования, своих культурных горизонтов, всей своей духовной жизни.

Где бы во Франции ни привелось побывать, с кем бы ни довелось беседовать — с Луи Арагоном, Эльзой Триоле, Андре Вюрмсером, Маргерит Блок, Мари Роллан, с рабочими завода Рено, с крестьянами Бургундии и Нормандии, с виноделами Шампани, с учительницей из долины Луары, с корректорами из типографии, со студентами Парижа и нормандского города Кана, с известными журналистами, с коммунистами, социалистами, радикалами, голлистами, — всюду и везде разговоры, чему бы они ни посвящались, необходимо, как бы сами собой возвращались к нашей стране, неизменно определяли атмосферу встреч, общая черта которых — взволнованность и искренность. Те, кто бывали в СССР, тут же начинали предаваться воспоминаниям о Стране Советов, те же, кто пока еще знакомы с нашим государством только заочно, говорили о своем заветном желании посетить Советский Союз при первой возможности. На улицах, в поездах, на станциях метро, в кафе подходили совершенно незнакомые люди, чтобы пожать руку. Правда, этот искренний, идущий из глубины души интерес был не всегда продиктован одинаковыми побуждениями, не всегда подкреплялся достаточно полными и правильными представлениями моих собеседников о нашей стране и нашем строе.

Незабываемой была организованная обществом «Франция — СССР» поездка в Нормандию весной 1962 года. На встречу с нами, группой советских граждан, в городе Кан пришли сотни людей. Казалось, вопросам из зала не будет конца, а в вопросах нашло рельефное отражение по сути все, что постоянно интересует французов, стремящихся при первой же возможности получить конкретные ответы, сведения и факты на волнующие их вопросы (права и обязанности советских граждан, роль партии и профсоюзов в нашей общественной системе, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, транспорт, сфера обслуживания, бюджет и быт рядовой советской семьи и т. п.). Волнующими были воспоминания о совместной борьбе с фашизмом. В Кане мы возложили венок к могиле героев французского Сопротивления.

Старый крестьянин Грассе из местечка Брев, описанного Ролланом в «Кола Брюньоне» (здесь, у стены Бревской церкви, где буйно разрослись кусты жасмина, покоится прах великого писателя), растроганно поведал мне о своих «встречах с русскими» и просил поклониться нашей стране. Пьер Абраам, брат Жана Ришара Блока, редактор основанного еще Ролланом в 1923 году журнала «Эроп», в котором всегда столько места отводилось советской литературе, сказал при встрече в редакции, выслушав мои просьбы, что ему «приятно быть полезным советским друзьям», которые его «так тепло принимали». Прощаясь со мной, Андре Вюрмсер, в квартиру к которому я проходил через развороченную накануне осовской бомбой лестничную площадку, просил передать «всем вашим, всей вашей Родине самые горячие пожелания».

Чаще всего мне доводилось встречаться с французскими студентами. Многие из них то и дело возвращались к «космическим премьерам» СССР, рассказывали об огромном воздействии на их сознание первого советского спутника и незабываемого полета Гагарина, многое перевернувших в «западных» представлениях о нашей стране. Один из них — Клод Д. — сказал мне: «После ваших спутников на Западе неожиданно поняли, что ваша наука — лидер мировой науки. Наши ученые стали серьезно интересоваться вашими научными журналами. Наконец проснулись, но — поздно!»

Студентка Сорбонны Элен В., для которой, по ее словам, «со-

ветские люди или французы — это одно и то же», так прокомментировала очередной успех советских бегунов в кроссе «Юманите»: «Ваши соотечественники почти каждый год собирают все призы, и это неудивительно. Спорт в Союзе, как и все остальное, — серьезное дело. А во Франции он только отражает общие условия жизни и вместе с образованием переживает тяжелые последствия колониалистской и военной политики». Все это было сказано по-русски: Элен уже неплохо владеет русским языком...

Тоже знамение времени. Владеющих русским языком либо активно занимающихся им встречал довольно часто, особенно среди студентов и журналистов. Однажды учебник русского языка я увидел на рабочем столе главного редактора буржуазного еженедельника «Монд дипломатик» Франсуа Онти. Русский язык воспринимается все большим числом французов как необходимый *практический* ключ к познанию интересующей их действительности реального социализма, советской культуры. Естественно, интерес к нему диктуется, обуславливается разными причинами и мотивами — политическими, профессиональными и иными, хотя и встречаются случаи, отмеченные необычностью.

Один из таких примеров — мой парижский знакомый Ф. М., президент и генеральный директор промышленной фирмы. Этот уже весьма немолодой человек, судя по всему, немало переживший и передумавший на своем веку, при наших встречах, а потом в письмах постоянно размышлял и рассуждал о нашей стране. А мысли Ф. М., старомодно одетого человека с философским складом ума, вращались вокруг «больших вопросов, касающихся человека», разрешенные которых он все больше связывал с Советским Союзом. Он искренне сожалел, что «у французов слишком мало возможностей встречаться с советскими людьми», с представителями «вечной России, которой предназначено сыграть свою роль в этом просторном мире, которая в стольких отношениях так мне симпатична потому, что имела великих писателей, глубоко чело-вечных, столько выстрадала, симпатична потому, что совершила Революцию, потребовавшую от своих жителей огромных усилий, и нельзя не воздать должное самому усилию, если даже оно не во всем увенчалось успехом, борьбе за общество без классов, за единый мир, где человек будет на службе человека».

При спорности и некоторой наивности рассуждений Ф. М. ему нельзя было отказать в здравомыслии, в понимании важнейших реальностей современного мира: «Новая Россия, составная часть европейской семьи, миролюбива», «Атлантический пакт был создан против вас», «Завтра новые Гитлеры могут обрушиться на мир». «Мы, во Франции, — писал он мне, — страшимся третьей мировой войны, войны США против СССР, которая бы ввергла всех их союзников в новый и гораздо более чудовищный, чем когда-либо в прошлом, ад». Выход? «Необходимо, чтобы люди поняли, что только с помощью контактов, преодолевая страх, ненависть, зависть, национальный и индивидуальный эгоизм», можно предотвратить войну, установить «мир прочный, основанный на доверии, выгодный для всех»; «люди должны узнать друг друга, понять друг друга, полюбить друг друга, помогать друг другу»...

Да, времена менялись, и не заметить этого было невозможно даже во Французском институте прессы, где я занимался. Выступавший здесь с лекциями заведующий международным отделом одной из самых реакционных парижских газет — «Фигаро» Роже Массип тяжело ронял в аудиторную слова (с ее настраиваниями он

не мог не считаться): «Читатели на Западе испытывают большое желание быть хорошо информированными обо всем, что происходит в Советском Союзе...» Правда, при этом Массип скромно умолчал о том, что его газета злобно эксплуатирует в самых неприглядных целях нарастающий интерес своих читателей к Стране Советов.

...С жаром и горячностью задавал мне самые разнообразные вопросы о нашей стране мой случайный собеседник, медлительный и малоразговорчивый владделец маленькой колбасной в Булони. И при этом уверял меня, что «политикой не интересуется». Это тоже характерный штрих! Давний, глубоко укоренившийся интерес к СССР, политическая окраска которого очевидна, средний француз, действительно далекий от осознанного участия в политической жизни, считает чем-то «неполитическим», будничным и привычным, как и все, что его окружает дома и на работе. Этот интерес — следствие глубинных, как бы запертых внутри чувств дружбы и уважения к нашей стране, которые, — это следует особо подчеркнуть, — отнюдь не всегда равнозначны приятию идеологических и социально-политических основ нашего строя.

Конечно, и на миг не затихающая во Франции вот уже почти семь десятилетий антисоветская пропаганда делает свое дело. Еще Анри Барбюс подметил, что буржуазная печать поднимает на щит все, что может нанести ущерб Стране Советов, его международному авторитету, что дает хоть какой-то шанс очернить, скомпрометировать ее: «В сегодняшнем дне русского рабочего французский пролетарий видит свое завтра, и он хочет знать досконально правду о своем завтра. А это идет вразрез с интересами толстосумов»¹. Поэтому как бы ощутимо с течением времени ни изживались ложные представления об СССР, активно культивируемые империалистической пропагандой, они пока еще, к сожалению, имеют достаточно широкое хождение во Франции.

Тем более важно, что и в послевоенные годы французские прогрессивные писатели оставались верными великим традициям активной интернационалистской солидарности со Страной Советов вне зависимости от колебаний международной и внутривнутриполитической обстановки, что их статьи и очерки несли во Францию правду о нашей Родине, активно и ярко пропагандировали достижения реального социализма. По всей справедливости они всегда рассматривали антисоветизм как преступную идеологию и политику. История Франции убедительно доказала на бесчисленных примерах, что быть врагом СССР — значит быть врагом Франции, и не было случая, когда бы подлинный друг Страны Советов не являлся одновременно пламенным патриотом Франции, утверждающим свою горячую любовь к ней при любых обстоятельствах.

Все авторы этой книги — объективные свидетели и авторитетные летописцы «рождения великих и неотвратимых социальных перемен», как точно и лаконично сказал Анри Барбюс. Строительство нового общества воспринимается как поступательное движение, стремительное и не знающее перерывов, а вся Страна Советов — как мир бурных качественных перемен к лучшему, мир, в котором каждый следующий день означает известное преодоление предыдущего на пути безостановочного прогресса во всех областях жизни. СССР — это «мир, в котором строят», отмечают Л. Мамчак и А. Вюрмсер. Подъемный кран на стройке представляется им сим-

¹ Монд, 15 февраля 1930 года.

волом страны, страны мира и созидательного труда, где если что и трудно для изучающего ее иностранного наблюдателя, то это поспевать за ходом созидания, своевременно фиксировать его достижения, определять место и значимость происходящих перемен для общей перспективы социализма.

Представленные здесь тексты охватывают полвека истории нашей страны. Обширна их география — Москва, Ленинград, центральные районы России, Украина, Средняя Азия, Кавказ, Урал, Сибирь... Многообразна проблематика — индустриализация, коллективизация, социалистическое решение национального вопроса, сущность народовластия, социалистический образ жизни, культура и искусство, расцвет личности, положение молодежи и т. д. Однако к какой бы стороне советской действительности ни обращались наши французские друзья, они стремились постигнуть и раскрыть идейное и духовно-нравственное содержание исторических свершений советских людей, которое открылось для них в ленинизме.

Учение Ленина, его дело и личность оказали огромное влияние на творчество и общественную деятельность многих французских писателей. О Ленине писали А. Франс, Р. Роллан, А. Барбюс, Ж.-Р. Блок, П. Вайян-Кутюрье, П. Гамарра и многие другие. Подобно Р. Роллану, каждый из них мог сказать, что Ленин, как никто другой, помог им окончательно излечиться от «идеалистической отравы», вырваться из западни буржуазного индивидуализма и гуманизма. Ленин предстал перед ними как «человек новой формации, предвестник новой эпохи, прототип человека будущего» (А. Барбюс), как «законченный тип нового человека», «прообраз человека будущего» (П. Вайян-Кутюрье), как «ямя, лицо, человеческая жизнь, неотделимая от борьбы угнетенных, обездоленных, чье учение «актуально каждую секунду» и «помогает нам заслужить высокое и трудное звание человека, живущего вместе с людьми и озабоченного их общим будущим» (П. Гамарра). Ж.-Р. Блок отмечал: «Результаты дела Ленина и тех, кто это дело продолжил», — «возрожденный народ», способный на величайшие свершения.

Главным героем сборника «Французские писатели о Стране Советов» является советский народ, созидатель в бою, неутомимо строящий и героически защищающий свою социалистическую Родину, — новый человек, величайшее, по их общему мнению, достижение социалистического строя, который, как писал 26 октября 1967 года в «Юманите» известный писатель-коммунист Андре Стиль, «делает из советского народа Прометея».

Да, Страна Советов — не «земной рай» и «не картинная галерея», а «стройка» со своими немалыми проблемами и трудностями, подчеркивают Л. Мамнак и А. Вюрмсер, но в этой стране не знают тех бед и лишений, с которыми повседневно сталкиваются трудящиеся Запада, здесь «изменились отношения между людьми, психология... перспективы, надежды, образ жизни и сама суть ее», здесь «человек — самый ценный капитал», как утверждает С. Тери.

Об уровне развития страны французы традиционно судят по уровню ее культурных достижений, по идейно-эстетическому содержанию духовной жизни. И если они, подобно Л. Мамнак и А. Вюрмсеру, находят должные основания констатировать, что советские люди «ушли вперед на целую эпоху», то тем самым отмечают в первую очередь выдающиеся свершения социализма в сфере культуры, ставшей не на словах, а на деле всеобщим достоянием народа. Авторы свидетельств о Советском Союзе с 20-х годов и до на-

пих дней выражают восхищение невиданным доселе и совершенно немислимым в условиях капитализма, беспрепятственным для всех советских граждан доступом к вершинам культуры, действительными, реально гарантированными возможностями для выявления дарований и гармоничного развития каждого, поразительным прогрессом народов бывших национальных окраин царской России.

Для деятелей прогрессивной французской культуры, как, например, для выдающегося художника-графика Жана Эффеля, очное знакомство с порожденным революцией и социалистическим созданием искусством стало «*потрясающим открытием*», «*важнейшим поворотом в жизни*»¹. Оно дало сильный импульс к углубленному изучению всего связанного с реальным социализмом, к перерастанию эмоциональных симпатий к Стране Советов в сознательную поддержку ее дела, а это, в свою очередь, значительно облегчило и ускорило переход лучших представителей французской интеллигенции на сторону революционного пролетариата.

Сохранилось множество самых восторженных отзывов о советском читателе, слушателе, зрителе. Приведу лишь два из них.

Жорж Сименон, побывавший в СССР дважды — в 1932-м и в 1965 годах, — сказал: «Я, конечно, еще недостаточно знаю СССР, и лучше узнать его мне помогают советские читатели. За последние годы увеличилось количество моих романов, переведенных в СССР, и я стал получать письма из многих городов вашей страны. По ним я познакомился с людьми разных профессий и возрастов, убедился, каких вдумчивых и требовательных читателей нашел там, как широк круг их интересов. Меня особенно радуют переводы моих книг на языки национальных республик, ведь прежде это были отсталые окраины Российской империи»².

Один из самых популярных эстрадных певцов Франции Шарль Азнавур заявил журналистам 23 марта 1964 года, по возвращении с гастролей по СССР: «Я очарован этой поездкой... Мне не хватает самых прекрасных слов о советском народе, который в художественном плане несомненно является лучшим в мире».

Чрезвычайно большое, уникальное место в истории познания французами СССР принадлежит советскому киноискусству. Казалось бы, к тому времени (а это вторая половина 20-х годов), когда в столице Франции, родины кино и классического киноискусства, были впервые показаны советские фильмы, искушеннейшую парижскую публику было невозможно чем-либо удивить. Однако воздействие на нее таких шедевров, как «*Стачка*» и «*Броненосец „Потемкин“*» С. Эйзенштейна, «*Земля*» А. Довженко и «*Мать*» В. Пудовкина, было поистине ошеломляющим. Здесь, как вспоминает Жорж Садюль, многие «впервые ощутили... могучее дыхание Октябрьской революции» и смогли глубже проникнуть в «смысл истории». Так велика была во Франции революционизирующая сила советского искусства!

Во время пребывания во Франции я имел возможность воочию убедиться в огромной притягательной силе советского кино для французов, в его ни с чем не сравнимом воздействии на них.

В тот год, наполненный событиями и тревожными ожиданиями, парижский киноэкран оставлял крайне противоречивое впечатление. Да, не пустовали залы, где демонстрировалась замечательная фран-

¹ Литературная газета, 27 октября 1971 года.

² Там же.

пузская киноклассика — фильмы Р. Клера, М. Карне и других, где шли послевоенные французские фильмы. Не был забыт и Чарли Чаплин. При желании можно было посмотреть киноленты американцев С. Крамера и У. Диснея, итальянцев Р. Росселлини, М. Антониони, В. де Сика, Ф. Феллини, П. Джерми, шведа И. Бергмана, испанца Л. Бюньюэля... Все это не могло не радовать.

Однако нельзя было не заметить вопиющей неравноценности кинорепертуара и того, что, чем посредственнее и сомнительнее по духовно-нравственному содержанию был навязываемый публике вездесущей рекламой «кинотовар», тем бесцеремоннее, назойливее и крикливее была реклама.

Иной была атмосфера вокруг советских фильмов, а их в сезон 1961/62 года демонстрировалось лишь несколько. Здесь парижане не нуждались в рекламных приманках и похвальных, — они шли в кинозалы по зову сердца, по особой душевной потребности. Лучшим советским картинам здесь неизменно сопутствует широкая изустная слава.

Показу «Броненосца „Потемкина“» в маленьком кинотеатрике «Ноктамбюль» («Полуночник») в Латинском квартале предшествовал небольшой киноконцерт (выступление Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии и Государственного ансамбля танца СССР). И надо было видеть самую живую и заинтересованную, самую чистосердечную и пылкую реакцию зрителей, в массе своей молодых, на все происходящее на экране, их поразительную остроту сопереживания. Так же, как это было во время демонстрации в клубе университетского городка на бульваре Журдан «Баллады о солдате»: по ходу действия многократно раздавались аплодисменты, а как только в зале зажегся свет, все встали и оглушительной овацией простились с героями фильма, оставившими такой глубокий след в сердцах и умах.

В кинотеатре «Кинопанорама» на авеню Мотт-Пике в перерывах между сеансами советских фильмов звучали русские революционные песни и песни гражданской войны.

Во Франции о Стране Советов только ее друзьями написано много, причем обильный поток литературы о ней с каждым годом нарастает. Даже наиболее интересное и ценное в нем могло бы, наверное, составить как минимум добрый десяток книг, подобных этой. История изучения Советского Союза французами продолжается в ускоренном ритме, вширь и вглубь, ибо, по замечанию французского буржуазного историка Ф. Девиллера, для Франции все связанное с СССР «всегда, хотя бы этого или нет, является частью политического, идеологического и социального горизонта»¹.

Как видит читатель, созданная усилиями нескольких поколений авторов французская литературная «Советиана» весьма многообразна и по-своему пестра, что также вполне объяснимо: свидетельства принадлежат к разным периодам, на каждом из произведений лежит печать яркой писательской индивидуальности, личного видения нашей бурно изменяющейся действительности. Однако она составляет несомненное целостное единство, единство глубинное, духовно-нравственное. Все это написано искренними друзьями народа, строящего коммунизм, проникнуто глубоким и неподдельным чувством дружбы и уважения к Стране Советов.

С Французской коммунистической партией связали свои творческие и гражданские судьбы многие выдающиеся деятели фран-

¹ За рубежом, 1979, № 12, с. 17.

пузской культуры, составляющие ее цвет и гордость: знаменитые ученые П. Ланжевен и Ф. Жолио-Кюри, выдающиеся художники П. Пикассо и Ф. Леже, писатели и поэты, без которых невозможно представить современную французскую литературу: А. Франс, А. Барбюс, Л. Арагон, П. Элюар, П. Вайян-Кутюрье, Ж.-Р. Блок. Но люди разных поколений сделали этот важнейший жизненный шаг в разное время, при весьма различных обстоятельствах: одни в 20-е годы, другие в 30-е, третьи — в 40-е. Свое решение о вступлении в партию революционного пролетариата все они (как об этом свидетельствуют, в частности, и материалы данной книги) приняли под влиянием успехов, достижений и побед Родины Ленина и реального социализма. И нет ничего более естественного и закономерного в том, что эти борцы за правду, справедливость и человеческое достоинство стали друзьями нашей страны — надежды мира и прогресса.

И последнее. Нетрудно заметить, что почти все авторы помещенных здесь произведений, вдумчивые и зоркие наблюдатели происходящего в Стране Советов, спешили увидеть и понять живую новь советской действительности, предельно чутко и оперативно запечатлеть ее, поделиться своими впечатлениями и мыслями от увиденного и услышанного со своими читателями. Однако внешние «очерковость» и «репортажность» в этом случае неравнозначны поверхностности: они сочетаются с глубиной анализа социально-исторической природы социализма и с весомостью обобщений, связанных с разными сторонами советской действительности, которую правдиво и доброжелательно отобразили в своих произведениях французские писатели, авторы этого, предлагаемого вниманию читателей, сборника.

Валентин СОКОЛОВ

СОДЕРЖАНИЕ

1

Жан Ришар Блок. Мысли француза о Ленине	4
Анатоль Франс. Пятая годовщина русской революции	10
Поль Вайян-Кутюрье. Ленин.	11
Жорж Коньо. Первая поездка в СССР	13
Леон Муссиак. Из записок о путешествии в СССР (<i>Заметки киноведа</i>)	21
Анри Барбюс. Прекрасный украинский фильм	32
Поль Вайян-Кутюрье. Поля хлебов и нефтяные поля (<i>Отрывки из книги</i>).	38
Луи Арагон. Уральские очерки	48
Анри Барбюс. Семнадцать шагов гиганта	53
Ромен Роллан. Моим советским друзьям	55
Шарль Вильдрак. Новая Россия (<i>Отрывок из книги</i>)	59
Владимир Познер. Мера времени (Одиннадцать маленьких французских историй о Великой Октябрьской революции)	63

2

Жан Ришар Блок. [Радиокомментарии военных лет]	76
Москва — Париж	113
Мартина Моно. Нормандия — Неман (<i>Отрывки из романа</i>)	117

3

Симона Тери. Француженка в Советском Союзе (<i>Отрывки из книги</i>)	164
Анри Ланглуа. [„Вы один из самых великих мастеров нашего времени“] (<i>Письмо Александру Довженко</i>)	177
Пьер Гамарра. Образ матери	179
Луиза Мамвак, Андре Вюрмсер. СССР открытым сердцем (<i>Главы и фрагменты из книги</i>)	182
Жорж Садуль. Большое плаванье «Потемкина»	267
Анри Ланглуа. Талант, обращенный в будущее	274
Владимир Познер. Тысяча и один день (<i>Отрывки из книги</i>)	277
Пьер Гамарра. Солнце	287
[Их путь был озарен искрами] (<i>К 50-летию СССР</i>).	290
Валентин Соколов. Живая явь великих традиций	292

Составитель
Валентин Сергеевич Соколов

ФРАНЦУЗСКИЕ ПИСАТЕЛИ О СТРАНЕ СОВЕТОВ

Заведующий редакцией А. И. Белинский
Редактор Н. Н. Сотников
Художник В. Н. Осенчаков
Художественный редактор А. А. Власов
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректор Н. Н. Фоменко

ИБ № 3281

Сдано в набор 09.04.85. Подписано к печати 25.09.85.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2.
Гарн. литерат. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 15,96. Уч.-изд. л. 16,72.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 901. Цена 95 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат,
191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Французские писатели о Стране Советов

